

НИКОЛО-ПОГОСТ

ИСТОРИЯ ИМЕНИТОГО СЕЛА
НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Книга первая

Нижний Новгород
Нижегородский гуманитарный центр
2003

Автор-составитель
Г. П. КРЕКОВА

Николо-Погост: История именитого села Нижегородского Поволжья. Книга первая. — Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2003. — 224 с.

ISBN 5-7565-0092-8

Настоящее историческое издание посвящено судьбе одного из самых старинных и известных сел нашего края. Особенности книги характеризуют широта охвата исторических событий и колоритность стилистической формы, в которой прихотливо сочетаются подлинность документа, условность воспоминания и фольклорная живописность и образность.

Книга адресована изучающим историю своего края.

ББК 63.3(02 Рос.-4 НН)

НИКОЛО-ПОГОСТ — ДРЕВНЕЙШЕЕ СЕЛО НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ *

Древнейшее село Нижегородского Поволжья Николо-Погост, основанное в XII веке, раскинулось прямо напротив Балахны, на высокой горе, на левом берегу Волги, недалеко от устья Узола.

В XIII—XIV веках Николо-Погост, бережно сохранив признаки древнейшей истории освоения русскими Поволжья, становится административно-хозяйственным и духовным центром Заузоля.

Наиболее раннее упоминание о Погосте содержится в Писцовой книге 1534 года Алексея Жедринского. В ней говорится о Погосте уже как о давно существующем поселении с рубленой церковью.

По преданию, местность эта в те давние времена была покрыта сплошным лесом, от которого впоследствии сохранился только один большой пень на Старцевском поле, в 50 сажнях от Николо-Погоста. Первая церковь в селе была построена именно из деревьев этого леса.

В Дозорной книге 1591 года говорится, что церковь Николы в селе «древяна, клетцки». Она представляла собой простейший тип русского бревенчатого храма с двускатными кровлями над моленным залом, трапезной и небольшой папертью. Церковь возводили всем приписанным к Погосту миром.

В Погосте содержались в исправности паромы и ладьи переправы через Волгу, на 100 гектаров складывались клетки дровяного и строевого леса, сгонявшегося в плотях и высокобортных беленах с верховий Узола для балахнинских соляных

* Материал подготовлен на основе публикаций доктора исторических наук, профессора ННГУ Н. Ф. Филатова.

варниц и кирпичных заводов — Николо-Погост стоял в древности на дороге из Городца в Нижний Новгород.

В XVI веке на берегу Узолы каждой зимой рубилось много разновеликих судов. Стоимость их на нижегородском торгу была немалой: судна 60-метровой длины — 30 рублей, 20-метровой — 10 рублей.

Погост получил благоприятные условия для развития благодаря официальному учреждению в 1641 году близ Макарьев-Желтоводского монастыря знаменитой ярмарки.

В начале XVII века в Погосте возвышалось уже два рубленых храма. В 1635 году по ходатайству никольского сельского старосты Митки Частомежелевского храмы были подновлены, и в них освящено уже три престола. Не прошло и десяти лет, как в условиях мирной жизни Поволжья и быстро развивающихся экономических связей сложились предпосылки для быстрого торгово-промышленного развития села. Холодный храм в Погосте был срублен уже шатровым, а теплая церковь — клетцкой с отдельно стоящей колокольней. Так возник, как и в других русских землях, погостовый ансамбль.

Значение Николо-Погоста, центра хозяйственной и духовной жизни обширного района Заволжья, к середине XVII века стало еще более заметным. На площади перед храмами появился «съезжий двор, на нем горница с комнатою на подклетех, пред нею сени, а в подклетех тюрьма... да житной двор огорожен тыном, а в нем 16 житниц, земли под ними в длину 27 сажен, поперег 17 сажен, збирается в житницы по московскому отпуску посылной и стрелецкой хлеб». Рядом стояли и два двора государевых приказчиков, у каждого «горница на подклетех да повалуша, меж ними сени да крыльцо, да баня на режах, да погреб с напогребницею, да поварня, да ворота створчатые в бревенной же горотьбе». Особняком возвышался государев кружечный двор с ледником, амбарами и пьющей избой.

Кроме церковного причта и государевых целовальников в Погосте жили тогда шесть крестьянских и одиннадцать бобыльских семей. Оторванные от земли бобыли занимались кузнечным и гончарным промыслами, откупали погодно перевоз через Волгу, рубили строевой лес и сплавливали его по Узоле и Волге на торги понизовых городов. Только под «дровяное кладбище» для балахнинских соляных варниц под Погостом был занят луг площадью более 180 гектаров. А зимой в пойме Узолы рубились

речные суда, которые по высокой внешней воде перегонялись для продажи в Балахну или Нижний Новгород.

В XVIII веке Николо-Погост оставался административно-хозяйственным и духовным центром Заволжья. Его приход составлял 440 дворов (жители соседних деревень и починок). Платы за требы и значительные вклады доброхотов позволили церковному причту в середине XVIII века сосредоточить значительные средства и развернуть крупное каменное строительство новых храмов. Инициаторами работ стали старосты заузольских крестьян Гаврила Голованов и Максим Скрыпин.

13 марта 1752 года балахнинец Михаил Иноземцев взялся выполнить подряд: за лето изготовить «в своем сарае... работными людьми и обжечь своими дровами на церковное строение большого кирпичу 60 тыс., позженнаго красного 50 тыс., белаго непроженнаго 10 тыс., с платой по 1 руб. 25 коп. за тысячу».

Подряд был выполнен, и в зиму 1752 года заузольцы на своих лошадях перевезли кирпич в Погост. Храмы начали строить в центре села, куда сходились дороги из округи: из деревень Суздалевой и Бакуниной, из Бурыковой и Копенной, из Старцевой и Щекиных Гор.

Деревянный шатровый храм Спасо-Преображения разобрали и стали возводить храм ярусного типа. К моленному залу с востока примыкал одноабсидный алтарь, а с запада — просторная бесстолпная трапезная палата, перекрытая сомкнутым сводом. Верхний свет поступал из многочисленных окон с килевидными наличниками. Порталы боковых входов имели красивые киотцы *.

Строительство Спасо-Преображенской церкви продолжалось 7 лет (с 1753 по 1760 г.), после чего те же каменщики приступили к возведению второго каменного (теплого) храма по типу рубленых «клетцких» церквей.

Моленный зал и трапезная находятся в общих стенах, каждое пространство перекрыто самостоятельным сомкнутым сводом. Объем моленного зала повышен и перекрыт пологой четырехскатной кровлей.

Строительство теплой Владимирской церкви продолжалось также 7 лет (с 1761 по 1768 г.). Эта церковь с широко

* Несмотря на позднейшую частичную перекладку стен трапезной и алтаря, главный объем Спасо-Преображенского храма сохранил первоначальные формы и декоративное убранство до нашего времени.

расставленными небольшими луковичными главками (пятиглавием) на глухих барабанах, а также ярусная высотная Спасская церковь и расположенная между ними колокольня создали красивый архитектурный ансамбль. Сорокапятиметровая трехъярусная колокольня завершалась стройным шпилем с большим крестом из кипариса. В 1865 году вместо рубленого забора вокруг храмов возвели кирпичную ограду с тремя коваными фигурными воротами — это был последний штрих в процессе создания ансамбля Николо-Погоста.

Стараниями прихожан и при содействии церковного старосты иконостас в три яруса был вызолочен в 1867 году.

В 1814 году была построена кладбищенская церковь — однокупольное каменное сооружение строгой архитектуры. Церковь расположена за селом, отдельно от основного ансамбля.

Архитектурный ансамбль Николо-Погоста, построенный над кручей обрыва, отражаясь в водах Никольского озера и открываясь сказочным видом с Волги, является замечательным памятником художественной одаренности местных каменщиков-мастеров, а сорокапятиметровая колокольня со шпилем, господствуя над обрывом, долгое время отмечала вместе с многоглавием храма центр одного из древнейших сел Нижегородского Поволжья.

Село связано с биографиями многих выдающихся людей России. С 1797 года Погост стал вотчиной полководца и дипломата, фельдмаршала Н. В. Репнина, а после его смерти по дарственной перешел к роду Волконских. В 1809 году село стало владением будущего декабриста Сергея Григорьевича Волконского. В ходе следствия над участниками декабрьского восстания 1825 года он сумел передать права наследования своей супруге — Марии Николаевне. «Прощаюсь навеки с добродетельной и бесценной моей женой и милым моим сыном, поручаю его нежной попечительности матери, а сыну завещанием родительским оставляю быть неизменно утешением и радостью его матери», — писал князь в своем распоряжении. После того как Мария Николаевна отправилась за своим мужем в сибирскую ссылку, Николо-Погост перешел в управление опекуна ее грудного сына Николая — отца княгини, героя Отечественной войны 1812 года, командира Нижегородского драгунского полка Н. Н. Раевскому.

Все это делает судьбу одного из древнейших сел Нижегородского Поволжья Николо-Погоста особо значимой и ценной не только для отечественной культуры, но и для истории России в целом.

ЗЕМЛЯ ДРЕВНЯЯ, СВЯТАЯ

Тишина здесь такая, что каждый человек невольно расслабляется и словно омывается живой водой, блаженным покоем. А красота такая, что даже зимой, когда краски невыразительны от серых облаков, голых темных перелесков вдаль, смотришь — не насмотришься. Простор, широта, о которых обычно поется в раздольной песне.

Николо-Погост — земля древняя, святая. Село это, пожалуй, могло бы поспорить о древности с Городцом — история его началась еще до татаро-монгольского нашествия.

Нет древней земли без легенд и преданий. У Николо-Погоста их предостаточно. От Узолы вдоль Волги в сторону Нижнего Новгорода протянулась цепочка озер-стариц. В разлив они превращаются в единую протоку. И вот в ближнем озере, что прямо под горой, на которой село расположилось, есть, говорят, подземный ход от колокольни на другой берег Волги. Были очевидцы, видевшие на дне вздыбленную каменную плиту там, где подземный ход разрушен. Поговаривают и о кладах — полной золота барже, затопленной где-то неподалеку.

Земля — тайна. Сколько ног ступало по ней за все века! Сколько тел покоится в ней! Историческим местом в Николо-Погосте был шихан, верхний слой которого хранил следы старины глубокой до 1982 года.

Память жителей хранит события и близкой старины. Гордость села — колокольня и храмы. По всей Волге славился Погост колокольным звоном, который во время разлива да при сильном верховом ветре был слышен на Волжском откосе в Нижнем Новгороде. На пасхальной неделе звонили без перерыва, сменяя друг друга, — вот была радость у всех!

Богатое было село, и народ в нем был не бедный. Многие имели баржи. В 1918 году все баржи, естественно, отобрали. Так, у отца Ольги Александровны и Марии Александровны Дурашиных была отобраана баржа-кормилица и 7000 золотом.

Николо-Погост в наши дни ветшает. Стареют дома, стареют люди. Некогда богатая интересными событиями жизнь замерла. Растут по косогору богатыри-деревья, журчат меж их корней ключики. Новостройки научно-технического, индустриального века не коснулись села — мощный совхоз с гаражами, складами,

животноводческим комплексом вырос поблизости в поселке Ильинском. Здесь же и школа, Дом культуры, магазины, торговый центр, администрация, современные многоэтажные дома.

Земля эта имеет два центра — древний, накопивший на высоком волжском берегу богатую ауру, которой весь проникаешься, ступив в село, и новый — городского типа, с удобствами современной цивилизации и с ее бездушностью.

К сожалению, сейчас относятся к Николо-Погосту как к источнику музейных экспонатов. Государство не помогает ему сохранять культурные ценности. Уже редко где встретишь замечательную глухую резьбу, которой славилось село. Резное убранство лучших домов вывезено в музеи Нижнего Новгорода, Москвы и Санкт-Петербурга.

ВЛАДЕНИЯ ОТЦА И БРАТА КУЗЬМЫ МИНИНА В ЗАУЗОЛЬЕ

Всем известно имя Кузьмы Минина, самого примечательного деятеля русской истории XVII века, «выборного человека всего Московского государства», происходившего из посадских людей. Он, уроженец Балахны, в конце XVI — начале XVII века в Заузолье бывал не раз. В Балахне жили два его брата — Федор и Иван, три племянника — Григорий, Петр, Иван и внучатые племянники — Сергей и Андрей.

Свою фамилию Минины вели от Мины Анкудинова. В начале 80-х годов XVI века он являлся совладельцем соляной трубы Каменки.

В Писцовой книге 1591 года речь идет о дворцовой Заузольской волости, где находились владения сына Мины Анкудинова, Федора. Федору Минину в Заузольской волости принадлежали сенокосные угодья и владения, связанные с держанием скота.

При этом имя самого Мины Анкудинова (отца) упоминается трижды: «Деревня Протасьева Щекина на Микольском истоке, деревня Сорвачева на речке Чуди, деревня Лютикова Казариновская за балахонцем за посадским человеком за Минею за Анкудинову принадлежали на праве собственности 3 деревни». В этих деревнях жили его работники, которые занимались

сельским хозяйством. Во всех трех деревнях насчитывалось $13 \frac{5}{12}$ десятин пахотной земли, 7 десятин хоромного леса. Это были немалые угодья.

Достаток Мины Анкудинова, его сыновей, внуков, правнуков складывался разными путями. Они извлекали прибыль из солеварения, скупали городские земельные участки, владели сельскохозяйственными угодьями, а некоторое время даже деревнями.

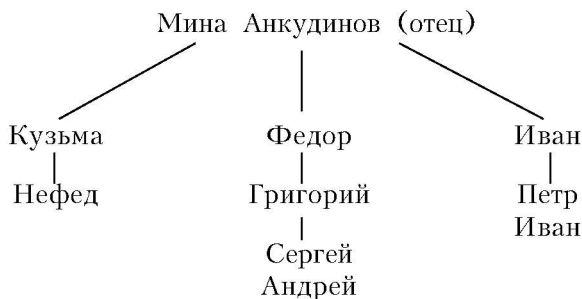
В переписной книге 1674—1676 годов Федор, сын Мины, упоминается неоднократно. Размеры собственности его достаточно внушительны. Так, в большом ряду ему принадлежали два места, в рыбном — одно, в щепетильном — два лавочных места. На балахнинском усолье он владел варницей. Прибытком с дровяным местом — единолично, а варницами Налет и Новик — вместе с братом Иваном. Федор торговал мясом, рыбой, и у него было лавочное место в рыбном ряду.

Его брат Иван тоже упоминается в этой переписной книге. Он имел две варницы (в трубах за Федором было 875 бадей рассола, остальное — за Иваном).

Кузьма Минин торговал мясом и рыбой. Его племянники, Петр и Иван, проживали в одном дворе и имели две варницы, доставшиеся по наследству от отца Ивана. В соляных трубах братья владели 744 бадьями рассола — имуществом довольно значительным (по переписной книге 1674—1676 гг.).

Широкая, многообразная деятельность Мининых косвенно подтверждается челобитной сына Кузьмы Минина — Нефеда, жаловавшегося в 1616 году на то, что «нижегородцы и иных городов всякие люди на дядьях его и на людех и на крестьянех, поклепав, ищут напрасно». Минины вели дела не только с балахонцами и нижегородцами, но и с «иных городов всякими людьми».

Вот к такому роду достаточных и предприимчивых людей принадлежал Кузьма Минин. Торговля мясом и рыбой, на что единогласно указывают его современники, по-видимому, составляла одну и, быть может, не самую главную сторону его деятельности. В действительности она могла быть разнообразнее и шире.

О ЖИЗНИ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН ПЕРЕД ОТМЕНОЙ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

В 1852 году широко раскинувшийся по Волге и Оке Балахнинский уезд делили на имения и родовые земли более 200 помещиков. Из них 23 были князьями.

Старый хозяин никола-погостинской вотчины, состоящей из села Никола-Погост с деревнями, генерал от кавалерии князь Николай Репнин умер в мае 1845 года. Прямым наследником его стал сын — князь Василий Репнин. В наследство он получил вотчину с 1500 душами. Кроме того, у него насчитывалось 3500 душ в Костромской, Полтавской и Московской губерниях. Заведая Азиатским отделом Министерства иностранных дел, Василий Репнин мало интересовался делами своих имений.

Красота и приволье левобережья Волги, раскинувшиеся по высокому берегу деревеньки привлекали многих помещиков. В Никола-Погосте находилась усадьба князей Барятинских — большой тесовый дом, сарай с берлинами и 4 десятины земли, а также имение графини Надежды Стенбок-Фермор с крепостными крестьянами Кирюшинской волости в количестве 150 душ.

«Деревня Сельцо, а в ней 14 дворов крестьянских, да 3 двора бобыльских, да 4 двора пустых. Пашни пахотные — 32 четверти (30 четвертей = 15 десятинам. — Г. К.), да пашни же перелогом и лесом поросло 40 четвертей в поле. Земля добра. Сено по луговине — 40 копен».

В этой деревне жил крепостной крестьянин «Кондрашка Иванов сын Шильнев. У него дети Васька, Потапко, Сережка,

дочь Настасья, жена Устинья, длина двора его и с огородом 30 сажень, поперек — 7 сажень, тягла платит с мортки князю В. Репнину». Деревня Сельцо, где жил Кондратий Шильнев, была небольшая, окруженная вязами, между которыми кое-где пробивались молоденькие березки. В деревне стояла невысокая деревянная церковь, было два мучных лабаза да один «царев» кабак.

Трудная жизнь была у Кондратия — голодал и перебивался как мог. Соберет хлеб, продаст немного, чтобы уплатить подати, а сам живет на оставшийся, которого едва хватало до Масленицы. А дальше нужно было идти по займам в счет будущих хлеба и работ. Так и вертелся круглый год.

Солнце было на закате, когда Кондрат вернулся домой с помещичьего поля, что раскинулось до деревни Фаладово. Жена Устинья кормила грудью младшенького. Старшенькие, Потапко да Сережка, в холщовых рубашонках, без штанов, стоя на коленках, быстро, с жадностью хлебали что-то ложками из деревянной чашки, стоявшей на скамейке.

Угрюмо посмотрел Кондрат на своего меньшого, Васютку, — мальчонка был тощим, слабеньким, с худенькими бледными ручками и ножонками.

Настя, дочь на выданье, еще не вернулась с усадьбы Барятинских, где она ухаживала за старухой, бывшей управляющей, а теперь сторожихой княжеской усадьбы.

Кондрат тяжело вздохнул и молча сел на сундук казанской работы. В сундуке было все богатство семьи: кусок свернутого в трубку домотканого полотна, два сарафана, разноцветные бусы, маленькое зеркальце, вышитое полотенце, две юбки, кафтан из сукна, кофта со сборками сзади и кусок яичного мыла.

Устинья достала из печи чугунок пустых щей — все, что составляло ужин этой большой семьи.

Но сегодня это не особенно огорчило Кондрата. Наконец-то управляющий князя Репнина позволил ему отлучиться на две недели для постройки деревянного моста балочной конструкции на реке Парашке по Костромскому тракту.

Со строительства этого моста вернулся Кондратий домой, заработав полтину денег да поношенные лапти, что отдал ему, умирая от чахотки, бакунинский крестьянин Илюшка Селезнев.

Беда ходит по пятам за мужиком. В сильный дождь, когда

вода в Узоле поднялась и вышла из берегов, река унесла мост. Кроме этого, разливом снесло много плотин на мельницах, потопило у крестьян немало стогов сена.

Положение крепостных, и без того тяжелое, из года в год ухудшалось. А помещики не торопились давать вольную. Однако нужда и голод поджимали мужика.

Единственное, что еще держало его в повиновении, — это слух об отмене крепостного права. Сам царь Александр II решил наконец предпринять путешествие по России для агитации дворянства за освобождение крестьян. Намечал он посетить и Ни-жегородскую губернию, губернатором которой был бывший декабрист А. Н. Муравьев. В свите путешествующего царя находился и князь Репнин. На вопрос императора о положении крестьян его имения Репнин ответил кратко: «Население уезда никогда не обеспечивается местным урожаем хлеба, главной поддержкою его служат местные заработки и отхожие промыслы».

Прибыв на два дня с царской свитой в Нижний Новгород, князь Репнин незамедлительно выехал в свое имение Николо-Погост.

К 7 часам вечера на встречу с ним в имение прибыли уездный предводитель дворянства Гриневич, уездный врач Николай Ливанов, воинский начальник Лампа-Старженецкий, бригадный генерал Витторф.

Жена Репнина, флейлина ее императорского величества, Елизавета Балабина, дочь небезызвестного генерал-лейтенанта, с радушием гостеприимной хозяйки принимала визитеров, угощая их первоклассным бордоским красным вином.

Обсуждался вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Однако, несмотря на всю серьезность положения, на вопиющую нужду, царившую всюду, эти влиятельные и именитые люди крайне легкомысленно отнеслись к происходящему.

Стало темнеть, когда слуга неожиданно доложил о сходе у конторы 200 крестьян.

Бурмистр Пяткин, дрожа от страха, сообщил князю Репнину, чего требуют крестьяне: недоимку с них не взимать, а заменить оную экономической суммой, имеющейся в вотчинной конторе, отменить телесные наказания и убрать управляющего, который совсем обнаглел и, отбросив всякий стыд, берет с крестьян солидные куши за освобождение от рекрутского набора. Среди

крестьян особенно усердно выдвигал требования Кондрат Шильнев, доведенный до нищенского состояния.

Начальство крестьян выслушало, однако стихийный бунт был разогнан взводом солдат, и по приказу генерала Витторфа Кондрат Шильнев получил в назидание другим 100 палок.

Волнения крестьян прокатились по всей губернии, и в присутствии царя нижегородский губернатор А. Н. Муравьев от имени дворян губернии первым в России высказался за освобождение крестьян от крепостной зависимости.

НИКОЛО-ПОГОСТ В XIX—XX ВЕКАХ

*Как в старину седую, так и ныне
Мы гордо произносим, словно тост,
Твое незабываемое имя,
Старинный именитый наш Погост!*

В середине XIX века село Николо-Погост делилось на две части: Николу (или Погост) и Кулаково (или Кулаковскую слободу). Село начиналось с Кулаковской слободы.

По словарю С. И. Ожегова, слово «слобода» до отмены крепостного права в России означало большое село с некрепостным населением. Большая советская энциклопедия дает такое толкование этого термина: слобода — отдельное поселение, квартал на государственной или частновладельческой земле, население которых пользовалось временным освобождением от уплаты налогов и других повинностей, то есть льготами.

По рассказам жителей, в Кулаковской слободе жили безземельные крестьяне. Это были, как правило, волгари, матросы, водоливы, штурвальные, бурлаки, капитаны, ремесленники, плотники, подрядчики, пастухи.

Свои дома приезжие крестьяне строили прямо на горе, и это еще раз указывает на то, что слободские крестьяне земли не имели.

О происхождении названия Кулаковской слободы существовало несколько легенд. По одной из них, будто бы когда-то жил здесь сильный, крепкий хозяин Кулаков; по другой — спорные вопросы земельных (зажиточных) крестьян с безземельными

решались часто на кулаках, и побеждали в них обычно безземельные мужики.

Кулаковская слобода (сейчас ул. Набережная) располагалась на большой горе, или угоре, и представляла собой всего одну улицу, которая заканчивалась шиханом *. На этой улице жил урядник. Именно здесь происходили самые драматические исторические события.

В 1238 году после упорного сопротивления жителей монголо-татарами был взят и сожжен Городец. По преданию, монголо-татары были и в Погосте, на шихане они построили виселицы для расправы над самыми активными своими противниками. По другому преданию, 400 с лишним лет назад, в период правления Ивана Грозного, на шихане, «на лобном месте», опричники жестоко расправились с жителями Заузоля, выступившими против засилья дворян-опричников. Во времена правления Екатерины II, в конце XVIII века, беглых ссыльных «балахонцев» вешали на этом месте за побеги с балахнинских соляных варниц.

Еще до недавнего времени на шихане можно было под небольшим слоем земли раскопать множество костей и разных предметов, но в 1982 году весь верхний слой земли с шихана был снят и использован на строительстве дороги от деревни Щекино до Волги.

Центральная часть села называлась Погостом (или Николой в честь святого Николая Чудотворца).

Погост — распространенный в русских исторических источниках термин, имевший на протяжении X—XVIII веков различное толкование. Первоначально погостом, видимо, назывались сельские общины в Древнерусском государстве, а также центры этих общин.

В X веке погосты стали административно-территориальными единицами, во главе которых были поставлены особые должностные лица, отвечающие за регулярное поступление дани. В XII веке с распространением на Руси христианства в центре погоста строили церкви, близ которых находились кладбища. Величина погоста была различна. В XI—XIV веках погосты состояли из нескольких десятков или даже сотен деревень. В XV—XVI веках

* Шихан — слово татарское и означает «клин». Шиханом называли место, где гора сходила на нет.

в Русском государстве погосты сохранились в уездах, где было много черных и дворцовых земель. В документах XV—XVII веков погостом, как правило, называли уже небольшие поселения с церковью и кладбищем.

Дольше всего погосты как административно-территориальные подразделения сохранялись на севере Русского государства, но в 1775 году и там они были окончательно упразднены.

В XIX — начале XX века слово «погост» употреблялось чаще всего только в значении кладбища. Настольный трехтомный словарь для справок по всем отраслям знания, подготовленный под редакцией Ф. Толля (Санкт-Петербург, 1863. Т. 1), дает следующее толкование этого термина: «Погост — слово, встречающееся в наших летописях еще в языческие времена. Слово «погост» производят от слова «погостина» — съезжее место, сборный пункт сельских жителей известного округа, волости, где бывала гостьба, торжки и базары. На погостах останавливались варяги, обложившие в IX веке русские поселения данью. Они требовали в свое становище окрестное население для взноса подати, отчего в народном понятии слово «погост» означало известный податный участок населенной земли, составлявший часть уезда (объезда сборщиков). С введением христианства на погостах были сооружены церкви и назначены кладбища».

У Николы жило более богатое и материально обеспеченное население: торговцы, владельцы барж и пристаней, служители культа, кустари, плотники.

Улица за базаром к полю называлась Запрудной.

За южной церковной оградой располагался барский дом с большим садом-парком и хозяйственными постройками. Дома служителей культа находились прямо за барским садом. На территории, прилегающей к церкви, до сих пор сохранились их могилы.

В 1865 году архитектурный ансамбль был огорожен новой кирпичной оградой с тремя воротами (вместо рубленого забора). Главные ворота с укрепленной над ними иконой Николая Чудотворца получили название «святых». Через эти ворота вносили покойных в церковь для отпевания. Двое других ворот назывались боковыми.

Село Николо-Погост расположено на высокой горе. Внизу, под горой, раскинулось красивое Никольское озеро протяженностью 4 километра, шириной от 50 до 100 и более метров.

Глубина его у Петрушина 6 метров, в других местах — 4 метра, но еще в начале XX века оно было значительно глубже.

Когда-то озеро через исток (глубокую низину) соединялось с Узолой. Через него вода из озера попадала в Узолу, а при весеннем паводке узольская и волжская вода через этот же исток заходила в озеро, освежая его. Через низину (канал) Прость под деревней Суздалево вода поступала в озеро в другом его конце, а из него вытекала в другое озеро и далее в Волгу. Уровень воды в озере не понижался благодаря ключам, бьющим на дне его и в горе. Вода в нем была питьевой, чистой, приятной на вкус. Водилась в нем и рыба: окуни, ерши, сорожки, щуки — и раки. За час можно было наловить до сотни рыбешек.

Особенно красиво село Николо-Погост было весной, во время разлива Волги и Узолы, когда вода доходила до самой горы. Волгари заранее готовили на период навигации свои лодки, пробивали паклей пазы, смолили разогретой на кострах смолой днища. С утра до вечера под горой стоял шум, гул, раздавался стук топоров, в воздухе терпко пахло смолой.

При убыли воды на лугах сначала обнажались высокие места — зеленые островки. А когда вода уходила совсем, они превращались в сплошной зеленый ковер.

У озера есть залив Криулина (как бы криуляет), о котором рассказывают, что когда-то на этом месте брали глину, песок, отчего он и образовался, а на другой стороне его — обрыв глубиной до 8 метров.

В начале же озера, между двумя его рукавами, находится Бездонка (бездонная яма). За озером есть водоем Крестовка. Говорят, что в прежние времена ежегодно 19 января, в Крещение, здесь совершались крестные ходы.

За Никольским озером до XVII века рос хормный лес, остатки его у Лисьего озера в начале XX века охраняли сторожа.

У Петрушина, между двумя оврагами, издавна был извоз — спуск к Никольскому озеру. Зимой на лошадях можно было через замерзшие озеро и Волгу доехать до самой Балахны и обратно. На извозе, в низине, сельчане обустроили ключик в виде деревянного колодца высотой 60—70 сантиметров, откуда можно было привезти на лошадях чистой питьевой воды не одну бочку. Вода в ключике-колодце постоянно накапливалась.

И сейчас еще из этих оврагов у Петрушина бьют ключи. Более десятка ручейков из разных мест в низине сливаются в один

большой ручей, впадающий в озеро. Всю зиму даже в самые лютые морозы вода в этом ручье не замерзает.

Ключей по всей Погостинской горе много. Но один из них, на самом верху горы, прямо напротив колокольни, который тоже питает своей живительной водой озеро, называют святым.

БАРСКИЙ ДОМ

Во времена крепостного права полноправным хозяином в Николо-Погосте был бурмистр. Жил он в двухэтажном деревянном доме около пруда. Всем, кто проходил мимо бурмистрского дома, следовало кланяться до земли независимо от того, был хозяин дома или нет, а мужчины должны были при этом снимать еще и головные уборы. Кто не исполнял этого правила, бывал наказан.

После отмены крепостного права в селе появился управляющий (в народе — барин). Занимал он деревянный дом (при советской власти в нем открыли клуб). В соседнем, тоже деревянном доме, бывшей начальной школе, у управляющего была контора. По горе, за конторой, располагались хозяйственные постройки — сараи, амбары, конюшня, кузница. Далее тянулись посадки нескольких десятков сосенок. (В наши дни от этих посадок сохранилось всего двадцать деревьев). Барский дом и хозяйственные постройки окружал высокий забор.

Напротив барского дома располагался сад-парк, в котором росли сосны, липы, дубы, серебристый тополь, туя, кедры, плодовые деревья, а возле дома были разбиты нарядные цветочные клумбы. Посторонним входить в этот сад-парк строго запрещалось. Охраняли его около десятка собак и, конечно, сторож. По парку разгуливали диковинные в этих местах павы и павлин с распущенным веером хвостом.

Недалеко от дома были устроены красивые беседки, а поодаль от дома — большие качели, огороженные забором. Иногда, пользуясь отсутствием сторожа, подростки перелезали через забор и качались на этих качелях. За домом, на озере, были построены огороженные купальни, предназначенные для господ. От дома к купальням вела лестница.

Как-то в один из жарких июльских дней дочь барина купалась в озере и уронила в воду золотой браслет. Начались поиски. Несколько дней обшаривали дно озера работники барина, но дорогое украшение так и не нашли. Привлекли к поискам и местных мужчин, даже подростков. Все оказалось впустую. Так и остался золотой браслет на дне озера...

Настоящие хозяева земель Николо-Погоста жили в основном в Москве, в Погосте же все их дела вел управляющий.

Незадолго до революции последние владельцы этих мест, княгини Щербатовы, начали продавать свои земли зажиточным крестьянам. До наших дней сохранились в память об этих событиях названия: Малая обрезка, Большая обрезка за озером около Узолы.

После революции барский дом стал народом, позднее — клубом. От бывших хозяев осталась только беспризорная собака — пес Мишка, долгое время сиротливо бродивший по саду. Потом и он пропал. А от парка, который когда-то так притягивал к себе любопытствующих сельчан, особенно подростков, сохранилось на десятки лет название «барский сад». В Николо-Погосте и сейчас еще говорят: «Пойдем купаться под барский сад».

До сих пор сохранилось название «Барская усадьба» для поля площадью 26 гектаров, расположенного недалеко от деревень Чистомёжное, Плесянки, Волкопялиха, Меленки, Харламира. От поля неподалеку проходит асфальтированная дорога на Харламиху.

Поле окружено оврагами: с двух сторон — большими, глубокими (в одном из них протекает речка Ильинка, но вода бывает в ней в основном весной), с третьей стороны — оврагом, по которому проложена дорога к Меленкам (овраг местами скрыт для удобного проезда транспорта). С четвертой стороны протянулась лесополоса из берез, осин и других деревьев, посаженных еще в начале 30-х годов для отвода воды. Все поле делится на две части: одна — 11 гектаров, другая — 15 гектаров. На большей части поля сохранился водоем. 30—35 лет тому назад у водоема, ближе к дороге, лежали большие кучи красного кирпича (щебенки) — остатки каменного строения от жилья (так считают многие) или от хорошо налаженного производства кирпича (считают другие). Глину могли брать у Меленок.

Земля на Барской усадьбе и сейчас хорошая. В севообороте

хозяйства «Заречное» на Усадьбе в основном выращивают зерновые культуры и многолетние травы.

Каждое лето по оврагам Барской усадьбы получают хорошие укосы трав, а в лесополосе жители многих деревень собирают грибы.

МАСЛЕНИЦА (1917 г.)

Самым веселым и радостным праздником для балахнинцев была Масленица. Начиналась она с четверга. В этот день устраивался большой масленичный базар. Он занимал всю территорию современного рынка и сада (его тогда еще не было), вплоть до берега Волги.

На базар шли пешком, ехали на санях, подводах, как из Погоста, так и из ближних и дальних деревень, через Волгу, сотни людей, празднично одетых в лучшие одежды в ожидании веселого народного гулянья.

Многих сюда привлекало не только широкое торжище, но и яркие красочные картины, написанные местными художниками. Живописцы продавали их недорого. Можно было неотрывно стоять у этих картин и любоваться весенними разливами рек, огненным закатом солнца, заснеженным лесом...

В Николо-Погосте в пятницу, субботу и воскресенье проходили катания на лошадях в праздничных саночках, с задорными бубенчиками и колокольчиками. Катающиеся, в основном это были молодые люди, с сияющими лицами посматривали вокруг, на плотную стену зрителей. Катались на Базарной площади полукругом в один ряд на расстоянии полутора метра. По обеим сторонам от катающихся масса людей внимательно наблюдала за происходящим, отмечая лучшие саночки, лучших наездников, седоков.

Веселые возгласы, шум, залихватские переборы гармошки, песни не смолкали до вечера. Зимний мороз румянил щеки, бодрил гуляк, придавая им особую удаль.

На Масленицу веселились и стар и млад.

А в воскресенье вечером за озером зажигался большой яркий костер. Костры разводили и в деревнях.

ПОГОСТИНСКИЙ БАЗАР

Базар проходил в селе по престольным праздникам — в летний (22 мая) и зимний (19 декабря) Николин день. Торжище устраивали в центре села, на площади, перед оградой церкви. Площадь эта так и называлась Базар или Базарная.

Здесь торговали углем, дровами, игрушками, свистульками, корзинами, столярным инструментом, горшками, кринками, плошками, корытцами, кадушками (липовками), граблями, лыком, мочалом, холстами, веревками, лаптями, жердями, овощами, грибами, соленьями, мясом. Балахнинцы привозили сюда конфеты, печенье, пряники, муку и даже мороженое. Много было лоточников.

В приход входила 61 деревня. И из всех этих селений прибывали на базар люди. Вся Базарная площадь была заставлена лавками местных торговцев и приезжих. Приезжали на базар на лошадях, украшенных лентами, цветами, из Городца, Балахны и деревень. Для привязи лошадей на площади устраивали специальные перила.

Издавна этот край славился мастерами: резчиками, плотниками, столярами, гончарами, умельцами плетения из щепы и лозы, вышивальщицами, пряжами, ткачихами. Мастера лепили звонкие горшки и кувшины, каменщики делали добротный кирпич. Были и свои музыканты — гармонисты, гитаристы, скрипачи, балалаечники: Л. Я. Павлычев, братья Богдановы, Вознесенские, П. И. Иванов, А. Буянов, Снопатин и др. Были и свои торговцы. Лавки у Дмитрия Мохова, Александра Петровича Чернавина и его отца Петра Ивановича считались лучшими. Они торговали мясом, рыбой, мукой, кондитерскими изделиями.

Капитон Иванович Осинин из Николо-Погоста забивал на своей бойне скупленный скот и широко торговал мясом.

Торговец из деревни Бакунино Дмитрий Максимычев привозил на базар конфеты, чай, соль, орехи. Александр Павлович Шалявин торговал мясом.

Секреты ремесла бережно передавались в некоторых семьях от отца к сыну — известное дело, «ремесло век кормит». Вот если бы и мы теперь так же бережно относились к своей профессии!.. Богато и славно жило село Николо-Погост!

Праздничные базары-ярмарки в этом селе были радостным событием для всей округи. Было тут что купить, было и на что посмотреть!

ПОД СОСЕНКАМИ

В Николо-Погосте на горе улицы Кооперативной есть очень красивое место — полянка, засаженная соснами, откуда можно полюбоваться гладью Никольского озера, луговыми просторами, судами, идущими по Волге; днем — очертаниями города, вечером — мелькающими за матушкой Волгой огнями.

Эту небольшую территорию на горе озеленили сорока небольшими сосенками еще в XIX веке по распоряжению жившего в барском доме управляющего.

Сосны росли, преображались, приветствовали красоту всех времен года. Часто сильный порывистый ветер пытался сломать не защищенные на верху горы деревья, но они сопротивлялись его напору. Сосны давали возможность летом в тени отдохнуть и взрослым и детям. Жаль, что их теперь не сорок, а только двадцать две. Это лучшее место отдыха не только жителей улицы Кооперативной, но и всех сельчан.

Место под соснами — словно дар природы. Все здесь радует человека: и пение птиц, и порхание разноцветных бабочек, и запах хвои, и ветерок, и купание в озере, и катание по озеру на лодках, и сбор под соснами грибов. Вдали — зеленый бархатный луг, кусты, масса цветов. Под соснами приятная прохлада. Они придают уголку красоту, прелесть и очарование. С поляны, на которой они расположились, несколько спусков к Никольскому озеру. Так и хочется присесть на лавочку или бугорок под сосенку и смотреть в необозримую даль и любоваться очаровательной картиной. От приятного запаха хвои дышится глубоко и легко. Эти сосны красивы в любую пору, в любую погоду.

Со временем земля около сосен, со стороны обрыва, осыпалась, корни многих деревьев обнажились, но стоят они еще крепко, украшая улицу, гору и село.

КРЕСТЬЯНЕ ДЕРЕВЕНЬ ВСЕГДА ТРУДИЛИСЬ

Крестьяне деревень Буйной, Суздалево, Бакунино, Савино и других занимались выращиванием льна. Они сами обрабатывали этот лен, делали из него волокно, из которого пряли нити — пряжу, а потом зимой женщины ткали из нее льняное полотно — новины. В марте это полотно раскладывали на твердый снег — наст, под ярким весенним солнцем оно хорошо отбеливалось. Зимой женщины занимались также плетением кружев, ткали на деревянных станах полога — половики или дорожки на пол.

В Буйной мужчины плотничали, строили баржи. Михаил Васильевич Буянов был подрядчиком у городецкого купца. Его сын Александр Михайлович работал вместе с отцом. После революции они ездили на зиму в Сибирь и там тоже плотничали.

В Бакунине у некоторых крестьян (например, у Александра Павловича Шалявина) были свои бойни. Скот закупали, забивали его и торговали мясом. Скупщиком мяса и торговцем его (имел собственную лавку) был, например, Дмитрий Максимычев. Торговал мясом и Иван Михайлович Осинин.

В деревне Савино крестьяне добывали глину, ставили печи для обжига и изготовляли кирпич. Недаром здесь многие дома каменные или полукаменные (у Чиклимовых, Дунаевых, Корягиных и др.).

Все крестьяне трудились в поте лица и день и ночь, из года в год.

МАСТЕР НИЖЕГОРОДСКОЙ РЕЗЬБЫ ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ КОПАЛКИН*

Узнать имя мастера-резчика можно достоверно лишь в том случае, когда оно указано на архитектурной детали. Часто из-за отсутствия места «подпись» вырезалась сокращенно или

* Материал подготовлен на основе работы В. А. Горячева из сборника «Записки краеведов» (Горький, 1988).

ставились только инициалы. Лишь высокое мастерство и особый творческий почерк давали строителю право оставлять свое имя на построенном им доме. Хозяева гордились тем, что их дом строил лучший мастер в округе. Подпись являлась как бы знаком высокого качества крестьянской избы.

Те, чьи имена увековечены на народном жилище, занимались не только резьбой, они были руководителями артелей, мастерами «первой руки», выполнявшими наиболее ответственные работы: рубили углы срубов, вставляли оконные и дверные косяки, делали лавки, наличники, резали орнамент на досках. Работы талантливых и одаренных мастеров служили образцом для подражания, а их индивидуальные творческие находки в результате многократного повторения другими строителями становились традиционными, создавая определенные «школы» в отдельных районах, пополняли народный опыт.

В деревне Савино, что на левом берегу Волги, в 7 километрах от Николо-Погоста, стоит дом, датированный 1893 годом и с «подписью» мастера. «Мастеръ Василей Копалки» — четко выведено прорезью на подоконье большого окна сеней. В соседней деревне Сысово есть дом Н. А. Касьянова, построенный тем же мастером. Об этом говорит надпись: «1893 года М. Копал.» Обе избы представляют собой один и тот же тип двухэтажного пятистенка с трехконным главным фасадом и фронтоном. В других соседних деревнях имеются постройки этого мастера с вырезанным «автографом» — это дома В. Д. Гончарова в д. Ковалево (без даты), М. С. Буяракова в д. Шепилово («1893 года» «мастеръ Василей Копалкин»), дом в Больших Сухаренках («1888 года»), два дома в Конопляново: А. И. Варичевой («1882») и Е. Н. Гудковой («1897»).

А в деревне Журавлево сохранился и собственный дом мастера, построенный им в начале XX века, в котором и сейчас живут его потомки.

Таким образом, сохранившиеся семь домов, построенные и украшенные В. Ф. Копалкиным и относящиеся к 80—90-м годам XIX века, периоду наивысшего расцвета таланта резчика, дают возможность составить представление о 15-летнем отрезке его творческого пути (1882—1897).

Мастер Висилий Федорович Копалкин был небольшого роста, очень жизнерадостный, энергичный человек. Он постоянно путешествовал. «Бывало, за 50 верст хаживал, чтобы посмот-

реть резьбу на доме каком, и сразу на бумагу клал узор или куклу какую новую, а то и продать хозяев просил налишник». Точной даты рождения В. Ф. Копалкина его внук, Павел Никандрович Копалкин, не знает, но умер он в 30-е годы лет восьмидесяти.

80-е годы XIX века — переходный период в развитии народного зодчества городецкого Заволжья. Старые традиции середины века постепенно утрачиваются, высокое искусство глухой резьбы вытесняется более легкой в изготовлении моделированной пропиловкой. Меняется и композиция домов: строят более «модные» дома, у которых двухскатная крыша перекрывает выходящие на главный фасад сени — веранду или крыльцо. Шире применяется тесовая обшивка сруба; характерные для карнизов изображения птиц-пав, львов, фараонов становятся элементом наличников, украшая их очелья.

В избах, построенных Копалкиным в 1880—1890 годах, заметно смешение различных элементов. Основные из них — наличники окон — резались мастером «первой руки» Василием Копалкиным, а другие — пропильная резьба на угловых столбах и по карнизам — его помощниками. Композиция наличников «красных» и светелочных окон, сказочные персонажи и необычная техника глухой резьбы, мастерство исполнения свидетельствуют о том, что это произведения мастера, за плечами которого не одно построенное сооружение, и творческое лицо которого сложилось еще в период широкого использования барельефной резьбы.

Как пример архитектурного решения, раскрывающего индивидуальный почерк В. Ф. Копалкина, можно привести наиболее законченный, совершенный и характерный для его творчества дом Н. А. Касьянова в деревне Сысово. Он обращен узким фасадом к улице. Двухэтажный сруб с примыкающими к нему с севера тесовыми сенями, крыльцом и верандой над ним завершен большим фронтоном. Гладкие карнизы украшает несложная полоска пропильной порезки. На тесовой обшивке — большое светличное окно с витыми колонками, фронтонычком и барельефной резьбой на деталях. Обшитые досками углы сруба с пришитыми к ним пропильными узорами выделяют главную часть фасада, где размещены три окна на первом и втором этажах. Большие наличники со ставнями украшены по карнизам, очельям и подоконьям рельефной резьбой с прорезью.

Веранда на втором этаже освещается двумя широкими окнами с мелким рисунком переплета. Пространство крыльца украшает колонка с капителью из листиков, поддерживающая угол веранды. С наличником волоковое окно — традиционного рисунка. На южном фасаде дома — второе крыльцо и наличники окон зимней избы с резьбой и изображениями.

В построенных В. Ф. Копалкиным домам поражает разнообразие декоративных форм, необычность сюжетов, яркая индивидуальность в трактовке образов. Из более чем двадцати наличников на домах в Савине и Сысове ни один не повторяется. Красивы и изящны светелочные окна на фронтонах. Светелочное окно дома А. И. Варичевой из Коноплянова выполнено в традиции городецкой домовой резьбы второй половины XIX века. Верхняя и нижняя части окна соединены четырьмя витыми колонками. Окно имеет симметричное расположение сюжетов: вверху, в центре — двухглавый орел, окруженный по бокам двумя львами. На нижней части окна, по краям — два симметрично расположенных льва с вытянутыми мордами и закрученными хвостами. Только в центре вписана дата резьбы: «1882 года».

На светелочном окне дома в Больших Сухаренках в нижней части между изображениями двух львов вписана дата: «1888 года».

В 90-х годах появляются новые сюжеты. На доме И. А. Корягина в подоконье вырезаны обращенные друг к другу два дракона с закрученными хвостами, пожирающие змей, а в верхней части окна дома Н. А. Касьянова — трехглавый дракон с головами, повернутыми к хвосту. Впервые этот сюжет мастер разместил на очелье наличника в Сухаренках (1888 г.) среди фараонов, львов, пав-птиц. Общая композиция наличников, изображение драконов, фараонов с двойным хвостом, одинаковый рисунок деталей и резьбы, сходство цифр и букв дают основание считать, что работу Копалкин выполнял в начале 90-х годов XIX века.

Изображения и сюжеты на наличниках Копалкина: 1) традиционные, разработанные в местном зодчестве; 2) заимствованные из окружающей жизни изображения зверей, птиц; 3) сюжеты из русских сказок; 4) фантастические сюжеты, впервые примененные.

В трактовке традиционных сюжетов мастер окрашивает

изображение грозных зверей присущим ему юмором и добродушной усмешкой. Выразительны львы на доме Корягиных. Полулежащий лев с хвостом, обвитым вокруг тела, поднял голову и смотрит на нас. Завитки гривы окружают круглую добродушную морду зверя. С другого наличника злобно оскалил пасть приподнявшийся, опустивший голову, готовый к прыжку лев. Грива его стелется по шее, хвост бьет по телу. На подоконье вырезаны два обращенные друг к другу мордами, смотрящие на зрителя в упор, улыбающиеся молодые львята, похожие на котят.

Копалкин часто пользуется образом загадочного зверя — полуконь, полулев — с лапами и хвостом льва, но с головой и гривой лошади. Двух коней, симметрично расположенных, можно видеть у светелочного окна на карнизе и подоконной доске. Зверь полулежит в тесном пространстве картины. Коротенькое тело, более длинные ноги, гордо повернутая длинная шея скачущего коня (то есть традиционное решение и совсем реалистичный образ).

Круглое девичье лицо с широко раскрытыми наивными глазами, вскинутыми бровями, маленький улыбающийся ротик, крутые локоны непокрытых или с кокошником вьющихся волос — фараонки на наличниках Василия Копалкина. На подоконье дома из деревни Сысово взирают на нас с резной доски две обращенные друг к другу русалочки без рук.

Подоконные доски наличников первого этажа в доме И. А. Корягина заполняют птицы-павы, на средних окнах дома Н. А. Касьянова на обоих этажах они основной сюжет резьбы. Приготовившиеся к битве птицы с обращенными друг к другу раскрытыми клювами и лапами, яростно поднявшие крылья — новая трактовка образа. Сценка эта из жизни: не райские птицы готовятся к бою, а рассерженные курицы готовы подраться из-за найденного зерна. Среди сюжетов из жизни кроме курочек и петушков в очелье одного из окон в доме из д. Сысово видно бегущего по травам испуганного зайца.

Другая сюжетная группа имеет связь с русской сказкой. На очелье наличника дома в д. Сухаренки изображены поясные портреты трех крестьянских девушек («Три девицы под окном...»). Над окном дома в д. Савино трехглавый Змей Горыныч грозно шипит, полыхая пламенем. На доме Н. А. Касьянова (д. Сысово) тот же зверь в минуту отдыха лежит и спокойно

смотрит по сторонам, пожирая змей. Там же, на наличнике, мастер изобразил Елену Прекрасную на Сером волке. На другом — девицу-красавицу у окошка в окружении петушков («Царь с царицею простился...»).

Дракон — часто встречающийся образ у В. Ф. Копалкина. Им он украшает и очелье наличников, и подоконье, и светелочные окна. Дракон полон движения, борется со змеей, которую схватил лапами и пожирает огромной пастью. Мощное тело, свившееся кольцами, заканчивается змеиным хвостом с утолщением. В очелье больших окон, на фризе светелочного наличника Корягиных мастер изобразил не птиц и не змей. Веретенообразное тонкое тело с двумя лапами и хвостом, загнутым к голове; змеиная голова с языком, оканчивающаяся спиралью, повернута к хвосту. Это звери вроде древних ящеров. На одном из очелий дома в Сухаренках вырезан дракон с повернутой назад головой. Изображение напоминает драконов на белокаменной резьбе средневековой Руси. В мифологии дракон связывался с плодородием и водой, считался покровителем сокровищ. Это образ и водной стихии. Как воплощение положительного начала, дающего людям воду и богатство, дракон встречается в декоративном искусстве на Руси в отделке храмов.

Другой необычный сюжет — берегиня-фараонка с двумя симметрично расходящимися рыбьими телами. Подобный прием раздвоения туловища льва применен на северном фасаде Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197 гг.).

Интересен сюжет Копалкина в очелье и на подоконье наличников — птицы у древа-цветка разместились симметрично с двух сторон, смотрят на цветок или отвернулись от него. И этому изображению встречаются аналоги в белокаменном кружеве Дмитриевского собора. На западном фасаде высечен рельеф в виде двух птиц у древа-цветка. Древний мотив изображал символ плодородия, идею жизни, роста.

Удивительна связь фантастических сюжетов В. Ф. Копалкина с белокаменной резьбой во владими́ро-суздальских храмах XII—XIII веков. Не исключено и прямое заимствование сюжетов, если мастеру пришлось повидать владими́ро-суздальские святыни.

НИКОЛО-ПОГОСТИНСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ С 15 ДЕКАБРЯ 1918 ГОДА ПО 1929 ГОД

15 декабря 1918 года на общем собрании граждан села Николо-Погост было принято постановление об организации Николо-Погостинского сельсовета и избрании семи его членов.

В состав сельсовета вошли само село Николо-Погост и Кулаковская слобода с общим числом жителей 438 человек и количеством дворов — 86. В 1922 году из Зиняково-Смольковской волости в Николо-Погостинскую передается еще ряд селений, в результате чего количество селений в сельсовете увеличилось. В Николо-Погостинский сельсовет на ноябрь 1922 года входили следующие селения: Николо-Погост, Марково, Потнево, Сельцо Спасское, Сивково, Старцево, Щекино. Население сельсовета составляло 4028 человек.

В 1924 и 1929 годах в состав сельсовета входили следующие селения: Николо-Погост, Марково, Потнево, Сельцо Спасское, Сивково, Волкопялиха, М. Плесянки, Б. Плесянки, Шубино, Бурково, Бутаково, Старцево, Щекино, Головино, Ивашково, Клепиковка, Лосево, Митенское, Буйная, Петрушино, Меленки, Суздалево, Крестьяниха, Окулиха, Б. Фаладово, М. Фаладово, Шаталиха, Чистомежное, Бакунино, Копенное, Харламиха, Безводное, Коновалиха. Всего 33 селения.

В 1924 году в связи с образованием Балахнинского рабочего района из Городецкого уезда выделяется ряд волостей. В результате административно-территориальных изменений в уезде бывшие Николо-Погостинская, Кирюшинская, Зиняковская волости к апрелю 1924 года объединяются в одну — Зиняковскую. На месте бывших волисполкомов образуются сельсоветы.

Николо-Погостинский сельсовет располагался в здании волисполкома в Николо-Погосте, на расстоянии 4 верст от самых дальних селений и 12 верст от волостного центра. В сельсовет

входили 34 селения, 550 хозяйств. Население, к нему относящееся, составляло 2813 человек. Он объединял южную часть бывшей Николо-Погостинской волости. Из-за малоземелья большая часть его жителей работала в Нижнем Новгороде, Сормове, Балахне. В 1925 году 260 человек входили в кооператив, что составляло 18% от общего числа жителей района.

На перевыборах 1924 года в состав сельсовета было избрано 14 человек, из них по социальному положению: крестьян — 13, рабочих — 1; по партийности: членов РКП(б) — 1, РКСМ — 2, беспартийных — 11.

В составе Зиняковской волости Николо-Погостинский сельсовет находился до 1929 года. Затем в результате ликвидации волостного и уездного деления Николо-Погостинский сельсовет переходит в состав Балахнинского района. Число жителей сельсовета возрастает до 3083 человек, количество хозяйств — до 595.

О ДЕРЕВНЕ ЩЕКИНО

В XVI веке в Заузольской волости («Писцовая книга, 1591») находились владения — сенокосные угодья с держанием скота — Федора, брата Кузьмы Минина, и отца, Мины Анкундинова, на праве собственности три деревни с большими угодьями, в том числе «деревня Протасьева Щекина на Микольском истоке».

Старая часть деревни Щекино состояла из двух рядов. Первый ряд начинался от дома Богомазова Михаила Александровича и кончался домом Чечерина Николая Алексеевича. Второй ряд — от дома Прыгиной Клавдии Петровны, Пучкова Федора Степановича, продолжался по горе (угору), заканчивался домом Чечерина Петра Семеновича.

От старой части деревни началась новая стройка сразу после войны, с 50-х годов, и деревня «подошла» вплотную к деревне Сельцо.

Щекино расположено на горе. Старожилам их родители, деды, прадеды говаривали, что раньше Волга протекала под горой.

Никольское озеро сохранилось почти таким, каким было много лет назад, только раньше оно было более глубоким.

Хорошие плотники проживали в деревне — это Богомазов Александр Васильевич, Богомазов Иван Александрович, Богомазов Евлампий Петрович. Был в деревне кузнец — Чечерин Николай Семенович. Лучшими рыбаками были Шалаевин Флегонт Александрович и Чечерин Петр Семенович. Щекинские плотники (до советской власти) строили баржи в Балахне, у Лисьего озера. А весной, в половодье, по воде отправляли готовые баржи заказчикам по разным городам.

Жители деревни работали и в хозяйстве. На всех жителей выделялось 27 десятин земли, которая делилась на три поля, каждое поле — по 9 десятин (одно поле — пар, остальные засеивались). Земли жителям, конечно, не хватало. Три поля всей деревней (каждому давалась норма) огораживали от скота. Поля огораживались во всех деревнях.

После схода воды, в конце мая, скот выпускали на пастбище под гору. Сенокосные угодья, как и поля малой и большой обрезки, тоже огораживались. И так все деревни, от Гордеева до Чередкова, под горой огораживали свои сенокосные угодья. Скот выгонялся на все луга только по окончании сенокоса.

С образованием совхоза (1931 г.) земля была передана совхозу. Часть жителей деревни стала работать в совхозе, другая часть — на производстве в Балахне и Правдинске. Большинство жителей деревень Щекино, Сельцо, Сивково, Потнево, Первомайки, Николо-Погоста и других работали в городе, наделялись землей по 15 соток.

В Щекине проживали: Востоков Семен Михайлович (директор Николо-Погостинской школы), Богомазов Алексей Михайлович (учитель), Богомазов Алексей Иванович (1914 г. р., 46 лет, ходил на работу за Волгу: 11 лет — на бумкомбинат, 28 — на мебельную фабрику, участник Великой Отечественной войны, работать начал с 16 лет, стаж 50 лет), Пучков Федор Степанович (работал шофером в совхозе «Правдинский» и в николо-погостинской больнице), Чечерин Дмитрий Семенович (электрик ГОГРЭС), Чечерин Александр Николаевич (шофер совхоза).

В деревне издавна стоит часовня. Раньше она была огорожена забором из штакетника.

В Щекине проживали большие семьи. У Богомазовых Ивана Александровича и Ольги Степановны было 6 сыновей и 3 дочери. Всех сыновей взяли на фронт в первые дни войны, двое домой не вернулись. У Прытина Александра Алексеевича было 7 детей.

ВОЛГАРИ ДУРАШИНЫ ИЗ НИКОЛО-ПОГОСТА (Из воспоминаний О. А. Дурашиной)

В первой половине XIX века в Николо-Погосте в переулке Кулаково (ныне переулок Набережный, дом Смирновых) в двухэтажном доме, что у колодца, жила семья Ивана Матвеевича Дурашина.

4 декабря 1832 года жена, Матрена Ильинична, подарила Ивану Матвеевичу первенца. Мальчика назвали Николаем. Позднее родились еще два мальчика — Дмитрий и Михаил.

Все трое сыновей были черноволосыми. Малыши росли крепкими, здоровыми на радость родителям. Зимой катались на Никольском озере на самодельных коньках, с гор на лыжах. Всех троих обучал грамоте церковный дьякон. А весной, с началом навигации, отец брал сыновей и жену на свою баржу, которая ходила по Волге от Рыбинска до Астрахани.

Для всей семьи Дурашиных Волга была вторым домом. Полгода семья на Волге, полгода — в селе. Полюбили Волгу парни за ее величие, простор и красоту! Не зря Иван Матвеевич с детства приучал сыновей к своему труду. Волга была кормилицей для многих жителей сел и городов российских, в том числе и для семьи Дурашиных.

Выросли парни. Пришло время женить старшего сына Николая. Женился он в 1853 году на Авдотье Ивановне Шашиной. Иван Матвеевич купил сыну старый дом на улице Кулаково (ныне улица Набережная), пятый дом от церкви, а в надел получил Николай от отца новенькую баржу и занялся с детства привычным трудом. Родились две дочки — Маша и Лиза. Но пришло в семью Николая Ивановича горе — тяжело заболела жена и умерла. Долго он горевал. Однако дочерям нужна мать. И женился Николай Иванович во второй раз в 1874 году на односельчанке Маше Казаковой. Хорошей, доброй матерью стала Мария Федоровна для девочек-сирот.

Очень хотелось Николаю Ивановичу иметь сыновей, чтобы продолжить род и дело. И вот в 1878 году в семье родился первый мальчик. Назвали его Александром. В апреле 1884 года родился второй сын — Ваня. Еще в 1883 году Николай Иванович на месте старого дома выстроил новый большой двухэтажный полукаменный дом (ныне дом Ольги Александровны Дурашиной).

Иван Матвеевич женил и второго сына, Дмитрия. Купил ему дом, как и старшему сыну, на улице Кулаково — третий дом от церкви (бывший дом Сергея Михайловича Дурашина) и отдал новую пристань. Ее поставили на правом берегу Волги у Балахны. Пристань стала источником существования семьи Дмитрия Ивановича. У него было двое детей — сын Михаил и дочь Анна. Дмитрий Иванович, как когда-то и его отец, с детства брал сына на пристань, приучая к семейному делу, которое он и унаследовал. Анну выдали замуж за жителя села Анатолия Петровича Кокурина. У них родились две девочки — Зина и Галя. Михаил женился на Софье Петровне Гуриной. В семье было четверо детей — старшая дочка Тоня и сыновья — Сергей, Александр и Петр. Антонина Михайловна стала учительницей. Сергей Михайлович был рабочим, окончил рабфак. Александр стал инженером, а Петр — военным, полковником. У Михаила Дмитриевича четыре внуки: Роня, Наташа, Надя, Лена; все получили высшее образование.

В 1918 году пристань — «кормилицу» Михаила Дмитриевича — конфисковали. От потрясения он вскоре сошел с ума и умер.

Младший сын Ивана Матвеевича, Михаил, был настоящим русским богатырем: чернокудрый, высокого роста, косая сажень в плечах. И решил он свою силушку испытать — прошел бурлаком, как отец и старший барт Николай Иванович, по Волге от Рыбинска до Астрахани. На заработанные деньги купил новую баржу. Женившись, Михаил остался жить в родительском доме.

У сына Михаила Ивановича, Ивана, детей было трое: две дочери — Александра и Мария и сын Дмитрий. Дмитрий Иванович тоже стал волгарем. Выучился на капитана. Великая Отечественная война застала его под Сталинградом. Во время боев за город Дмитрий, капитан большого пассажирского парохода, под бомбежками эвакуировал сталинградцев на левый берег Волги. После войны он, тяжело больной, вернулся домой и вскоре умер. Детей у него не было, кроме приемной дочери Зины Соловьевой.

Потомственными волгарами были и сыновья Николая Ивановича и Марии Федоровны Дурашиных — Александр и Иван. Образование они получили в сельской школе, а второе, главное, — на Волге. Она для них стала и вторым домом, и источником заработка.

Восьмилетнего Александра отец отдал служить матросом на чужую баржу. Иван работал матросом на барже с 13 лет. Так и росли они год за годом — всю навигацию на Волге, зимой дома...

Александр Николаевич был среднего роста, с густыми черными волосами. Любил нарядную, добротную одежду. Носил костюм-тройку, венчался во фраке. Были у него и пальто, и полупальто на лисьем меху, и шуба на енотовом меху. Это была праздничная одежда.

В юности Александр был веселым, отчаянным парнем, любил плясать. На святки ходил ряженым не только по селу, но и в деревни, особенно в Сельцо: говорил, что там красивые девки. Любил и подраться с парнями села. Из-за этого отец и решил его женить молодым, в 19 лет. Женили Александра на 17-летней Маше Зайковой — миловидной девушке с курчавыми, густыми русыми волосами. Она была круглой сиротой. Ее воспитывал родной дядя, Тарас Зайков. Своих детей у него не было, дал он Маше богатое приданое.

Мария Михайловна родила десять детей, трое умерли маленькими. Десятые роды для нее стали трагическими: она умерла от заражения крови 6 декабря 1915 года. Ей было всего 34 года. Велико было горе Александра Николаевича. На его руках осталось семеро детей. Новорожденного мальчика и трехлетнего сынишку Шурика отдал на временное воспитание двум женщинам, жившим в селе, — Анфисе и Маше Лебедевым. Эти женщины помогали тем родителям, которым было трудно какое-то время самим заботиться о детях. Но малыши умерли вскоре после смерти своей матери. Осталось у Александра Николаевича пять детей. Самой младшей, Тане, было 5 лет (родилась в 1910 г.), Тоне — 7 (1908 г.), Маше — 9 (1906 г.), старше всех были Митя (1901 г.) и Клавдия (1899 г.).

Перед женитьбой на Марии Михайловне Александр имел уже свою баржу, на которой он трудился до 1918 года.

Младший брат Александра, Иван Николаевич Дурашин, был высоким, красивым, с черными кудрями, вьющимися до плеч. В 17 лет он весил 6 пудов (96 килограммов) и выглядел старше своих лет. Как и брат, любил хорошую, нарядную одежду. По характеру был человеком гордым и самолюбивым.

14-летнего Ивана (по виду ему можно было дать все двадцать) вдвоем с помощником отец, Николай Иванович, послал впервые с товаром на барже на Унжу. Товар был взят у хозяина

в Нижнем Новгороде. На Унже Ивана заели комары, и он сбежал оттуда, оставив помощника одного на барже. Явился к отцу. Николай Иванович рассказал хозяину о проступке сына. Хозяин парня простил, однако пришлось Ивану вернуться на Унжу...

Позднее он работал приказчиком у разных торговцев: в 16 лет (1900 г.) — у хозяина Кашинцева в Нижнем, затем у И. А. Дурасова, Т. Е. Зайкова, М. Д. Носова.

В 1906 году Иван был взят на военную службу на Балтийский флот. Служил в Кронштадте матросом первой статьи. 19—20 июля 1906 года вместе с матросами корабля участвовал в восстании против царского правительства, за что был осужден на два года в гражданскую тюрьму с лишением воинского звания.

С конца 1908 года Иван Николаевич снова на Волге.

В феврале 1910 года И. Н. Дурашин женился на красивой девушке, единственной дочери в большой богатой семье из Кантаурова Борского района — Елизавете Петровне Каваевой, 1889 года рождения. Отец, Николай Иванович, купил Ивану баржу, как и старшему сыну.

Братья работали каждый на своей барже, отдавая все заработанное отцу. Отец был полным и единственным хозяином в большой семье. Ему подчинялись и сыновья, и снохи, и внуки, и жена, и сестра жены — бездетная вдова, которая жила в семье Николая Ивановича.

Каждую осень в конце навигации оба брата, Александр и Иван, сдавали в аренду свои баржи на следующий сезон, а сами нанимали грузовые пароходы и ходили по Волге от Рыбинска до Астрахани. Все сделки заключались на Нижегородской ярмарке в отделах акционерных обществ «Кавказ и Меркурий». В приволжских городах Александр и Иван закупали на весь год продовольствие: мешками ржаную и пшеничную муку, крупы, сахар, горох, семечки, изюм, курагу, красную и черную икру, селедку в бочках, воблу... Когда созревали на юге бахчевые, привозили астраханских арбузов, дынь, яблок, ягод. Продукты хранились в ларях в бревенчатом двухэтажном амбаре, который был выстроен вместе с домом по лицевой стороне. А керосин, мыло, спички, нитки, мясо покупали в селе у торговца Александра Петровича Чернавина.

Осенью 1918 года баржа у Николая Ивановича была конфискована. Он стал шкипером на своей же барже, груженной оружием.

Баржа, принадлежавшая его сыну Ивану Николаевичу, была к этому времени уже старой и протекала. Он просил большевиков дать ему время на ремонт, однако его просьба вызвала лишь насмешки и обвинения во вредительстве. В Нижнем большевики загрузили баржу зерном и отправили в Царицын. Вскоре вода стала поступать в трюм, подтапливая хлеб. Матросы, сопровождавшие баржу, только смеялись над хозяином, даже не пытаясь помочь устранить течь. Так и пришлось Ивану Николаевичу и его жене Елизавете Петровне откачивать воду из баржи до самого Царицына. И все-таки зерно они доставили подмоченным. Тут уж начальники-большевики всерьез обвинили во всем Ивана Николаевича, назвав его вредителем и врагом советской власти, не принимая от него никаких объяснений. Сталин чуть не застрелил «вредителя» на месте — «по закону военного времени». Чудом остался живым хозяин баржи, с которой ему тут же, в Царицыне, пришлось расстаться. Она была конфискована большевиками. За одну ночь от этих страшных испытаний Иван Николаевич поседел...

У Елизаветы Петровны и Ивана Николаевича было восемь детей. Они выросли хорошими людьми, добрыми, трудолюбивыми. Старшая дочь, Анна Ивановна, 1911 года рождения, работала счетоводом в совхозе. Софья Ивановна (родилась в 1913 г.), повзрослев, стала рабочей. Николай Иванович, 1915 года рождения, был очень способным, окончил рабфак. К сожалению, он трагически погиб в 1936 году в Нижнем Тагиле. Рано умер и другой сын Ивана Николаевича, Александр (1919 г. р.). С детства он болел, был частично парализован. Врачи говорили: «Доживет до семи лет — будет жить». Но именно в этом возрасте с мальчиком произошло несчастье: он неудачно прыгнул зимой с моста в овраг и получил сотрясение мозга, а на следующий день умер.

Михаил Иванович (1916 г. р.) и Борис Иванович (1925 г. р., умер в июне 1996 г.) — участники Великой Отечественной войны. Михаил Иванович работал шофером, как и его брат Петр Иванович (1929 г. р.). Александра Ивановна, 1922 года рождения, — торговый работник.

Все дети Ивана Николаевича и Елизаветы Петровны от природы были наделены музыкальным слухом и голосом. Сам Иван Николаевич и его старшая дочь Анна Ивановна пели в церковном хоре. У Дурашиных было двенадцать внуков и внучек.

Потеряв «кормилицу» баржу в 1918 году, Иван Николаевич работал в разных местах: на разводе плашкоутного моста на Волге в Нижнем, водоливом Центросоюза, агентом в пароходстве, водоливом якорницы, заведующим Городецким перевозом, перевозом в Балахне, старшим наблюдателем водного хозяйства. В преклонном возрасте вместе с женой, Елизаветой Петровной, растил внучат. Умер он 28 января 1974 года в возрасте 90 лет.

Старший брат Ивана Николаевича, Александр Николаевич, в 1918 году познакомился с Елизаветой Константиновной Плотниковой (1888 г. р.), которая жила в Балахне в большой богатой семье (мать О. А. Дурашиной). Она была среднего роста, очень стройная, похожа на грузинку: с темными большими глазами, высоким красивым лбом, нос с горбинкой. Елизавета Константиновна была удивительно доброй, трудолюбивой женщиной, отличной портнихой. Шила она все: нижнее белье, платья, костюмы, пальто, шубы, мужскую и женскую одежду, умела вышивать, вязать, плести кружева.

Елизавета Константиновна долго не выходила замуж. Она была обручена, но жених ее не вернулся с Первой мировой войны, пропал без вести. А она все ждала его и ждала. Кроме того, ее старший брат овдовел, на его руках осталось пятеро детей. И Елизавете Константиновне пришлось помогать брату их поднимать. А когда дети подросли, тут и посватал ее Александр Николаевич. Елизавета Константиновна решилась выйти замуж, как говорится, на пятерых чужих детей. И стала им настоящей матерью. Для нее и свои и чужие дети были своими.

У Александра Николаевича баржу отобрали под Астраханью осенью 1918 года. Это был второй, после смерти первой его жены в 1915 году, удар для него. Взять с баржи ничего не разрешили. Со слезами на глазах и с болью в сердце Александр Николаевич с женой и детьми покинули свою «кормилицу». Его перевели водоливом на другую баржу, с военным грузом, а Елизавету Константиновну — матросом. Пришлось зимовать в Астрахани на частной квартире.

1 февраля 1919 года Елизавета Константиновна родила дочь Валю. А в марте Маша и Тоня, дочери Александра Николаевича, тяжело заболели малярией. Нужно было срочно отправлять их домой — в больницу детей не взяли из-за отсутствия лекарств. Отправить поездом было невозможно — на юге России шла

Гражданская война. Нужно было ждать вскрытия Волги и добираться домой только водным путем.

Александра Николаевича хорошо знали коренные волгари. Когда вскрылась река, из Астрахани в Нижний Новгород должна была пойти баржа с грузом. Александр Николаевич попросил знакомого волгаря взять его семью на баржу и довести до Нижнего, а сам остался исполнять свою работу. Семью поместили на баржу, и начались страдания больных ребятишек и Елизаветы Константиновны.

Баржа шла по Волге от Астрахани до Нижнего шесть недель. Из-за большой опасности тянувшему ее грузовому пароходу часто приходилось останавливаться на несколько дней у левого берега Волги.

Малярия — коварная болезнь. Сначала человека сильно знобит, затем у него поднимается высокая температура, его часто тошнит. Такие приступы случаются через день. Малярия трепала семью по очереди. А на руках больных был еще и грудной ребенок, которого негде было помыть; трудности были со стиркой и сушкой пеленок. Да и продукты кончались, приходилось голодать. Капитан парохода узнал, что на барже едет жена Александра Николаевича Дурашина, тяжело больная и с новорожденным, и приказал перевезти ее с детьми с баржи на пароход. В первый раз они помылись тогда в натопленной для них бане, перестирали свое белье и высушили пеленки. Команда собрала целую корзину продуктов и доставила больным. Елизавета Константиновна была тронута таким вниманием.

Так они доехали до Нижнего Новгорода. Здесь их пересадили на пароход до Балахны. Елизавета Константиновна с детьми добралась наконец до родительского дома. Встретил во дворе дома ее отец и не узнал свою дочь, изможденную болезнью и голодом.

Несколько недель прожила Елизавета Константиновна с детьми в родительском доме. За детьми ухаживали бабушка и дедушка, больным усилили питание, дали полный покой и отдых. Хорошо было у родителей в Балахне, но пришло время возвращаться в дом мужа — в Николо-Погост.

И вот Елизавета Константиновна с детьми вернулась в село, где ее с нетерпением ждали голодные одинокие старики и младшая дочь Александра Николаевича. Нечего было есть, в доме грязь... Елизавета Константиновна с 11-летней Тоней сразу

принялись чистить, скоблить, наводить порядок, мыть, стирать. Елизавета Константиновна взялась и за шитье. Ей со всех деревень приносили заказы: платья, костюмы, пальто. За работу платили продуктами: картошкой, мукой, растительным маслом. В деревнях еще жили хорошо. И вот постепенно ожили, окрепли дети, повеселели старики — родители Александра Николаевича. Стала налаживаться жизнь.

И тут — новая беда. Осенью 1919 года привезли домой тяжело больного тифом Александра Николаевича и старшего его сына Митю, у которого, кроме тифа, было еще и воспаление легких. Митю положили в Балахнинскую больницу. Заболела тифом и Тоня.

Александра Николаевича и Тоню лечил сельский фельдшер, а ухаживала за ними сама Елизавета Константиновна. Больные лежали в отдельной комнате. Чтобы не заразиться, Елизавета Константиновна после мытья в бане натирала все тело дегтем, потом окачивалась водой.

Через некоторое время Митя и Тоня поправились. А вот Александр Николаевич получил осложнение на мозг. Бродил по дому день и ночь, никого не узнавая.

Елизавета Константиновна приходила в отчаяние. Но вот однажды он забрел к своему двоюродному брату Ивану Михайловичу Дурашину (дом у колодца) и там, сидя на полу, крепко заснул. Так он проспал целые сутки в полной тишине. И после этого пришел в себя, вновь стал полноценным человеком.

Елизавета Константиновна продолжала кормить семью «доходами» от шитья. Александр Николаевич после болезни был очень слаб, работать не мог. С большим трудом скопили денег и купили корову. Семья начала вставать на ноги.

Александр Николаевич и Иван Николаевич хранили в Нижегородском банке по 7000 рублей золотом. Они хотели купить грузовой пароход. Но деньги были конфискованы.

Незадолго до смерти их отец Николай Иванович купил еще один дом в селе на Базарной улице (ныне дом Петра Ивановича Дурашина). Он понимал: у его сыновей, Александра и Ивана, будут прибывать семьи и братьям придется разъехаться в разные дома.

Николай Иванович умер 15 марта 1920 года в возрасте 87 лет. Его жена, Мария Федоровна, умерла 3 марта 1922 года в возрасте 82 лет.

Трудно было Елизавете Константиновне и Александру Николаевичу поднимать большую семью. Не хватало продуктов, одежды, обуви. И все же их дети всегда были одеты по сезону и даже наряднее сверстников. Елизавета Константиновна из старых вещей своих родных сестер шила курточки, платья, пальто, костюмы. Зимой девочки носили красивые капоры, украшенные лентами. Младшим, Коле и Косте, на зиму были сшиты овчинные полушубки, ватные штаны, ватные варежки и шапки. Хуже было с обувью. Носили ребята «пудовые» валяные сапоги с заплатами. Труднее всего было одевать и обувать пятерых старших детей.

Елизавета Константиновна с Александром Николаевичем вырастили десять сыновей и дочерей.

Елизавета Константиновна на вырученные деньги от продажи в Нижнем шести золотых предметов — ее приданого — купила троим младшим клетчатой шотландки на платья для школы, а мальчикам — хлопчатобумажного материала на костюмы да пуд пшена. Все, что осталось после Марии Михайловны, первой жены Александра Николаевича, разделили ее пятерым детям. Из вещей Марии Михайловны Елизавета Константиновна перешивала детям все, что можно. И все три дочери и два сына были одеты всегда, можно сказать, по последней моде.

Старшая, Клавдия, вышла замуж и уехала на Бор. Митя выучился на капитана парохода и работал на Волге. Миша тоже выучился на капитана, работал на пассажирском пароходе (Балахна — левый берег Волги), женился. Ему выделили большую комнату в доме отца. Во время Великой Отечественной войны он работал на Горьковском автозаводе, после войны был капитаном грузового пароходства на Узольском рейде, сплавливал плоты по Волге от реки Узолы. Тоня вышла замуж за Ивана Александровича Брунова. Жили сначала в г. Горьком, потом в Балахне. У Тани был на редкость красивый, сильный голос, она пела в церковном хоре. Вышла замуж за балахнинского парня Александра Цапанова. 22 июня 1941 года в возрасте 31 года Таня умерла от заражения крови после родов. Она повторила судьбу матери. Остались сиротами две девочки...

Трагической оказалась и судьба старшего сына Александра Николаевича — Мити. Он работал помощником капитана пассажирского парохода. Зазимовали в Камьшине. 5 марта 1932 года Митя погиб: его, сонного, зарубил топором пьяный штур-

вальный. Мите было 29 лет. Была у него невеста, но жениться он так и не успел...

В начале 1920 года Александр Николаевич устроился работать водоливом на баржу бумкомбината. Проработал он до 1943 года. Осенью 1942 года он сильно простудился и заболел. Силы его были подорваны тяжелым трудом. Последние 14 лет своей жизни он болел сердечной астмой.

Несмотря на все трудности, Александр Николаевич и Елизавета Константиновна дали детям хорошее образование. Валентина (1919 г. р.) окончила Балахнинский техникум; Мария (1921 г. р.) окончила после десятилетки Московский финансовый техникум с отличием и работала главбухом Балахнинского горфинотдела. Ольга (1923 г. р.) окончила Сормовское педучилище и всю жизнь проработала учительницей в Николо-Погостинской школе. Николай (1924 г. р.) окончил десятилетку в 1942 году. Осенью был взят в армию, защищал Ленинград на Пулковских высотах в тяжелой артиллерии. Погиб в 19 лет 15 января 1944 года. Костя (1926 г. р.) после окончания Балахнинского техникума работал строителем-инженером, затем дорожным мастером, строил дорогу Городец — Кантаурово. Константин Александрович умер от тяжелой болезни 16 февраля 1995 года.

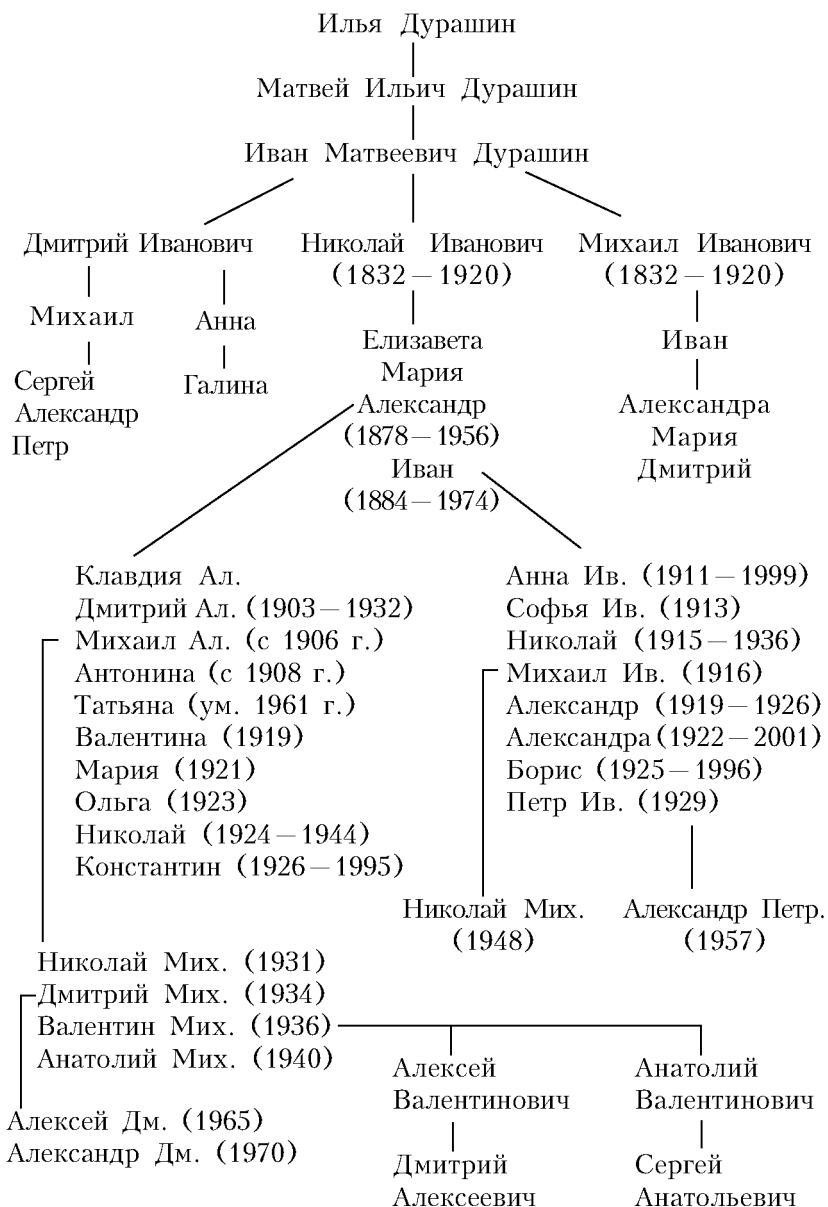
Жизнь детей супругов Дурашиных тоже была нелегкой. До войны жили в нужде, затем прошли все военные испытания. После войны голодали. Обменивали в деревнях вещи (зимние пальто, енотовую шубу) на муку. Тяжелым был труд на земле: пахали на себе, развозили навоз, убирали урожай. Сено из лугов вывозили на тележке. Выкалывали изо льда бревно на дрова в Узоле и на себе тащили домой. В половодье ловили на Волге дрова, привозили на лодках к горе, а потом вручную таскали их в гору. Так трудились и жили на селе.

Александр Николаевич умер в 1956 году в возрасте 77 лет. Елизавета Константиновна скончалась на 80-м году жизни, в 1967 году. Много горя перенесли супруги Дурашины, но не сломались, жили достойно.

У Александра Николаевича и Елизаветы Константиновны Дурашиных 16 внуков и внучек.

Дети Дурашиных благодарны за все, что им дали мать и отец — образование, любовь к труду, доброту и честность. Род Дурашиных продолжается. В 1996 году родились два мальчика — праправнуки Александра Николаевича.

Генеалогическое древо семьи Дурашиных

ВОЛГАРИ НИКОЛО-ПОГОСТА

Гущины Иван, Александр, Филипп (д. Б. Плесянки) баржевики.

Золотарев Константин Евгеньевич родился в 1919 году. Жил в Николо-Погосте до 1955 года (сын Евгения Васильевича и Евдокии Павловны).

Учился в Николо-Погостинской школе, в 1937 году окончил Городецкое ФЗУ рулевых. До 1939 года работал на Волге штурвальным. В 1939 году призван в армию, служил в Чите. В начале Великой Отечественной войны был переведен под Москву. В 1942 году там был ранен. Лечился в госпиталях, награжден орденом Красной Звезды. В 1944 году окончил Винницкое пехотное училище, получил звание лейтенанта. 29 апреля 1945 года получил тяжелое ранение на подступах к Берлину. Награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и др. Демобилизован в 1945 году. Работал на бумкомбинате, водном транспорте помощником капитана, а позднее капитаном на теплоходе «Волгарь». Ушел на пенсию в 1988 году. Всю трудовую жизнь отдал Волге.

Казанцев Александр Петрович. Сын Петра Александровича Казанцева, потомственный волгарь. Всю жизнь работал на водном транспорте: выполнял разную работу, в том числе на пристанях и перевозах.

Казанцев Петр Алексеевич (1971—1842) рос без родителей. С 12 лет трудился на Волге — выполнял на грузовых судах разную работу, в частности был водоливом. Дослужился до капитана. Тянул на грузовых пароходах баржи от Астрахани до Рыбинска. Побывал и на Печоре. 40 лет работал капитаном у хозяев-частников и на государственных судах.

В семье П. А. Казанцева было 13 детей: трое — от первой жены и десять — от второй. 16-летняя Пелагея Ивановна вышла замуж за 32-летнего Петра Алексеевича, оставшегося после смерти жены с троими детьми. Старшая, восьмилетняя, дочь называла ее всегда «маменькой». Пелагея Ивановна родила 10 детей и воспитала 13 детей. Ей было присвоено звание «Мать-героиня».

Пелагея Ивановна и дети плавала по Волге с мужем несколько лет, потом она жила в Погосте, вела домашнее хозяйство. Петр Александрович работал в водном хозяйстве до конца жизни.

Проживали Казанцевы в конце улицы Базарной между домами Геннадия Шадрина и Кокуриных, то есть в третьем доме от кладбища. Впоследствии дом был продан Крековой Анне Николаевне. Пелагея Ивановна жила вместе с дочерью, Марией Петровной, в выстроенном новом доме на улице Советской.

Дочь Петра Александровича и Пелагеи Ивановны — Анна Петровна (1906—1982) окончила в г. Горьком рабфак, затем институт инженеров водного транспорта. Работала в Москве в Госплане.

Мария Александровна, их внучка (1928 г. р.), окончила институт инженеров водного транспорта, работала в Волгограде, затем в Норильске.

Ливерий Александрович, внук Петра Александровича и Пелагеи Ивановны (сын Таисьи Петровны Богдановой, 1928 г. р.), окончил Горьковское речное училище и заочно водный институт. Работал в Московском НИИ Гипроречтранс конструктором сетей, начальником отдела кадров.

Правнук Казанцевых — Юрий (сын Ангелины Александровны Богдановой, 1955 г. р.), окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта, работает капитаном на судне заграничного плавания по Прибалтийским странам.

Праправнук Казанцевых — Денис (сын Юрия, 1978 г. р.), окончил речное ПТУ, учился в Санкт-Петербурге в морском колледже, работает вместе с отцом на судне заграничного плавания.

Много приключений и случаев было у Пелагеи Ивановны Казанцевой во время плавания по Волге с мужем, да и просто на переправах через Волгу. Вот один из них.

Пелагее Ивановне было около 30 лет. Она с четырехлетней дочерью Анной и сыном Дмитрием (ему еще не было и года — это был шестой ребенок) переправлялась через Волгу на лодке к мужу. Добрались почти до берега. Вдруг неожиданно и быстро отошедший от пристани пароход задел и перевернул лодку — все оказались под водой. Девочку спасли сразу. Пелагея Ивановна, вынырнув из воды, стала кричать, чтобы помогли спасти ее маленького сына. Но малыша нигде не было видно. В суматохе никто не заметил сверточка, плывущего по течению. Нырjali, искали под водой, а малыш тем временем покачивался, как в

люльке, на поверхности воды и крепко спал. Спящим его и подхватили из воды. Пелагея Ивановна, падая в воду, выпустила младенца из рук, и он, туго спеленутый по всем правилам того времени, оставался на поверхности и плыл как маленькая лодочка.

Кокурин Иван Петрович (с. Николо-Погост) был плотником-корабелом, нанимался строить суда, баржи, пристани. Семья ездила вместе с ним на промысел. Впоследствии стал капитаном. И доброе его имя было известно по всей Волге и часто служило лучшей рекомендацией.

Кокурин Петр Иванович. Сын Кокурина Ивана Петровича, работал капитаном на пароходе.

Братья Кокурины: Константин Петрович, Анатолий Петрович, Александр Петрович. Капитаны волжских судов.

Кокурин Анатолий Петрович. После революции работал в Городецком затоне буксирных пароходов.

Копылов Алексей Яковлевич. Был капитаном на пароходах, ходивших от Нижнего Новгорода до Астрахани, в том числе на пароходе-колеснике «Камыш».

Креков Иван Васильевич. Работал на барже, ходил от Рыбинска до Астрахани.

Креков Павел Иванович (1989—1966) служил на пароходе. В городе Царицыне женился на хуторянке Евдокии Петровне и остался там после службы. Плавал на барже с женой в районах рыболовных промыслов. У них родилось четверо детей: Валентина, Нина, Михаил, Анна.

В 1930 году Павел Иванович с женой и детьми приехали в Николо-Погост. Жили во вновь выстроенном доме (ул. Кооперативная).

Павел Иванович работал на сплаве, на Узольском рейде. Во время Великой Отечественной войны, имел бронь, работал бригадиром женской бригады. Так всю жизнь трудился на Волге и Узоле. В 1960 году ушел на пенсию.

Его жена, Евдокия Петровна (1903—1985), работала в Николо-Погостинской школе уборщицей, а затем рабочей в совхозном саду. Выращенный в саду урожай — ягоды, фрукты и прочее — приходилось носить на продажу в больших корзинах на рынок в Балахну, Правдинск, Сормово.

В своем хозяйстве имелись корова, козы, свиньи, куры, гуси, утки. Хозяйка умела шить, прясть, вязать. Любила читать книги.

Длинные, густые, красивые темные волосы, заплетенные в одну или две толстые косы, украшали Евдокию Петровну до старости.

Лычев Дмитрий Макарович (д. Буйное). Волгарь, ходил от Нижнего Новгорода до Астрахани.

Мохов Иван Петрович (1886—1966, д. Бутаково). В мировую войну служил на крейсере «Громобой», потом работал капитаном на пароходе «Кулибинец».

Новожилов Семен (д. Сельцо). Имел свою баржу.

Сапожников Александр Дмитриевич, 1957 года рождения, правнук Иванова Ивана Павловича, сын его внучки — Золотаревой Софьи Евгеньевны — тоже волгарь.

После окончания Горьковского института инженеров водного транспорта работал инженером-механиком на пассажирских и туристических судах рейсов: Нижний Новгород — Астрахань, Ростов-на-Дону, Ленинград, Петрозаводск. Затем перешел на суда заграничного плавания от Волжского речного пароходства, стал старшим механиком судов. Побывал во всех морских государствах Европы, Средиземноморья и Балтики.

Туров Иван Иванович. Участник Цусимского морского сражения (май 1905 г.), награжден тремя Георгиевскими крестами. Имел свою баржу и пристань.

Чернавины Петр Иванович и Николай Иванович. Служили водоливами на баржах.

Чечерин Семен Александрович (д. Щекино). Главный «мастер баржевых дел», выполнял важные государственные заказы (проектировал и строил пароходы, баржи) царского правительства. С 1918 года выполнял работы для Волжской военной флотилии.

Шаталов Николай Иванович (д. Копенное). Баржевик.

ЧАСТУШКИ «ПРОВОДЫ В АРМИЮ» (Воспоминания старожилов Николо-Погоста)

1. Балахнинский военком весь в окошечках кругом.
Я, мальчишка-допризывник, призываюсь нынче в нем.
2. Шинель серую, военную придется надевать,
Вместо Шурочки винтовочку придется обнимать.

3. Наливай, мамаша, чаю в дорогие чашечки.
Напои родного сына, может быть, в остаточки.
4. Погоди, родная мама, и меня будешь любить.
Подойдешь к моей постели, будет некого будить.
5. Соловки, соловушки, не вешайте головушки.
Не видать четыре года вам своей сторонушки.
6. Девушки, вспомните, да с кем гулять вы станете.
В закоулке на бревне гулять будете одни.
7. Остается мой братишка зелены луга косить,
А мне, бедному мальчишке, шинель серую носить.
8. Подхожу к родному дому, дом невесело стоит,
Собрата моя котомочка, на лавочке лежит.
9. Полна улица камней, последний раз иду по ней,
Больше, Шурка, не увидишь и походочки моей.
10. Прощай, кустики, березки, весь Погостинский приход.
Прощай, Шурка черноброва, я сажусь на пароход.
11. Пароходик «Первомай», поскорей отчаливай,
Мне, призывнику мальчишке, сердце не расстраивай.
12. Пароходики из Горького пошли на Соловки,
Отцы, матери заплакали — поехали сынки.

Эти частушки под гармошку пели в Николо-Погосте в 50-х годах XX века во время проводов призывника в армию. Знала их вся молодежь. Провожали в армию парня не ранним утром, как теперь, а ближе к полудню, и застолья с вечера не было.

Девушки дарили призывнику в этот день вышитые или обвязанные крючком из ниток мулине носовые платки, которые потом связывались за уголки с обеих сторон узелками в одну длинную связку.

В доме призывника садились за стол и выпивали по рюмочке только парни. После небольшого угощения новобранец вешал на шею связку платков от девчат, и все вместе, парни и девушки, проходили по селу и пели под гармошку частушки «Проводы». Вернувшись в дом призывника, парни снова садились за стол и выпивали еще по одной рюмочке перед дорогой.

Еще раз парни, девушки и призывник со связкой платков проходили по селу с гармошкой с этими же частушками.

Почти все жители Погоста, желая проводить своего парня в

армию, присоединившись к молодежи, шли к мосткам — переправе через озеро.

Попрощавшись у мостков, проводившие парня сельчане поднимались на гору и долго смотрели вслед уходящей на переправу группе людей.

А призывник то и дело оглядывался на гору и всем махал снятой с шеи связкой платков. Девушка, провожавшая паренька в армию, должна была оставаться вместе со всеми на Погостинской горе.

После мостков провожающие пели под гармошку уже другие частушки. Провожали до перевоза только родственники и друзья. Переезжая Волгу, в последний раз махал платками призывник оставшимся на левом берегу своим друзьям. Только самые близкие родственники, в основном родители, переезжали Волгу и провожали сына до райвоенкомата.

ГАРМОНИСТЫ НА ЗЕМЛЕ ПОГОСТИНСКОЙ

Много было гармонистов в округе Николо-Погоста. Ни одна свадьба, ни одна вечеринка или гулянье, ни одно значительное событие не обходилось без них, заводил-гармонистов из Погоста, Щекина, Сельца и других деревень.

Молодость свою гармонисты хорошо помнили. Тогда собирались посиделки по снятым на вечер у вдов избам, и приходилось собирать керосин для семилинейной лампы по дворам, чтобы лампа несла свою службу до утра.

Гармонисты со своими звонкими гармошками, фабричными, самодельными, купленными или доставшимися по наследству, были самыми дорогими гостями на всех вечеринках.

Хорошим гармонистом в деревне Щекино считался Федор Степанович Пучков. Запомнил он, как 15-летним подростком обменял у соседа на гармошку необходимую в хозяйстве вещь — хомут, за что пришлось вынести отцовский гнев. А когда страсти улеглись, достал старенькую «хромку» и заиграл полюбившуюся ему песню «В низенькой светелке». Ее Федор Степанович с супругой Аполлинарией Дмитриевной часто исполняли. Песня эта была у них любимой.

Самым популярным гармонистом в Николо-Погосте слыл Леонид Якимович Павлычев. Нарасхват приглашали его на вечера, свадьбы, торжества. На сотне деревенских свадеб отгуляли Леонид Якимович со своей супругой Александрой Николаевной, детей вырастили и в люди вывели. И постоянной спутницей жизни Павлычевых была гармошка.

Завсегдатаями деревенских вечеров была семья Ковровских. В Погосте считали: где Ковровские — там скуки не будет. Они знали и исполняли все деревенские танцы. Лучшими деревенскими танцорами-шестерочниками были братья Алексей и Виктор Ковровские, их сестра Евстолия Александровна и Валентина Константиновна Покровская.

Талантливыми самоучками гармонистами были Николай Александрович и Николай Константинович Селезневые из Николо-Погоста. Хорошими гармонистами и исполнителями танцев, песен и частушек на своих трехрядках стали Виктор Леонидович Горбунов, Евгений Николаевич Новожилов, Геннадий Алексеевич Чижов из деревни Сельцо, Александр Николаевич и Дмитрий Семенович Чечерины из Щекина.

БАРЖЕВОЙ МАСТЕР СЕМЕН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧЕЧЕРИН (д. Щекино Балахнинского уезда)

Славилась погостинская земля волгарами, баржевиками, строителями, плотниками да торговцами. Одним из тех, кто выполнял важные государственные заказы царского правительства, проектировал и строил баржи, пассажирские суда, был Семен Александрович Чечерин.

Родился он в 1879 году в деревне Щекино Николо-Погостинской волости Балахнинского уезда в крестьянской семье. Учился в Николо-Погостинской школе и в Балахнинской гимназии. Отец его был хорошим плотником, и Семен смолоду научился у него плотницкому мастерству. В 1905 году он женился на Анастасии Бруновой из соседней деревни Старцево, девушке из бедной крестьянской семьи.

После рождения сына-первенца и в ожидании второго ребен-

ка едет Семен Чечерин со своим другом Иваном Моховым в далекий сибирский город Красноярск на заработки на три года сезонных работ (по зимам), прихватив с собой богатый набор плотницких инструментов.

Работая в судостроении плотником, Семен Александрович в совершенстве освоил процесс строительства барж. С наступлением весенних дней возвращался он со своим другом домой с хорошими заработками. В семье у Семена Александровича было уже двое детей — Иван и Мария.

В 1910 году С. А. Чечерин устроился работать на Нижегородскую судоверфь. Хозяином ее был предприниматель Н. А. Бугров, обладавший огромным богатством и пользовавшийся большим авторитетом у состоятельных людей, человек, с которым считались городская дума, земство и управа.

Заметил Бугров, как его новый работник сразу проявил организаторские способности, трудолюбие, аккуратность, старание к добросовестному исполнению заданий без замечаний, к самостоятельному ведению дел, и назначил его баржевым мастером.

В 1911 году Семена Александровича пригласили на работу в Астрахань. Представилась возможность там обустроиться, жить с семьей, работать (родительский домик в Щекине старел, разваливался).

Н. А. Бугров, хозяин С. А. Чечерина, очень просил вернуться к нему на работу, за что обещал построить Семену Александровичу в Щекине бесплатно новый дом. Чечерин принял это предложение.

И направил нижегородский купец Бугров под Вятку бригаду рабочих из двадцати человек рубить и сплавливать лес до Балахны на строительство этого нового дома. Семен Александрович сам составил его проект, и в 1912 году из вятской лиственницы был построен дом со всеми хозяйственными постройками. Бугров выполнил свое обещание.

Новый дом был двухэтажный, красивый, с железной крышей со стоками. Семен Александрович сам сделал наличники — ведь был он отличным плотником, столяром и руководителем всех строительных работ. На карнизе фронтона были приделаны модели двух больших, около двух метров каждый, красивых пассажирских пароходов. Взрослые и дети из Погоста и близлежащих деревень часами стояли или сидели перед домом и

любовались искусством резчика. Казалось, что вот-вот красочные пароходы дадут прощальные свистки, сойдут с карниза и поплывут сначала по воздуху, а потом по Волге.

До сих пор этот дом в деревне Щекино не похож на другие — какая-то удивительная особенность в нем, красивый он, да и прилично сохранился. Вот только после смерти Семена Александровича первый этаж дома был перестроен, появился подпол, так необходимый в каждом хозяйстве. На фронтоне остался лишь один пароход, а второй пароход Дмитрий Семенович передал своему двоюродному брату в деревню, тоже на карниз дома. В настоящее время на доме нет и этого парохода — он сдан в Городецкий краеведческий музей.

Так семья Семена Александровича с 1912 года стала обживать новый дом. У четы Чечериных родилось еще двое детей — Александра и Анфиса.

Для совершенствования мастерства Бугров послал Чечерина в Санкт-Петербургскую академию художеств на курс судостроения, который Семен Александрович окончил с отличием. Обучение, естественно, было за счет средств Бугрова. С юных лет Чечерин неплохо рисовал, а после окончания курса академии стал отменным чертежником и художником. В Нижнем Новгороде он по-прежнему занимался строительством и конструированием барж, пассажирских пароходов.

Семен Александрович был человеком среднего роста, плотным, коренастым, широкоплечим, с темно-русыми волосами, с красивой бородкой и усами, внешностью напоминал царя Николая II (на фотографии — вылитый царь!). Он никогда не сидел сложа руки, был твердым в своих решениях, требовательным к подчиненным и даже порой жестоким. Одевался модно, элегантно, ходил в костюме-тройке, носил в кармане золотые часы, на ногах — хромовые лакированные сапоги, на голове — шляпу. Словом, одевался как деловой человек на государственной службе.

Семен Александрович выглядел купцом, денег при нем было немало, в том числе и золотых. Фактически С. А. Чечерина считали заместителем Бугрова. Он бесшабашно мог гулять в ресторане «Антей» по три и более дня. С разрешения хозяина устраивал в этом ресторане банкеты для своих рабочих по окончании выполненных работ-заказов.

С. А. Чечерин был богатейшим из людей Николо-погостин-

ской округи. До революции 1917 года Семен Александрович состоял на государственной службе у Бугрова, проектировал и строил баржи, пассажирские суда, выполнял важные государственные заказы царского правительства. Он при себе имел печать с надписью: «Баржевой мастер Семен Александрович Чечерин, д. Щекино, Балахнинский уезд». Эту печать он ставил на договорах, ведомостях на выплату зарплаты и на других документах. Ее сохранил внук Семена Александровича — Виктор Дмитриевич Чечерин и передал на хранение своим сыновьям в Правдинск — правнукам Семена Александровича.

В 1914 году у С. А. Чечерина было пятеро детей: Иван, Мария, Александра, Анфиса и Дмитрий.

В 1917 — 1918 годах Семен Александрович работал в государственных учреждениях, в водном хозяйстве.

Началась Гражданская война. В Нижнем Новгороде была создана Волжская военная флотилия (1918 г.). С. А. Чечерин выполнял заказы военной флотилии, госзаказы советской власти.

Во время голода в Поволжье, в июле 1918 года, Семен Александрович на барже отправляется с командой в Нижнее Поволжье за хлебом (мукой) для нижегородцев. На обратном пути, близ Самары, на их баржу напал белогвардейский отряд (на своем легком судне белогвардейцы быстро подошли к барже). Только один из всей команды, С. А. Чечерин, оказал сопротивление, за что был привязан белогвардейцами к палубе и жестоко избит шпицрутенами (шомполами).

С трудом баржевая команда добралась до Нижнего. Состояние здоровья избитого Семена Александровича все ухудшалось. Близ Нижнего ему стало совсем плохо. Верному другу Ивану Мохову Семен Александрович сказал свои последние слова: «Сбереги детей моих...» Скончался он 17 июля 1918 года в возрасте 39 лет (в день гибели царя Николая II). Семье его после смерти кормильца пришлось бедствовать. Жена, Анастасия Дмитриевна, растила и воспитывала детей одна. Похоронен Семен Александрович Чечерин в Погосте.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ
(Из воспоминаний К. И. Кокурина)

Обработка Г. П. Крековой

Константин Иванович Кокурин
(1907—1994)

Село Николо-Погост раскинулось напротив Балахны, на высокой горе, над лугами, где сливается Узола с Волгой, а внизу, под горой, протянулось красивое озеро Никольское. В этом селе в самом начале XX века — 20 июля 1907 года — родился Константин Иванович Кокурин.

Из записей Константина Ивановича (родословной семьи Кокуриных) узнаем, что его дед по отцу, Петр Иванович (прозвище Палачев), был речником, дослужился до капитана большого буксирного парохода.

Бабушка по отцу, Мария Яковлевна, родом из села Кубенцево (Балахна), была женщиной доброй, строгой, в суждениях прямой, открытой, не любила пошлости и лжи. Эти черты передались и ее сыновьям.

Мать, Татьяна Ивановна, была Константину Ивановичу лучшим другом, добрым, близким и любимым человеком. Родом она из ближайшей деревни — Сельца Спасского, из крестьянской семьи. Родители Татьяны Ивановны — Марфа Алексеевна и Иван Степанович Подшиваловы.

Иван Петрович Кокурин, отец Константина Ивановича, был плотником-корабелом, строил суда, баржи, пристани. На промысел семья ездила вместе с ним.

Плотничать Иван Петрович начал рано. Руки у него были золотые. Свое мастерство плотника он проявил и при строительстве собственного нового дома в Кулаковской слободе. Деньги на

строительство копили в течение семи лет. Переехали в новый дом в 1912 году. На воротах Иван Петрович вырезал диковинные цветы.

В 1914 году И. П. Кокурин был призван на военную службу в строительный батальон.

Так сложилось, что все Кокурины были исконными волгярами. Деда, капитана Петра Ивановича, на Волге знали, наверное, все. Имя его пользовалось доброй славой. Отец, Иван Петрович, — замечательный плотник-корабел. Дядя, Анатолий и Александр, дослужились до офицерского звания, участвовали в Первой мировой войне. После революции Анатолий Петрович работал в Городецком затоне буксирных пароходов. Младший сын Петра Ивановича, Константин Петрович, матрос буксирного парохода, погиб в конце 90-х годов под Саратовом.

В 1918 году Константин Иванович окончил третий класс Старцевской школы. Потом двухклассное училище (4 и 5 классы). Именно в эти годы учительница, дочь священника Вязовского, Касиния Александровна, пробудила в мальчишке любовь к книге, чтению, интерес к искусству, художественной литературе, тягу к работе над словом. В 1921—1923 годах Константин Иванович учился в 6—7 классах в средней школе II ступени г. Балахны. В 1930—1932 годах служил в армии в Москве.

28 июня 1940 года окончил Горьковский автотранспортный техникум по специальности техник-механик по ремонту и эксплуатации автотранспорта. Работал в органах милиции (1941—1950 гг.), в управлении транспортной безопасности в Лукоянове, преподавал автодело в Починковской школе механизации сельского хозяйства (1953—1954 гг.), в Ковровском лесоучилище (1955—1956 гг.), был преподавателем спецдисциплины в ТУ № 6 (1957—1959 гг.), затем преподавал в РУ № 12 (1960—1961 гг.), работал завгаром в совхозе «Балахнинский» (1962—1969 гг.).

В 1969 году Константин Иванович ушел на пенсию.

К. И. Кокурин награжден пятью медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «Ветеран труда».

Константин Иванович прожил долгую жизнь — 87 лет. 67 из них связаны с Николо-Погостом, Волгой, Узолой. Он был

простым, обычным русским человеком. Где он ни бывал, ни жил, его с неодолимой силой тянуло домой. В 1966 году он вместе с женой Валентиной Михайловной окончательно поселился в Погосте, в родительском доме в Кулаковской слободе (улица Набережная). Здесь, в родном селе, он скончался в 1994 году.

В Погосте прошли его детские годы, юность, взрослая и семейная жизнь. Здесь было ему все родное и близкое. Память хранила многое. А Константин Иванович начал помнить себя очень рано. Навсегда запомнил он первую пойманную на удочку рыбку, первое катание на коньках, подаренных дедом, по гладкому льду Никольского озера, катание с гор на самодельных лыжах, весенние разливы Волги и Узолы. Все помнил, чему был свидетелем.

За свою долгую жизнь Константин Иванович повидал немало хороших, добрых, отзывчивых людей и немало бессердечных, бездушных и грубых. Сколько впечатлений, воспоминаний, раздумий...

Константин Иванович, выйдя на пенсию, выработал в себе потребность никогда не сидеть без дела. Поэтому и писал. Сделано дело, и настроение хорошее, и на совести чисто. Он написал родословную семьи Кокуриных. Писал о себе, о разных событиях, о людях и их характерах, о родной природе, об укладе жизни сельчан, их занятиях, о том, какую память оставили о себе люди, жившие до нас. Писал о сельском фельдшере Василии Гавриловиче, чем-то напоминавшем чеховского земского врача; о школьном учителе Анатолии Михайловиче, сытно накормившем как-то раз своего ученика; о родственниках; о бакенщике Леве, спасшем во время бури пассажиров перевернувшейся на Волге лодки...

Интересны воспоминания Константина Ивановича о селе в годы Первой мировой войны, о занятиях и играх сельских ребятишек летом и зимой, о труде и быте жителей Николо-Погоста в те далекие годы. Чего стоит хотя бы рассказ о том, как ездили в Нижний Новгород за покупками на лодке Кокурин-отец и два сына!

Сам Константин Иванович оставил о себе в селе долгую и добрую память. Он расчистил и озеленил край своей улицы, ликвидировав яму и свалку у соседнего дома. Своими руками засадил кустарником и деревьями крутую гору высотой почти

50 метров — откос напротив дома, чтобы укрепить ее от оползней. Посадил 20 кустов сирени, шиповника и 45 деревьев. И сегодня шумят те вязы и клены...

А его короткие, бесхитростные и оттого еще более яркие рассказы-зарисовки стали для нас своего рода летописью жизни родного края. О многом поведал нам никола-погостинский летописец и краевед Константин Иванович Кокурин в своих записях «Путешествие в прошлое»...

Дядя Паша

В 1911 году на Дальний Восток, на военную службу, провожали моего родного дядю Пашу, маминого брата. Я смотрел в окно бабушкиного дома и видел на дороге к Волге провожающих его родных и близких.

Через некоторое время мама пришла домой с заплаканными глазами и сказала, что проводили дядю Пашу до Волги, до перевоза, и что ей очень жаль своего хорошего, заботливого и доброго брата.

Злая корова

Когда мне было четыре года, в один из летних дней я вышел из ворот дома с куском черного хлеба (уж больно хлеб на улице вкусный!). У ворот стояла корова с большими рогами и злыми глазами. Только потом я узнал, что эта корова — козырячка и блудила по огородам. Чтобы пройти от ворот на улицу, я стал ее прогонять, но она не уходила, а все тянулась к моему хлебу. Я стал ее колотить по голове между рогами, чтобы уходила. Вдруг корова наклонила голову, с силой подняла меня рогами и подбросила вверх. Я упал лицом на край кадки с водой из-под стока, выбил много зубов и несколько повредил... Потом мама меня отправила к фельдшеру Василию Гавриловичу, который и залечил мне потревоженные зубы. А на месте выбитых выросли новые.

Василий Гаврилович

Сельский фельдшер Василий Гаврилович был похож на чеховского земского врача: умный, благородный, внимательный

к больным. У него была небольшая, клинышком, борода, пенсне и ласковые, добрые глаза. Его очень любили и уважали все за безупречную работу и большую заботу о больных.

Василий Гаврилович принимал больных в большом двухэтажном доме, в большой комнате на втором этаже. Тут же была и аптека с необходимыми медикаментами, которые он сам выдавал после приема больных. В этом же доме, в отдельной небольшой комнате, он и жил. (Впоследствии этот дом принадлежал Евгению Васильевичу Золотареву). Потом Василий Гаврилович переехал жить в другой дом и прожил до 1917 года.

Война 1914 года

В августе 1914 года началась империалистическая война. Призываемые на войну новобранцы с молодецкой удалью, с песнями под гармошку шли по дороге, лугам к переезду через Волгу и далее к пункту прибытия в Балахну. А родные с плачем провожали своих мужей, сыновей, братьев. На базарах — для подъема патриотического духа народа — продавали красочные картины, изображающие зверства немецких солдат в железных остроконечных касках над мирным населением в Бельгии. Нас, детей, захватила эта патриотическая волна, и мы пели песни, в которых прославлялись русские воины и обличались немцы-захватчики. Некоторые молодые люди из зажиточных семей уклонялись от военной службы под всякими предлогами. Их называли симулянтами.

Мой отец был призван на военную службу в строительный батальон. Семья осталась без хозяина и кормильца, а было нас шесть человек. Корову вскоре пришлось продать. Для семьи настали тяжелые времена.

Наши занятия летом (1915—1916 гг.)

Мы с товарищами с утра до позднего вечера все свободное время проводили на Узоле и Волге: купались, ловили рыбу в мелких заливчиках, провожали идущие по Волге пассажирские и легкие суда. Мы издали узнавали знакомые пароходы: «Самолет», «Кавказ и Меркурий», «Верочка», «Руссинский» и др. Узнавали их по свисткам и трубам, по скорости и окраске.

Основным местом пребывания на Волге был у нас Репин остров. Возможно, это место раньше и было островом. При нас это был скорее полуостров, который омывался с двух сторон Волгой и Узолой, да суша с третьей стороны, покрытая луговыми травами. Тем не менее мы называли его островком. Был там и пляж из чистого белого песка, и небольшие заливчики, и ямы с мелкой рыбешкой. Волны от проходящих пароходов с шумом и пеной набегали на низкий берег, метров на пять заливая прибрежный песок. Это была для нас какая-то особая радость. Мы с криками бегали по воде, купались в волнах от проходящих пароходов. И так с утра до вечера. Возвращались домой уставшие, голодные, но довольные и счастливые.

Любили мы и луговые просторы. Луга от Погоста к Волге простирались на два и более километра. К июню луга покрывались высокой сочной травой и разными цветами. Росли здесь и съедобные травы — щавель, плетки, дикий лук. Мы с удовольствием поедали их, а черная смородина и ежевика были лакомством.

В луговых мелких ямах водились маленькие щурята, а в больших озерах можно было ловить рыбу удочками. Летние луга радовали нас своим раздольем и красотой.

ВЕСНА НА РЕКАХ (1915—1917 гг.)

В марте начиналось таяние снега, с гор в низины бежали ручьи. Мы, вооружившись лопатами, раскапывали заторы с накопившейся водой. С апреля вода начинала прибывать, сначала в Узоле, потом в Волге. Вода в реках быстро поднималась и, выходя из берегов, затапливала луга. В конце разлива волжская вода подходила к самой Погостинской горе. Это была радостная пора! Соседи-волгари готовили лодки на период навигации: пробивали паклей, смолили нагретой на кострах смолой. По специальной мерке следили за прибылью воды. С утра до вечера на просторах разлившейся Волги стоял шум — гул, смех, стук топоров, — а в воздухе пахло смолой. Погода в эти дни — безоблачная, тихая, солнечная. В кустах тальника заливались на все лады прилетевшие птицы. На горе на столетних вязах кричали грачи. А с небесной высоты яркое солнце посылало на проснувшуюся землю и водный простор теплые, радостные лучи...

НАШИ ИГРЫ

Игр у нас было много. Летом мы клеили и пускали на длинной крепкой нитке ладейки, которые даже при небольшом ветре поднимались высоко над землей, рождая радостное ощущение полета.

Ладейка — это большой лист бумаги, укрепленный двумя тонкими лучинками. К концу листа приделывали хвост длиной около метра. От листа шли три короткие нитки. К ним прикреплялась основная, длинная нить. Нитки дома пряла мама, я тайком брал их для ладейки.

Тяга к полету была настолько сильна, что иногда, при сильном ветре, я брал зонт и, разбегаясь, делал прыжок. Ветер подхватывал зонт, и я несколько секунд висел в воздухе и вроде бы летел...

Мастерили и запускали стрелы двух видов: стрела дальнего полета (вертикального направления) и стрела ближнего полета (горизонтального направления). Стрела дальнего полета запускалась прямо в поднебесье. Мы наблюдали, высоко ли она поднялась и где упала. Стрелу делали из сухого дерева, с прорезью в середине, в которую проходила короткая нитка с узлом на конце. Другой конец нитки прикреплялся к небольшой тонкой палочке. При взмахе этой палочки стрела отрывалась от нитки и летела. Стрелы ближнего полета выпускали из луков, тетивой служила крепкая нитка.

Играли в прятки, в чехарду, в чижа и в муху.

Из дерева и коры делали маленькие суденышки — лодки, баржи, пароходы, красили их краской из опоки и пускали по лужам, речкам. Иногда хотелось что-то покатать, хотя бы старенькую коляску. А еще брали железный обруч от кадки и гнали его палкой, а сами бежали за ним.

Весной и летом играли в лапту, в городки. Играли по-разному: стоя на одном месте, выбивали городки из очередного квадрата или же погоняли «попа» (при движении на сотни метров). Позднее стали играть в так называемую колбашку. Брали почти метровый кол, играющие забивали его палкой глубоко в землю. Пока водящий вытаскивал этот кол, остальные прятались кто куда. Вытащив кол из земли, водящий искал спрятавшихся игроков. Первый найденный становился водящим.

Любили ходить на ходулях. Делали их сами. Сначала ходили медленно, потом бегали и соревновались вперегонки.

А вот еще одна игра — чехарда: несколько человек, согнув спины, упираются в стену, другие, разбегаясь, прыгают на них; или несколько человек, согнув спины, становятся на дороге, другие с разбега прыгают через них.

ИГРЫ ЗИМОЙ

Первые морозы, первый пушистый снег, бодрящий чистый воздух! Скорее кататься на лыжах с крутых гор, на коньках по светлому зеркальному льду озера! Только ветер свистит в ушах от быстрого движения.

А потом — игры в козны, в буру. Придешь домой озябший, в снегу, отряхнешься, заберешься на теплую печку и долго, крепко спишь. Как хорошо зимой!

ИГРА В КОЗНЫ

Я нашел на чердаке 24 пары кознов и один большой козон со свинцовой заливкой внутри кости для тяжести, так называемый биток.

По неопытности я быстро проиграл все кости ребятам. Это было для меня горе. Впоследствии я стал в козны выигрывать.

Играли так:

1. В жоха. Разбрасывали козны на твердую поверхность и одним козном-жохом попадали в другие козны, при попадании — выигрыш.

2. Ставили в один ряд два десятка кознов и с определенного места сбивали их металлической плиткой так, чтобы задние козны в ряду не оставались. Если удастся — ты выиграл. Если же в заднем ряду останется хотя бы один несбитый козон, то все сбитые козны ставятся на место и дополнительно количество сбитых кознов играющий выставляет из своих запасов.

3. На дальность. Ставили козны по 6—10 пар и с дальнего расстояния их сбивали биткой.

4. В стенку. У стены разбрасывали козны и один козон слегка бросали в стенку. Если он, отскочив, ударится в лежащий козон, это означает выигрыш.

ИГРА В БУРУ

Бура — круглый кусок дерева. Игра эта требовала немалой ловкости: несколько игроков с клюшками из тальника, прыгая на одной ноге, отбивали буру в сторону, а водящий старался загнать ее в мазло (углубление в снегу) или попасть ею по ноге.

ЗЕМЛЯНКА СТОРОЖА

Однажды я с моим другом попал в компанию старших по возрасту ребят, занимавшихся мелкими кражами. Старший из компании повел нас в луга к землянке старика сторожа, охранявшего лес около Лисьего озера. Сторожа в землянке в это время не было. Старший скомандовал быстро проникнуть в землянку и забрать все вещи. Мы быстро схватили ножик, ложки, котелок, чашки старика и побежали в ближайšie кусты тальника. Оглянувшись, я увидел бежавшего за нами сторожа с большой седой бородой, в красной рубахе без пояса, в лаптях. Он стал умоляющим голосом кричать: «Парнишки, что вы делаете? Ведь последнее утащили. Остановитесь, отдайте!» На просьбу старика вернуть взятое никто не обратил внимания. Мы зашли в кустарник, и старший распределил похищенное. Себе он взял перочинный нож, другие взяли чашки, ложки. Мне он дал старую ложку. Ложку я немного подержал в руке, не взял ее, а положил на землю — она мне не нужна была. Мне стало стыдно за себя, за других, жаль старика. Мы с другом Мишей осудили свой поступок и ушли от этих ребят навсегда. О краже вещей у старика сторожа стало известно в селе. Боясь урядника, жившего неподалеку от нашего дома, я просидел неделю на горе. Боялся показываться на улице.

Прошло после этого случая немало времени, и я его уж стал забывать. Однажды я шел по улице мимо дома урядника и увидел его на крыльце. Он позвал меня к себе. О ужас! Я обомлел, оторопел. Пропал! Бежать было поздно. Дрожа от страха, склонив голову, нехотя подхожу к уряднику. Устремив на меня свои недобрые глаза, он строго произнес: «Мальчик, вот тебе пять копеек, быстро сходи в лавку и купи мне осьмушку табака, коробку спичек и принеси сдачи две копейки». Я быстро сбегал в лавку и принес ему покупку. С тех пор я уже урядника не боялся.

Бегал я всегда быстро, шагом не ходил и с ранней весны до поздней осени бегал без обуви, босиком, в рубашке без пояса и коротких штанишках.

КАК ДОБЫТЬ ДЕНЬГИ?

Однажды товарищ мне сказал: «Хочешь добыть деньги?» — «А как их можно достать?» — спросил я. Он пояснил: «Из Погоста на перевоз к берегу Волги часто идут богатые люди, денег у них много. Узнать богатых можно по хорошей одежде и шляпам на голове. По дороге к Волге, отдыхая на траве, они теряют деньги, вот эти деньги мы и подберем».

В летний солнечный день мы с товарищем отправились в луга и стали ожидать пешеходов. Часа через два увидели идущих на перевоз мужчину в шляпе и с тросточкой и двух женщин в шляпах, с зонтиками от солнечных лучей. Мы на некотором расстоянии пошли за ними. Чтобы они нас ни в чем не заподозрили, нам пришлось прятаться в канавах, в ямах, в траве. В некоторых местах даже ползали. Вот они сели отдохнуть, минут через пятнадцать встали и пошли дальше. Мы бросились искать в траве оброненные монеты, долго искали, вырывали высокую густую траву с корнями, так что одеревенели пальцы рук, но так и не нашли ничего. С поникшими головами, усталые, мы вернулись домой.

СОВЕСТЬ НЕ ПОЗВОЛИЛА...

Как-то раз товарищ позвал меня в овраг и угостил пряниками и конфетами. Я никогда не ел так много пряников и конфет, и для меня это был праздник. Когда все съели, он спросил: «Хорошо наелся?» — «Да», — ответил я. «Так вот, — продолжал он, — денег у нас с тобой нет и не будет, а пряников хочется. Чтобы их купить, я украл у бабушки двадцать копеек. Теперь твоя очередь, возьми у матери двадцать копеек. Мы на них купим сладостей. Завтра я жду тебя в овраге».

Дома из маминого кармана я взял 20 копеек, долго держал в руке и думал: брать или не брать? Да как же я у родной матери деньги украду, как после этого буду смотреть в ее добрые, доверчивые глаза?.. Совесть не позволила мне взять деньги. Уж

лучше без сладостей. Пусть буду есть черный хлеб и картошку, а деньги не возьму. И эти 20 копеек я положил обратно в карман, откуда их и взял.

АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВНА

Недалеко от нас жила на квартире в двухэтажном доме, на верхнем этаже, акушерка Александра Яковлевна, добрая, отзывчивая женщина. Местные жители ее любили и уважали. Было Александре Яковлевне около 50 лет. Ее единственная дочь жила в Балахне.

Из Балахны летом приезжали к Александре Яковлевне нарядные, хорошо одетые внучата. Они часто заводили граммофон, а мы, подростки, сидели у их дома на бревнах и слушали, слушали музыку. Пока у Александры Яковлевны гостили внучата, мы могли слушать чудесную музыку каждый день. И использованные иголки, выброшенные через окно на улицу, мы собирали чуть ли не в драку.

Внуков Александры Яковлевны мы называли богачами, а себя «голытьбой» — обуви у нас не было, ходили босиком, да и одежда была старенькая, поношенная, в заплатках. Зато так удобнее было бегать!

НА ЛОШАДИ В ДЕРЕВНЮ СЫСОВО

В один из летних дней Александре Яковлевне надо было ехать за 7 километров в деревню Сысово к больной женщине. Ямщицкую лошадь ей выделили, а управлять лошадью было некому. Александра Яковлевна обратилась к моей маме с просьбой послать с ней меня. И я поехал. Вот только управлять лошадью мне пришлось впервые. Нам запрягли лошадь в тарантас смирную, ямщик с усмешкой успокоил: «Не бойтесь, эта Сивка вас до места доставит, она от кнута не бежит, а идет шагом». Я сел, как положено, на козлы, Александра Яковлевна — в тарантас, и мы поехали. Лошадь все время шла шагом, погонять я ее боялся.

По дороге нам пришлось останавливаться у многих деревень. Поля каждой деревни были огорожены заборами, изгородью, и при выезде были ворота. Чтобы проехать, надо было остановить лошадь, сойти с тарантаса, открыть ворота, пропустить лошадь,

снова их закрыть. До места назначения мы останавливались шесть раз.

Однако добрались благополучно и прибыли в Сысово вовремя. Александра Яковлевна оказала больной необходимую помощь. Тем же путем отправились домой. Когда приехали, Александра Яковлевна поблагодарила меня и накормила вкусными щами.

Иногда в праздничные дни, при большом движении повозок, я ходил на край поля, к дороге, — открывал и закрывал ворота у изгороди, чтобы лошади с повозками проезжали не останавливаясь. За это хозяева повозок давали мне кренделей, пряников, семечек, а иногда две-три копейки. Но попадались среди них и люди жадные и сердитые, которые могли меня обругать или ударить плетью, и я со слезами убегал домой.

ДЕДУШКА ПЕТР ИВАНОВИЧ

Петр Иванович, мой дед по отцу, рослый, сильный, кряжистый, с большой черной окладистой бородой, был серьезным хозяином в доме. Исконный волгарь, он дослужился до капитана большого буксирного парохода. Был он силач. Однажды на спор поднял многопудовый якорь.

Однако тяжелая работа подорвала его здоровье. Он заболел туберкулезом легких и в возрасте 40 лет скончался.

Капитаном Петр Иванович был хорошим. Он заботился о людях, внимательно относился к подчиненным, хорошо знал свое дело, любил трудиться. Доброе имя капитана Петра Ивановича Кокурина было известно по всей Волге, вплоть до Астрахани.

У деда была еще фамилия-прозвище Палачев. Вот как это случилось. Отец Петра Ивановича, мой прадедушка, по рассказам, был в молодости высоким, сильным, крепкого телосложения, с большой бородой, носил красную рубаху, подпоясанную красным поясом. Однажды он зашел выпить чаю в трактир, что стоял внизу перед озером. За соседним столом сидели пятеро пьяных парней. Они стали к нему приставать. Он рассердился, встал из-за стола и быстро всех пьяных по одному, одного за другим, выбросил как поленья в открытые окна под гору к озеру. Все от удивления так и ахнули. С этого случая моего прадеда стали звать палачом, и пошла кличка Палачев. Так у Кокуриных и появилось это прозвище, которое удержалось до 30-х годов.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА

Бабушка-кока, родом из села Кубенцево (г. Балахна), заботливая, добрая, строгая, была самым близким мне человеком. У нее было четыре сына: Иван, Александр, Анатолий, Константин. В суждениях бабушка была прямой, открытой, не любила пошлости и лжи. Это не могло не отразиться на характерах ее сыновей.

Все Кокурины — исконные волгари. Дед был капитаном. Дяди тоже занимались на пароходы, знали лоцию Волги от Рыбинска до Астрахани. Отец был плотником-корабелом. Дядя Анатолий Петрович окончил речное училище. К 1914 году оба дяди, Анатолий Петрович и Александр Петрович, дослужились до офицерского звания и участвовали в Первой мировой войне. После революции Анатолий Петрович работал в Городецком затоне буксирных пароходов. Младший дядя, Константин Петрович, в 16 лет был определен матросом на буксирный пароход. Под Саратовом в конце 90-х годов его ударило буксиром и сбросило в Волгу. Он погиб. Меня называли Костей в честь дяди.

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА

Татьяна Ивановна, моя мама, родом из деревни Сельцо Спасское, из крестьянской семьи, неграмотная. Прожила с отцом в доме бабушки (со свекровью) более десяти лет. Ее родители, Марфа Алексеевна и Иван Степанович Подшиваловы, — потомственные крестьяне. Мама была для меня самым лучшим, близким, добрым человеком. Я ее очень любил и уважал.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Иван Петрович, мой отец, начал работать с 14 лет. Он был замечательным плотником-корабелом, занимался строить суда, баржи и пристани. Семья ездила вместе с ним на промысел в Астрахань, Рыбинск, на Каму, в Нижний Новгород (в Молитовку). В зимнее время ходил пешком из Нижнего домой за 50 километров, неся на себе еще и пуд инструментов. Отец работал и на строительстве пристани недалеко от дома, что стояла у Лисьего озера.

Хозяином этой пристани был наш сельский богач-собственник. Артель плотников состояла из пятнадцати человек. Зимой я часто ездил туда на санках за щепками для печки, так как дров нам не хватало. Я любил смотреть на тяжелую, но дружную работу плотников. Их песня «Дубинушка» отдавалась в душе печальным эхом, унылый напев был слышен на горе, словно вся артель жаловалась кому-то на свою тяжелую долю. Работали плотники с раннего утра до позднего вечера. Оплата была мизерная. Отец приходил домой усталым и недовольным.

Свое мастерство плотника отец показал в полной мере при строительстве собственного нового дома, деньги на который копили в течение 7 лет всей семьей, выезжая на промысел по всей матушке Волге. Дом был построен в 1911 году в той же Кулаковской слободе, так называлась улица по краю горы в Николо-Погосте. Был он поменьше дедова, но сработан добротно. А на воротах отец вырезал диковинные цветы. Перебрались с семьей в новый дом в 1912 году.

В возрасте 8 лет родители привели меня в первый класс церковно-приходской школы и записали на фамилию Кокурин. Я был удивлен — этой фамилии я не знал. Фамилия-кличка Палачев осталась за мной до 30-летнего возраста.

НАШИ МЕСТА

За Никольским озером до Узолы и Волги расстилались бархатные луга. У лугов и озер были свои названия. Так, от озера Крестовая яма Криулина весной соединялась с Лисьим озером. Оно весной соединялось с Узолой. Берег озера, покрытый тальником, летом соединялся с рекой Узолой, и на лодках ездили от начала Лисьего озера до Балахны. Сейчас Лисье озеро, можно сказать, высохло, кустов тальника по берегу нет совсем. С левой стороны озера большая равнина Сухара, и от конца Лисьего влево — перелом в виде канавы, соединяющей Лисье озеро с большим озером Карасьим длиной до двух километров. Ближе всех к Волге — большое озеро Волыжка длиной два километра, а рядом — Краснижная волыжка шириной до ста и более метров. Раньше в этих озерах было много рыбы. Теперь и лягушки квакать перестали.

От горы села и деревень вплоть до Волги — луга. Правее

от Лисьего озера вверх — Большая обрезка с хорошей, сочной травой. Она ограничивалась Лисьим озером, рекой Узолой и истоком. Обрезка была богата травами, щавелем, плетками, диким луком. Мы с удовольствием все это ели, а из плеток заваривали чай. Обрезки теперь нет, она вспахана и засеивается различными культурами. Правее истока, по берегу Узолы, находилась Малая обрезка с хорошими травами. За Узолой была Стрелка.

Стрелка — это самое лучшее, красивое место, жемчужина. По ее краям от Узолы растут вязы, а от Волги — густой кустарник-тальник и самый ценный — краснотал. Есть и могучие деревья — тополя, их несколько штук.

После половодья травы росли богатые, а плетки были самые толстые и мягкие. Еще выше, от д. Шекино-Сельцо до д. Потнево от горы до Узолы, раскинулись луга, где пасли скот. Часть их называлась Голубихой. За Узолой, напротив д. Сельцо-Чередково и до д. Блаженцево, на ширину 5 километров протянулось 14 дубовых грив. Начинались они от Узолы и кончались у Волги. Грива — это холмистое, возвышенное место шириной от 3 до 200 метров. Между гривами — низменные места с небольшими озерами, болотами и частыми зарослями тальника и грубых трав шириной от 5 до 100 метров — это доли.

Прекрасен был дубовый и осиновый лес. В долах росла крупная черная смородина, на опушках грив — ярко-красная калина. Нет теперь старых грив, часть их уничтожена, много заросших, захламленных травой, ветками, сучками. Мало стало калины, черемухи, грибов, особенно белых.

СЛУЧАЙ НА ОЗЕРЕ (1917 г.)

Осенью я с товарищами ходил на замерзшее озеро глушить рыбу. Возвращаясь домой, у берега провалился в рыхлый снег — вода под ним не замерзла. Я погрузился в холодную воду до ушей и стал тонуть. Место было глубокое. Я схватился за кромку толстого льда и закричал. Держался за лед долго. На горе соседи — двое мужчин — пилили дрова. Они слышали мой крик, до меня доносился их разговор, но они мне не помогли. К счастью, недалеко два взрослых парня ловили рыбу. Они подбежали ко мне, вытащили из воды и вынесли мокрого на

берег. Придя домой, переодевшись, дрожащий от холода я залез на печь. Мама только сказала: «Чтобы об этом отец не знал, а то порку даст». После купания в ледяной воде я не заболел и на другой день как ни в чем не бывало с товарищами опять пошел глушить рыбу.

ЗА СЕНОМ

Дома у нас была корова, сена для нее не хватало. Мы с мамой зимой ходили к мосту через небольшую речку и, когда к переправе подъезжали возы, поили лошадей из ведер. За это хозяева давали нам с возов сено — кто клочок, кто охапочку. Во время сильных морозов мы промерзали до костей в своей ветхой одежде и старой обуви, ожидая возов с сеном. Извозчики берегли сено, жалели каждый клочок и нередко отказывались от наших услуг. Приходилось идти на хитрость, убеждать их: «Дяденька, да напои свою лошадь, видишь, как она хочет пить». И тут же стараешься поднести лошади ведро воды. Нас, поильщиков, было много, поэтому приходилось бегать с ведром к речке, чтобы опередить других. Иногда устанавливали очередность, если было мало возов, но это не всегда удавалось.

Помню, как-то раз один подросток хотел пощипать с воза сено, но злой и жадный извозчик, подкараулив его, топором чуть не разрубил ему шею и едва его не убил.

Часто я ходил с санками по дорогам за 5—6 километров, подгребал оброненное сено с возов. Летом, после покоса, мама жала серпом траву пырей в кустах тальника. Траву носили на себе за 2—3 километра, сушили ее около дома и на деревянной крыше двора.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ НОЧЬЮ

В один из зимних вечеров я долго пробыл в церкви и возвращался домой поздно. Попутчиков у меня не было, и я боялся собаки, бродившей по селу.

Проходя мимо бабушкиного дома, я увидел яркий свет в окнах и стал стучаться. Бабушка впустила меня в избу. На лавке за столом сидел дядя Саша в офицерской форме. Я объяснил, почему зашел к ним так поздно. Дядя Саша быстро надел шинель,

привесил саблю и пошел провожать меня до дома. Я очень радовался, что провожает меня дядя в военной форме да еще и с саблей, и смело шагал рядом с ним. Проводив меня до дома, дядя пошел дальше по улице. Мне было приятно, что у меня такой добрый, заботливый дядя.

ЛОВАЯ РЫБЫ

Очень любил я ловить рыбу удочками. Вот только не всегда удавалось достать их. В продаже удочек не было. Крючки в магазинах продавались, но не было денег на их покупку. Приходилось делать крючки из булавок, а удилице — из тальника. Позднее крючки я стал покупать настоящие, английские. Лески мы делали из конского волоса. Волосы выдергивали из хвостов лошадей, стоящих на привязи на базаре, пока хозяева отсутствовали. Связывали волосы по четыре и по шесть штук в единую нить в зависимости от того, на какую рыбу они предназначались. Потом эти нити надо было «скать» на голой ноге выше колена, иногда докрасна, до боли. Эти выделанные волосы назывались коленом. Несколько колен связывались вместе, и получалась леска.

ВЕСНА НА ВОЛГЕ (1917 г.)

Весной вода поначалу прибывает на Узоле. Когда вода «играет», река становится быстрой, бурной, выходит из берегов, затопливает низкие места.

В это время под горой села готовят лодки, пробивают паклей пазы, просмолят днища. Воздух пропитывается приятным смоляным запахом. Как только волжская вода, затопив луга, подойдет к горе, готовые лодки стаскивали с берега и на них отправлялись «куда глаза глядят». При полном разливе открывался глазам волжский простор в ширину пять-шесть, а вниз и вверх — на десятки километров. Видны были отдельные деревья и макушки затопленных кустов тальника. Многие хозяева лодок, не теряя времени, с помощью багров и веревок ловили в воде дрова.

Выходили старики на гору, смотрели вдаль и говорили: «Какая красота, какой простор! Век бы смотреть на разлив Волги-матушки!»

ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Весной 1918 года впервые в селе прошла Первомайская демонстрация. Участвовали в ней партийно-советский актив, сознательные граждане села и деревень. В колонне демонстрантов шли и подростки, в том числе и я, босиком, в одной рубашке. Погода была солнечная, теплая, всем было радостно и весело. Несли красные флаги и пели революционные песни. Колонна демонстрантов прошла по улице села и через деревню Щекино возвратилась в село. В демонстрации участвовал и дядя Паша. Он был в новом костюме, в белой рубашке, в соломенной шляпе и с тросточкой в руках.

В конце 1918 года дядю Пашу призвали в Красную Армию и отправили на Восточный фронт.

СОЛОВЬИНЫЕ РОЩИ

Берега Узолы и Волги были покрыты густыми кустами тальника и представляли собой сплошную полосу зелени. В зарослях поселялась масса птиц, особенно соловьев, отсюда и название этих мест — соловьиные рощи. В майские теплые солнечные дни, проплывая ранним утром на лодке по Узоле и Волге, мы слышали радостный, восторженный птичий хор. И сразу как будто становилось еще теплее и светлее, на лицах сами собой появлялись улыбки, невольно замедлялось движение лодки. Так хотелось подольше насладиться этим чудесным пением!

ПРИЕЗД ДЯДИ ПАШИ СО СЛУЖБЫ

Дядя Паша служил в Красной Армии на Дальнем Востоке. Со службы он приехал с аттестатом военного фельдшера.

Был он среднего роста, с добрым, внимательным взглядом, ласковыми голубыми глазами. Одевался скромно, но всегда чисто, аккуратно, носил костюм, тужурку и белую рубашку. Был заботливым, добрым к людям. Дядя Паша оказывал больным помощь, выписывал рецепты, а за работу ни с кого ничего не брал, отказываясь что-либо брать у больного. Многие его спрашивали: «Что же ты бесплатно работаешь, ведь время

трудное?» Дядя Паша отвечал: «Моя совесть не позволяет брать с больных плату». Он и нам помогал, пахал в поле, трудился вместе с нами, не гнушаясь никакой работой. Мы его все любили.

В гостях у тети (1918 г.)

Бабушка-кока послала меня к тете, учительнице, за 7 километров, отнести сверток. Время было тяжелое, голодное. Я пришел к тете и отдал сверток. Она была рада моему приходу и пригласила за стол — выпить чашку чая и отведать булочек. Я стеснялся, долго отказывался, говорил, что не хочу, а самому очень хотелось поесть белых булочек. Все же тетя меня уговорила и усадила за стол. Я выпил чашку чая и съел одну булочку, встал из-за стола и хотел уйти, но она с радушной улыбкой стала уговаривать меня съесть еще булочку. Я решил, что она искренне угощает меня, и съел еще несколько небольших булочек. Поблагодарил ее и, довольный, побежал домой.

Через несколько дней к нам пришла бабушка-кока и сказала, что тетя обиделась на меня за то, что я съел у нее много булочек. Она пожаловалась бабушке и назвала меня обжорой. Я все объяснил бабушке. Она поняла меня и сказала: «Это угощение было показное, для вида, для красивых слов». Я об этом, конечно, не догадывался. И позже, став взрослым человеком, я никогда не забывал этого ненавистного слова «обжора».

ХОЧЕТСЯ ХЛЕБА!

Хлеб на нашем столе становился редкостью. Отец работал на перевозе через Волгу, получал паек — несколько фунтов сахара. Вот этот сахар он и решил обменять на хлеб и картошку. Мама послала отца к богатым родственникам, к своему брату, за 10 километров в деревню Бараново обменять песок на зерно, которого у них было много.

Отец вернулся из Баранова усталым, расстроенным и ни с чем. Я никогда не видел его таким подавленным. Впервые при мне он заплакал и с горечью произнес: «Черти эти родственники, а не люди. Не только не обменяли сахар на хлеб, даже кусочка хлеба на дорогу не дали. Целый день потратил, 20 километров отмахал голодный... Эти богачи — звери, а не люди».

ПОЕЗДКА В ЛЫСКОВО ЗА ХЛЕБОМ

В начале 1918 года мы продали корову — кормить ее было нечем, а сена купить не на что. Жить стало еще тяжелее. Тут кто-то сказал, что в низовьях Волги, за Нижним, около Лыскова, крестьяне живут зажиточно и хорошо подают нищим, голодным. Бабушка испекла нам на дорогу из остатков муки ковригу хлеба, и мы с отцом отправились в Лысково. На пристани в Балахне сели на пассажирский пароход. Отец купил билет, а я поехал без билета, «зайцем». Отец предупредил, что если я не увернусь от контроля, меня могут высадить на ближайшей пристани. Чтобы этого не случилось, я должен притвориться спящим, и если меня будут будить, толкать, пинать — я должен терпеть, не подавать виду.

В полночь я лег отдохнуть около отца на нижней полубе у машинного отделения. Думали, что так поздно проверки билетов не будет. И вот явились два контролера: главный — в очках, с компостером в руках, второй в матросской форме. Проверив билет у отца, они подошли ко мне. Сначала легонько будили, потом стали пинать ногами. Один схватил меня за одежду и стал сильно трясти, приговаривая: «Ну и спит же проходимец!» Я ни звука не издал, глаз не открыл, решил твердо держаться до конца. Отец им жалостливо сказал: «Что вы с него хотите взять, мальчик голодный, совсем не спал, проявите милость, оставьте его». Контролер сказал: «Пусть спит, потом попадется нам». И ушли от нас.

Я впервые плыл на пароходе по Волге. Все меня интересовало. Конечно же, не сводил глаз с машинного отделения, где большие и малые валы двигались, шипя и как бы обгоняя друг друга. Чумазый молодой масленщик подливал масла в машину. Шум машины, плеск воды от колес парохода, частые свистки с капитанской рубки бодрили и приятно волновали меня.

Утром прибыли на место, поднялись на высокую гору и направились к ближайшему селению. У меня уже был кое-какой опыт, приходилось и прежде просить подавание. Под окнами мне дали несколько кусков ситного хлеба. Я с жадностью ел хлеб и наблюдал за отцом. Он впервые в жизни просил милостыню и чувствовал себя униженным, растерянным. Мне стало его жаль, и я сказал: «Ты, тятенька, пока не проси, я сам пробегу все дома». Отец ответил: «Мне тяжело, сынок, нужда и голод заставляют

просить, ничего не поделаешь». Несмело, нехотя подошел он к окошку одинокого дома и дрожащим голосом проговорил: «Подайте прохожему кусочек хлеба...»

Пробыли мы в Лыскове три дня. Спали в заброшенных сараях, в дом ночевать нас никто не пустил, никто не покормил. Подавали мало, только-только поесть, и все, что удавалось добыть, мы съедали, запивая водой. Домашние огорчились, что мы вернулись без хлеба...

ПЕШКОМ В СИДОРОВО

В начале октября 1918 года послала меня мама к дальним родственникам в деревню Сидорово, что в 12 километрах от Погоста, добыть хотя бы немного хлеба. Был теплый осенний день. Солнце светило ярко и еще грело. На небе ни облачка, в воздухе — ни ветерка, полная тишина. Шел я быстро. Мне было хорошо, радостно и легко шагать в ветхой одежде — летней тулупке, коротких штанах, в стареньких кожаных сапогах на ногах...

Приняли меня родственники в деревне очень хорошо, особенно тетка Матрена — добрая, заботливая хозяйка. Она была рада помочь мне, сразу досыта накормила. Лицо у нее было простое, открытое, глаза доверчивые, ясные, добрые.

В семье, состоявшей из десяти человек, царили мир, согласие и спокойствие, не было ругани, грубости, равнодушия. Мать перед завтраком всем сыновьям давала задания, в обед спрашивала, как идут дела. Вечером подводился итог дневным работам. Это была хорошая, дружная семья. Ко мне, как к гостю, относились внимательно и заботливо, за стол сажали первым. Я чувствовал себя как в родном доме. В доме была одна большая комната и кухня, жили в тесноте, но не в обиде.

На следующий день, после того как пришел в Сидорово, я ходил за подаванием, но вернулся без куска. Тетка Матрена направила меня к зажиточной родственнице в деревню за 8 километров: может быть, там удастся добыть хлеба. Погода резко изменилась, подул сильный северный ветер со снегом, стало холодно. Легкую одежку продувало насквозь, я промерз до костей, но дошел до указанного дома. Встал перед окнами. На меня никто не посмотрел, на стук не открывали дверь. Из дома доносился веселый смех детей, а я стоял у дома голодный,

замерзший, не нужный никому, слезы обиды текли по щекам. А холод сжимал все крепче... Так ни с чем и возвратился я обратно.

На третий день я отправился домой. Тетка Матрена и другие родные дали мне печеного хлеба. Всего набрал я хлеба почти мешок. Один из родственников, Федор, как раз в это время уезжал из дома — отправлялся на Гражданскую войну. Попутно меня захватили до села, посадили в тарантас. Приехав, я с радостью внес мешок с хлебом и весело сказал: «Вот, мама, хлеба я привез много, не горюй, хватит всем надолго!»

Но, видно, я простудился в своей легкой одежонке. Вскоре почувствовал слабость, сильный озноб, разболелась голова. Потом начался сильный жар, и слег я на лавке в кухне. Несколько дней ничего не помнил. Придя в себя, увидел больным и брата.

Врачей в селе не было, лекарств тем более. Мама позвала к нам приезжего доктора, гостившего у своей матери. Мать доктора Виноградова жила в крайнем доме села, ныне в нем больница. Пришел он быстро, внимательно осмотрел нас и сказал: «У вас «испанка», я могу помочь вам только советом и выписать рецепт на лекарство, однако вряд ли вы его здесь найдете. Но вы молоды, справитесь с болезнью, только пока полежите. Я уверен, вы выздоровеете». Эти добрые слова, заботливое отношение, само посещение нас, больных, молодым, симпатичным доктором Виноградовым в такое трудное, тяжелое время, мне кажется, стали тогда для нас лучшим лекарством.

Через три недели мы с братом поправились.

ВАРКА РАССОЛА

В 1918—1919 годах многие жители Балахны и близлежащих селений занимались исконным местным промыслом — варкой рассола, или выпариванием соляного раствора в соль. Соль меняли на хлеб местным крестьянам и даже приезжим из Костромской, Ярославской и других губерний: пуд соли на один пуд муки, а позднее — два пуда соли на пуд муки.

В Балахне было два источника рассола. Более мощный — на берегу Волги, у старого перевоза (в источнике было до десятка деревянных широких труб, зарытых глубоко в земле). Второй источник — в километре от Волги, у Кирпичной улицы (здесь

было две деревянные трубы). Желаящий получить рассол приносил свое ведро с веревкой, платил деньги в кассу и получал талон на то или иное количество ведер. Ведро на веревке вручную опускали в трубу на несколько десятков метров, потом выливали из него рассол в свои привезенные бочки. В кассе размер ведер не учитывался, поэтому отец приобрел большое ведро. Полное мы его поднимали с трудом.

За рассолом часами стояли сотни людей. Почти вся Балахна варила соль. Зимой город покрывался дымовой завесой. В летнее время доставка и варка рассола были полегче.

Рассол в бочках перевозили по Волге и уже на месте его выпаривали. Делали это так: наливали рассол в два железных противня длиной два метра, шириной полметра, ставили их на камни, подкладывали тальник, разводили огонь. При кипячении вода испарялась, а соль оставалась на противнях, ее собирали в мешки. Твердой соли получалось около $\frac{1}{3}$ от объема рассола. При варке рассола надо было постоянно подкладывать дрова и длинной деревянной лопаткой помешивать рассол и образовавшуюся соль.

Весной, при разливе Волги и Узолы, рассол на лодке подвозили к Погостинской горе и на месте выпаривали его. Зимой подвозка и переработка рассола усложнялась. Это была тяжелая работа. На больших санках-дровешках закрепляли большую бочку емкостью 12 ведер. Эту пустую бочку везли в Балахну, 6 километров, втроем — мама, я и брат — и обратно, из Балахны, уже наполненную рассолом, прямо к дому. С трудом поднимались в гору по Щекинскому взвозу. Рассол выпаривали в огороде. Дровами для выпаривания служил длинный сухой и сырой тальник, его привозили на санках из лугов (2—3 километра).

Хорошо запомнилась одна поездка за рассолом в Балахну в марте 1919 года. Рано утром мама обула нас впервые в новые лапти, и мы отправились в город. Идти в лаптях было тепло, мягко, легко. Возвращались с бочкой рассола из Балахны в полдень. Солнце растопило снег по дороге вдоль Узолы и Лисьего озера, появились лужи. Мы в лаптях шли по лужам. Добравшись домой, промокшие лапти сняли, забросили их в овраг и опять надели свои старые, худые сапоги.

Пряли, ткали, жгли лучину...

После империалистической и Гражданской войн страна была очень ослаблена. Жили бедно, не хватало продовольствия, предметов первой необходимости, одежды, обуви.

Одежду делали мы сами простейшим кустарным способом. Нас, братьев, мама посадила за прялки. Из льна мы пряли тонкую пряжу, наматывая ее на веретено.

Так мы вчетвером осенью и зимой пряли при свете лучины. Керосина у нас не было, поэтому жгли сухую лучину. Светец состоял из железного корыта со стойкой, в которую вставлялась зажженная лучина, освещавшая комнату. Сгоревшие части лучины падали в корыто. Один из братьев «кочегарил», все время зажигал лучинки, а остальные пряли.

Отец сделал примитивный ручной ткацкий станок, и мама из нашей пряжи ткала на нем грубую ткань серого цвета. Затем ее вымачивали в горячей воде, отчего она становилась мягче и белее. Из нее мама шила нам рубашки и штаны.

РАБОТА В ДЕРЕВНЕ СЕЛЬЦО (1918—1919 гг.)

В деревне Сельцо жили мамины родители, которые занимались в основном крестьянским трудом и побочно — рыболовством на Волге. Весной, в разлив, рыбу ловили прямо у деревни. Мама помогала им во всем: жала рожь, овес, молотила цепами, убирала в хлевах навоз. Дедушка гулять мне не разрешал, заставлял работать. Я охранял сад, убирал с поля снопы, возил навоз, помогал молотить хлеб молотилкой, которую приводили в движение от конного привода. Одной из лошадей управлял я, гоняя ее по кругу в течение дня. После молотьбы дедушка на гумне веял зерно, подбрасывая его лопатой вверх, отчего легкая пелера улетала в сторону, а чистое зерно падало вниз. Я любил эту работу.

Обычно дедушка молотил хлеб вместе со своим братом Александром, поэтому я питался у обоих по очереди. Дедушкин брат был высоким, статным стариком с большой почти седой бородой и добрыми, смеющимися глазами. Отчего-то он называл меня канальей: «Пошли, каналья, обедать». Я так привык к этому слову, что даже стал отзываться, хотя и не знал толком его

значения. Молотьбой дедушка с братом занимались обычно в четыре и шесть цепов и так искусно, слаженно и четко это делали, что при желании можно было услышать даже мелодию, ритмично ими выбиваемую. Потом молотить стали самодельной машиной, которую брали напрокат у мастеровитого соседа А. И. Чижова.

Мой дедушка, небольшого роста, с большой седой бородой, к нашей семье относился с некоторым презрением. Мы не были крестьянами и не имели собственности, кроме дома, так что по сравнению с ним считались бедными, и он часто называл меня «золотой ротой» и «голоштанником», всякий раз заставляя меня что-то делать, чтобы я хлеб даром не ел. К людям он вообще относился с подозрением и многих называл мошенниками. Выражение «Мошенник на мошеннике сидит и мошенника погоняет» было его любимым.

А вот бабушка, со слезящимися глазами, небольшого роста, была доброй, тихой и очень заботливой хозяйкой. Деда она побаивалась. Жили они все в одной комнате, в которой стояла деревянная кровать, две широкие лавки и табуретка. Постельных принадлежностей не было. Дедушка спал на лавке, подложив под голову старое пальто, бабушка на печке, а сын — на кровати.

СЛУЧАЙ С ТЕЛЕГОЙ

Мне часто приходилось на телеге вывозить навоз со двора. Один на лошади я увозил его в поле и там крючком стаскивал в небольшие кучи, а потом возвращался за новой порцией. За 3—4 часа работы я обычно вывозил в поле весь навоз.

Но однажды при моем возвращении в деревню на пустой телеге лошадь моя вдруг уперлась, перестала подчиняться, а в середине деревни неожиданно помчалась рысью с небольшой горки. От тряски по неровной дороге шкворень, соединявший телегу с передком, выскочил. К счастью, я успел его вовремя отпустить, и лошадь с передком побежала дальше. А я ударился грудью о край телеги, но остался лежать на ней. Удар был несильный, и я вскоре продолжил свою работу.

СЕНОКОС

Прекрасным и счастливым временем для меня всегда была сенокосная пора. Травы косили в поймах Волги и Узолы, в разных местах, на 18—20 отдельных полосах. На каждом наделе ставили с двух сторон две вешки из тальника и ножом на траве возле них вырезали первые буквы фамилии его владельца.

Работу делильщика у дедушки обычно выполнял я вместе с его братом. Сенокос продолжался около двух недель. Мужчины с 5 часов начинали косить траву. В это время женщины готовили на костре обед. Когда солнце начинало пригревать, они уходили сушить сено, а мужчины устраивали для себя небольшой отдых.

Теплая, солнечная погода, аромат трав, трудовой подъем работающих людей вселяли радостное, бодрое состояние духа. Весь день в работе! Она заканчивалась, только когда на закате солнце, осветив последними теплыми лучами зеленую равнину лугов, скрывалось за горизонтом. Тогда разжигались костры у шалашей и полным ходом начиналась подготовка к ужину. Мужчины между делом точили или клепали косы. Металлический стук, веселый говор, шутки, смех — все напоминало веселый праздник. Постепенно спадала жара, наступала прохлада, теплый ветерок приносил запах свежескошенных трав, в воздухе приятно пахло дымком. Лучшего ночлега в такую пору, чем небольшой шалаш, сделанный из тальника, и постель из душистого сена, не найти. Все уже отужинали. И многие легли отдыхать. Наступает ночь, а молодежь, полная сил и радости, все поет под гармошку веселые песни, разухабистые частушки и пляшет почти до появления новой зари.

ВИТЬЕ ВЕРЕВОК

На краю села, «на задах», два пожилых мужика, два брата, оба с большими бородами, вили веревки из пеньки. В деревянном сарае у них стояло большое колесо. Они вдвоем веревками привязывали к себе пеньку, а концы ее соединяли с колесом. Затем начинали вращать колесо, постепенно удаляясь от него метров на сто и более. Так получалась готовая веревка. Работа была тяжелая, от нее деревенели руки, так как с утра до вечера приходилось вращать колесо.

Лыжи

Зимой любимым занятием было катание на лыжах. Сразу за нашей улицей находился большой овраг, на нем было два замечательных спуска. Лыжи я мастерил себе сам. Брал для этого две гладкие доски и к их концам гвоздями прибивал закругленные дощечки от старых кадок, чтобы лыжи не уходили под снег. Но такие лыжи плохо скользили и быстро ломались. Выручил меня дедушка из Сельца. Он подарил мне настоящие березовые новые лыжи. Я был несказанно рад такому подарку, ведь у товарищей лыжи были хуже моих.

И вот как-то в один из зимних дней я привязал веревку к концам своих лыж и, держась за нее, покатил с горы, на которой было немного снега и много неровностей. Скатившись вниз и оглянувшись назад, я вдруг увидел, что конец у одной лыжи отломился. От горя я не знал, что делать, стоял у лыж и чуть не плакал.

На помощь мне пришел старший товарищ. «Не горюй, — сказал он. — Я устрою твои лыжи, склею их купоросным маслом, и опять будешь кататься. Идем в баню, все там и сделаю». Я с облегчением вздохнул, поверив его словам. А товарищ связал сломанный кусок лыжи мочалом, чем-то потер это место и сказал, что через три дня сломанные места обязательно склеятся. Но прошло четыре дня, а они все не склеивались. Я опять остался без лыж.

Только через несколько лет, будучи уже учеником 7 класса, я сам себе сделал лыжи. В дубовых гривах срубил два дуба, привез их на санках домой. Потом перевез в балахнинскую школу. И здесь, в столярной мастерской, под руководством мастера сделал самые настоящие дубовые лыжи, на которых катался вплоть до ухода на службу в Красную Армию. Да и племянники еще долго на них катались.

Лыжный спорт стал с тех пор для меня самым приятным и радостным. Я никогда не расставался с лыжами. Большое удовольствие представляло для меня катание на лыжах в тихий, морозный и лунный вечер, когда белоснежная равнина так и сияла вся яркими блестками, словно луна пригоршнями разбросала на ней разноцветные дорогие камни. Ярче и красивее картины не увидишь!

РАБОТА НА КАПУСТНИКЕ

В один из майских дней отец сказал мне: «Завтра пойдем на берег Волги корчевать тальник у Осинина Ивана Семеновича для посадки капусты, может, что-нибудь заработаем, да и покормит нас. Думаю, не обидит».

У Ивана Осинина земли было много. Капусту он выращивал в низинах берегов Волги и Узолы. В летнее время нанимал до 40 рабочих. И вот мы с отцом, голодные, с топорами и лопатами, прибыли на берег и доложили хозяину, что работать будем за питание и продукты. Иван Семенович, мужик лет шестидесяти, с неприятным морщинистым лицом, с пронзительным взглядом черных глаз, бородкой клинышком, одетый в черный халат, кожаные сапоги и картуз, надвинутый почти на самые глаза, сидел на пне срубленного дерева почти не двигаясь: в одной руке он держал коробку с нюхательным табаком, а другой совал его себе в нос. Он даже не посмотрел в нашу сторону и только сквозь зубы процедил: «Будете выкорчевывать тальник вот здесь, работать надо как следует, бездельников не люблю».

Мы с отцом принялись за работу. Не разгибаясь, вырубали топором тальник, разравнивали землю, сносили корни и ветки на край участка. С каждым часом работать становилось все тяжелее и тяжелее, усиливался голод. Поработав в поте лица без отдыха до обеда, отец опять обратился к сидящему на пне Осинину: «Иван Семенович, мы голодные, и с собою у нас ничего нет, совсем обессилели, не дадите ли чего поесть в счет нашей работы?» Осинин, продолжая сидеть на пне и все также понохивая табак, с пренебрежением посмотрел на него: «Вы жрать ко мне пришли или работать?» Спросил угрюмо и, повернувшись на пне, с наглым видом посмотрел в нашу сторону.

С большим трудом мы доработали до вечера. Отец попросил заплатить нам за работу продуктами или деньгами. «Рано вам платить, рабочий день не закончен, и если не хотите дольше работать, лодыри вы такие, ничего не дам», — с раздражением ответил пень Осинин. Повесив головы, утомленные тяжелой, без отдыха работой, мы побрели домой. Больше на работу к нему мы не ходили.

О ДЯДЕ ПАШЕ

С военной службы в 1918 году дядя Паша привез много книг и коньки-снегурочки, которыми я мог только любоваться. Уезжая на Гражданскую войну, он наказал своей матери, моей бабушке, чтобы коньки отдали мне. Радости моей при этом известии не было тогда конца. Но коньки, однако, я так и не получил. Дядя Паша часто брал меня к себе в деревню, где я мог хорошо поесть. У него была красивая каллиграфия, и мне доставляло удовольствие рассматривать в тетрадах его записи.

ОБСТАНОВКА ДОМА

В доме у нас были обеденный стол, один стул, табуретка. А вдоль двух стен этой комнаты-кухни размещались две большие широкие лавки. В горнице стояла деревянная кровать и еще один стол. Из посуды имели мы чайник, большой старый самовар, чашки с блюдцами, одно большое блюдо, деревянные ложки, плоски да чугуны.

Вся семья из семи человек рассаживалась по лавкам и на стуле. Ели все вместе из одного большого блюда. В холод спали на печке и на полатах, а в теплую погоду — на лавках и на полу на матрацах. Одеял и подушек не было, под голову подкладывали старые пальто. Укрывались тоже старыми пальто, шубейками и прочей изношенной, в заплатках одеждой.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ОЗЕРО

Весной людей через озеро перевозили на лодках в основном дети-подростки. Я тоже занимался перевозом. Брали за него 3—5 копеек, так что за день мы зарабатывали 50—60 копеек. Перевозчиков было много, иногда до десяти лодок собиралось, естественно, пассажиров на всех не хватало. Иные ухитрялись заманивать к себе пассажиров выкриками: «Дяденька, садитесь в мою лодку, у Мишки и Петьки лодки худые, текут!» Один мой знакомый, помню, дал мне за перевоз целых 10 копеек. Вот это была радость!

ПЕРВЫЙ УРОЖАЙ

В конце лета 1919 года наш земельный надел дал первый урожай. Из посеянных 4—5 пудов ржи заколосился отличный, высокий хлеб. В яровом поле как на дрожжах поднялись овес, лен, хорошая картошка. Все радовало глаз и подавало хорошие надежды на урожай. Я несколько раз бегал в поле наблюдать за ростом хлебов и овощей. Наконец пришло время убирать созревшую рожь. С радостью мы с братом жали рожь серпами, а мама вязала снопы. С утра до вечера мы работали. Бабки ставили из 20 снопов. Сразу же из первых снопов намолоченный хлеб — два пуда — в мешках мы с мамой понесли молоть на водяную мельницу «Корепаниху», что на Узоле, в 7 километрах от нас.

На мельнице собралось много подвод. Без очереди нас даже с небольшим количеством зерна никто не пропускал. Мама со слезами просила хозяина мельницы — высокого, с черной бородой, выбеленного мукой, выполнить небольшую работу без очереди. Но он только презрительно процедил сквозь зубы: «Какое мне дело до вас! Проси мужиков на подводах, может, кто и пропустит без очереди». Мама бросилась к стоящим в очереди, умоляла всех со слезами, просила, доказывала, что мы голодные, пришли издалека всего с двумя пудами хлеба. Нашелся все-таки хороший, добрый человек, пропустил нас. Смололи нам наши два пуда, и мы не могли надыхаться вкусным мучным ароматом. Домой шли быстро, не чувствуя усталости и голода.

А сколько было радости, когда мы всей семьей за столом ели свежий, первый выращенный нами хлеб! На семерых едоков мы намолотили 40 пудов хлеба, собрали много картошки, продолжали варить соль и менять ее на хлеб — словом, обеспечили себя всем необходимым. Теперь я мог начать прерванную учебу в школе.

ЛЕДЯНОЕ ОЗЕРО И ПЕРВЫЕ КОНЬКИ

Под горой села — большое озеро Никольское. При наступлении осенних холодов озеро замерзло, покрывалось блестящим, как зеркало, льдом. Для меня и моих друзей тогда наступала лучшая пора побегать по льду, поглотить на мелких местах рыбку и, главное, покататься на коньках.

Но у меня коньков не было. Они мне только снились, собственные «снегурочки». В продаже они были, но у нас не было денег, чтобы их купить. И я с завистью смотрел на катающихся товарищей. Выручил меня дедушка из Сельца. Он подарил мне старинные коньки на высокой деревянной колодке. Снизу к ней прикреплялись для скольжения толстые железные прутки, их передние концы загибались высоко, словно бараньи рога. На таких коньках я и вышел на лед озера. К валяным сапогам привязал их веревками и встал на лед. Мои коньки сразу же разъехались, и я упал. Подошли катающиеся ребята, стали смеяться над моими коньками. Один даже схватил их за завитые прутки-рога, потянул на себя, и я опять упал на лед. От боли и обиды я заплакал. Но с этим я справился, вот только обидно было, что мои коньки за большие завитки-рога прозвали в честь коз: «Васькой-козлом» один конек, а другой — «Зойкой-козой». И часто друзья ехидно спрашивали меня: «Как поживают у тебя Васька с Зойкой?» Я ходил кататься, хоть ненадолго, рано по утрам, когда на озере никого не было.

Прошло какое-то время, и я все-таки купил коньки, накопив денег от перевозки людей на лодке через озеро и Волгу. Были у меня и «снегурочки» и «муромец». Вот тогда уж я отводил душу, лихо гоняя по ледяным просторам озера, Узолы и даже Волги.

ЗА ДРОВАМИ

Весной 1920 года, в период разлива, мы с отцом и мамой на пароме отправились вверх по Волге, в дубовые гривы за дровами, заготовленными зимой. Погода стояла теплая, солнце сияло ласково, на небе ни облачка, кругом тишина, и только на высоких вязах на горе весело кричали грачи, да из дальних кустов тальников доносилось переливчатое щелканье соловьев. Ехали по затопленным водою лугам, где течение воды было небольшое. Мы с мамой гребли веслами, а отец управлял паромом, упираясь в дно длинным шестом. Подъехав к месту, мы были удивлены, увидев, что дрова на бугорке, на суше, со всех сторон окружены водой. Мы стали дружно и быстро разбирать и загружать дрова на паром. Затем отправились в обратный путь по течению воды, уже без помощи весел. Течение легко несло нас недалеко от берега, и мы отдыхали и любовались природой.

Приплыв под Сельцо, увидели на горе женщину, махавшую нам белым платком. Она быстро сбежала с горы и, отдышавшись, сообщила маме: «Пришло известие, что твой брат Павел погиб на войне». От нашего радостного настроения сразу не осталось и следа. Мама зарыдала, обхватив голову. Дядя Паша был очень добрым, хорошим человеком, и мы все искренне любили его.

Приплыв к месту, без разговоров сгрузили дрова на берег. Из присланного дядиным товарищем письма мы узнали, что дядя Паша воевал на Восточном фронте против Колчака. В воинских частях свирепствовал тиф, кося бойцов и командиров одного за другим. Дядя Паша, военный фельдшер, был в первых рядах в борьбе с этим страшным заболеванием. Сам себя не поберег, перенес два тифа — сыпной и брюшной и, заболев в третий раз, умер. Дядя Паша для меня всегда был примером человека душевной чистоты и доброты. Когда он был дома, в деревне, лечил бесплатно жителей, нам помогал во всех делах, меня часто брал к себе домой, чтобы покормить.

ВЕСЕННИЙ РАЗЛИВ ВОЛГИ (1920 г.)

Весенний разлив Волги и Узолы, катание на лодках, ночи на берегу Волги — самая радостная, счастливая пора в моих воспоминаниях о детстве! Особенно памятен весенний разлив Волги, когда вода заливала все луга и подходила к самой горе.

Весной первыми прилетали грачи, прижившиеся на столетних вязах по склонам горы. Их гомон и хлопоты на строительстве гнезд с раннего утра и до позднего вечера вызывали в душе радостное, весеннее настроение. Через несколько дней после грачей прилетали веселые скворцы. Ранним утром, при восходе солнца, они распевали свои чудесные песни.

Весна постепенно вступала в свои права: таял на солнце снег, бежали маленькие журчащие ручьи, которые, сливаясь, превращались в большие шумящие потоки. В полях от таяния снега появлялись целые озерца, которые, размыв по пути снежный покров, устремлялись в низкие места и в овраг за домами села. Здесь, в овраге, с шумом неслись потоки воды, которые потом вливались в большое озеро. У нас считалось, что если овраг «проснулся», то значит, весна в полном разгаре. Наблюдали за разгулом воды и слушали ее шум как необычную музыку. Через

несколько дней после пробуждения оврага начинала «играть» и наша красавица Узола. Берега ее постепенно в низких местах затапливались, течение воды усиливалось, лед начинало корезить, ломать и крошить на отдельные льдинки, и вот все с шумом, треском неслось вниз по течению к Волге.

Через несколько дней ожидался ледоход и на Волге. Прибыль воды увеличивалась на глазах. Напротив Балахны образовывался обрыв льда во всю ширину реки. Через образовавшуюся большую полынью можно было на лодках ездить в Балахну. Наконец наступал день ледохода: сначала по течению быстро плыли отдельные льдины, но вот вдаль начинала просматриваться полоса движущегося льда. Эта масса исковерканного, сломанного льда вплотную от берега к берегу двигалась вниз по течению с дальнего затора — начинался полный ледоход. Интересно было наблюдать за его движением: страшный шум, треск, заход льдины на льдину, некоторые льдины выбрасывало на берег, на мелких местах образовывались горы льда, и никакая сила не могла остановить этого могучего напора. Лед шел очень плотно, вода не просматривалась. Брошенный на лед камень не тонул. Иногда льдины уносили домики, лодки и даже небольшие баржи. Странно было видеть меж неподвижных берегов движущийся дворик с распевавшими в нем петухами.

Трое суток продолжался непрерывный ледоход. Всякое движение, переправа через Волгу прекращались. На четвертые сутки лед шел уже реже. Появлялись льдины с темной поверхностью — значит, шел последний лед с Унжи. После этого ледоход заканчивался.

Вниз по Волге отправлялись из затонов, мощно разрезая водную гладь, с позывными свистками, белые красавцы — первые пассажирские пароходы. После ледохода прибыль воды продолжалась еще дней двенадцать, а затем начиналась ее убыль. Погода в это время стояла ясная, теплая, тихая, солнечная. На воде при небольшой ряби солнечные лучи играли разноцветными искрами. На лугах постепенно обнажались высокие места — зеленые островки. Потом вода уходила совсем, и затопленные ранее луга превращались в большой зеленый ковер. От весенних разливов рек у горы появлялись куски опоки коричневого и красного цвета и мелкая твердая галька. Ее собирали для игр, а опокой красили самодельные суденышки.

ПРИРОДА И ВРЕМЯ ПЕРЕПРОВОЖДЕНИЕ (1919—1920 гг.)

Любил я кататься и на лодке с парусом при большом половодье на Волге и сильном низовом ветре, против течения, в разрез волн — опускаться, падать с волною вниз и взлетать на ее белый гребень. Надо было только уметь твердо, крепко держать кормовое весло и правильно управлять лодкой — лодка идет так быстро, что слышно только движение воды под ее носом. Если разгуляется сильный низовой ветер по всему затопленному раздолью, Волга становится грозной, опасной рекой. На тебя с яростью и шумом надвигаются валы и беляки.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

На самых красивых луговых озерах — Волыжке и Карасьем — мы ловили удочками красноперку. В истоке же рыбу ловили прямо руками под корягами тальника. Ловили ее и подпуском. Ставили подпуск на ночь, а сами на берегу отдыхали, ужинали у большого костра, с интересом посматривая на огонь, на освещенные пароходы и плывущие вниз по течению плоты. Наши любимые реки — Узола и Волга. Сколько прекрасных воспоминаний связано с вами!..

В НОЧНОМ

Побыть в ночном — это значит провести ночь на берегу Волги. Мы брали с собой удочки, подпуск, котелок, чайник, а из продуктов — картофель, масло, хлеб, чай. Выезжали вечером из Лисьего озера на лодке и направлялись к берегу Волги с растущими на нем кустами тальника. Из пойманной вечером рыбы варили уху, не было рыбы — варили картошку-пюре с маслом, кипятили чайник. Какой же вкусный ужин получался у нас тогда на берегу Волги, с запахом дымка!

Наступала ночь. Наш костер из сухого тальника и потому ярко пылает. Ночью при свете костра хорошо сидеть на берегу Волги и видеть бакены в белых и красных огнях, плывущие сверху плоты с небольшими на них кострами, идущие в огнях и

с веселой музыкой пассажирские пароходы. Недалеко в кустах запел соловей, за ним последовали другие, и целый хор прекрасных звуков слился в единый гимн молодости и надежды. Ночь проходит, наступает утро...

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ (ДЯДЯ, БРАТ ОТЦА)

До революции у меня с ним было две встречи. А в конце 20-х годов он прибыл к матери (моей бабушке). Мы втроем сидели в горнице, бабушка на стуле, а мы с ним на плетеном диване, и пили чай. Бабушка угощала нас малиновым и яблочным вареньем. Небольшой самовар на столе кипел, испускающая клубы пара. Александр Петрович был весел, много говорил, расспрашивал нас обо всем и был очень доволен встречами. В 30-е годы он приезжал с дочерью. Мы сидели вчетвером за столом и дружно беседовали. Александр Петрович был для меня идеалом добра и внутренней жизнеутверждающей красоты.

ОСЕННЯЯ ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ВОЛГУ

Осенью, в сырую и дождливую погоду и в морозы, без копейки в кармане, в плохонькой, заплатанной одежде мы шли на берег Волги, на перевоз. Старый перевозчик Иван Андреевич, по прозвищу «Губка», на вид грозный и суровый, но с доброй душой, жалел нас, учеников, и называл кобриками. Он сажал нас в первую очередь и перевозил бесплатно.

В период ледохода через Волгу переезжать было трудно, к тому же цены за перевоз возрастали. На лодке между льдинами передвигались в основном с помощью багров. Частники перевозили на своих лодках.

В один из холодных дней ноября на Волге шел сильный лед. Хозяин перевоза, Дмитрий Белякин, жадный до денег, сам отправлял лодки с народом в Балахну и сам получал деньги за перевоз. Иван Андреевич был у него работником. Я, озябший, продрогший до костей, долго стоял на берегу, боясь сесть в лодку без денег, и когда окончательно замерз, решился сесть прямо на дно свободной от людей лодки. Дмитрий Белякин грозно посмотрел на меня и закричал: «Ты, заяц, куда без денег, сейчас же вылезай!»

Я дрожащим голосом, со слезами на глазах попросил: «Дяденька, мне учиться надо, я и так опоздал, оставьте меня, пожалуйста!» Тогда разъяренный Белякин схватил багор, зацепил меня им за пальто и вытащил из лодки. Но когда он ушел, другой перевозчик, добрый, посадил меня в лодку, и я переехал на другой берег.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ

На перевозе через Волгу у частников, владельцев лодок и парома — Белякина и Бурмистрова, работал перевозчиком Иван Андреевич. Почти 40 лет плавал он по реке. Перевоз состоял из нескольких лодок и парома для перевозки лошадей с повозками. Жил Иван Андреевич в небольшом домике на левом берегу Волги. Хозяева перевоза платили ему мало, а заработать он не мог — хозяева были строгие. Жил перевозчик бедно, в основном на хлебе и квасе. На первый взгляд Иван Андреевич был человеком хмурым, неразговорчивым, даже сердитым. С людьми говорил отрывисто, грубовато, никогда не улыбался, зато хорошо знал Волгу и все ее капризы. Можно сказать, слился с ней и без нее не мыслил своей жизни.

Бывало, в своей избушке сидит у окна и пьет чай, а сам посматривает на могучую реку. Он знал названия всех пароходов и откуда плывут плоты. Так, устремив внимательный взгляд на реку, вдруг с недовольством проговорит: «Вот опять одер идет вверх, что ему не сиделось дома?»

Я смотрю в окно и никого и ничего не вижу. Спрашиваю Ивана Андреевича: «Где этот одер?» — «Не видишь, что ли, вон выплывает из-за мыса, а дымит, дымит-то как, стервец».

Из-за песчаной отмели и в самом деле тихо двигается вверх по реке небольшой буксирный пароход с баржой, выпуская из трубы черный дым...

Большими же пассажирскими пароходами Иван Андреевич любовался. При перевозе людей садился на корму лодки и, управляя ею, пристально глядел только вперед, с пассажирами не разговаривал, обдумывая, должно быть, как лучше провести лодку на песчаных косах или в сильный ветер при нарастании волны. Если же случалось, что лодка все-таки садилась на мель, пассажиры проявляли недовольство, заявляя: «Иван Андреевич,

как это ты посадил лодку на мель?» На что следовал ответ: «Не я, а гребцы виноваты, не умеют грести по-хорошему, а за весла берутся». При этом он упирался в дно реки, а если не удавалось сдвинуть лодку, заходил в воду и, напрягая силы, снимал ее с мели.

В 20-х годах хозяева перевоза ввели примитивную технику для перевозки людей: построили паром без весел, установили сзади большое колесо. А чтобы он двигался, трое-четверо мужчин со всей силой крутили это колесо. Однажды нас, группу ребят-учеников, не имеющих денег, заставили крутить заднее большое колесо. Сначала было интересно, мы дружно взялись за дело, но, проплыв половину Волги, обессилели. Мы сказали об этом Ивану Андреевичу. Но он строго стал заставлять нас крутить колесо, объясняя это тем, что паром унесет вниз по течению. Сговорившись, мы бросили тогда работу и спрятались в трюме парома, и его сразу понесло вниз по течению.

Иван Андреевич испугался, забегал, закричал с огорчением: «Ребятишки, что вы сделали? Надо ближе к берегу подойти, я там буду упираться шестом, а здесь глубоко, самый стрежень, ведь нас унесет, тогда я буду виноват, помогите мне!» Уважая его за хорошее к нам отношение, мы вылезли из трюма и еще сильнее стали крутить колесо. Так благополучно мы доехали до берега. Иван Андреевич посмотрел на нас и улыбнулся. Я впервые увидел на лице старого, бывалого волгаря такую теплую улыбку.

ОЗЕЛЕНЕНИЕ ОТКОСА ПРОТИВ ДОМА

Напротив нашего дома и огорода — высокая и крутая гора. На ней никогда ничего не росло, кроме полыни. Высота горы почти 50 метров, в середине ее — обрывы высотой более 7 метров. Грунт ее в основном состоит из песка и глины. Можно было ожидать оползней и, в дальнейшем, разрушения улицы. Гору я огородил частой рейкой и посадил деревья (20 кустов сирени, 20 вязов, 3 клена, березу, липу — всего 45 деревьев): в первом ряду, к улице, 12 кустов сирени, 2 вяза, березу; во втором — 6 вязов, 4 куста сирени, 3 клена, липу; в третьем — 4 куста сирени, 3 вяза; в четвертом, ниже обрыва, для предохранения от оползней — на близком расстоянии друг от друга 9 сильных вязов. Чтобы все деревья отродились и хорошо развились,

каждое дерево от солнечных ожогов с юго-запада я огородил частоколом из коротких досок и на месте посадки каждого дерева сделал ровную площадку с небольшим углублением. Такая посадка на склоне крутой горы сохраняла влагу и не давала земле сползать.

Каждую весну приходилось проверять посадки и их защиту, а в сухое время — поливать. Работа была трудная, кропотливая. Надо было передвигаться по крутой горе с обрывами.

Мне повезло. Все деревья отродились, развились и выглядели красавцами. Это радовало меня и других.

На краю улицы, по горе, от частых дождей образовался обвал в виде большой ямы, что грозило разрушением и без того узкой улице. Рядом с ямой, на расстоянии 7 метров, были заросли, и соседи сваливали в них ненужные предметы. Обвал со стороны улицы я засыпал землей, привезенной на двух самосвалах, заросли уничтожил. И на этой площадке с тех пор стала расти хорошая трава для скота.

ДОРОЖКА ПО БЕРЕГУ УЗОЛЫ И ВОЛГИ

Это не совсем дорожка, а скорее широкая тропа. Когда-то по ней ездили на лошадях к переправе через Волгу, но потом дорогу к переправе проложили через луга, далеко от обеих рек. Пройтись по этой дорожке — одно удовольствие.

Следуя в Балахну или обратно, в весенне-летние дни предпочитаешь идти только по этой дорожке, где почти никто не ходит. По обеим сторонам стоит стеной могучий тальник, образуя сверху своими сплетенными сучьями как бы шатровую крышу. И в самое жаркое летнее время солнечные лучи не проникают вниз через эту крону. Путник тут всегда чувствует прохладу. А рядом — чистая вода красавиц рек Узолы и Волги. Вокруг ковер зеленой растительности. Идешь без усталости по этой красивой тропинке и радуешься прекрасной природе.

У ДЕРЕВНИ МАРКОВО

В деревне Марково всего три дома. Мы с ребятами иногда прогуливались до этой деревни. Местность пленила нас своей красотой. Здесь протекала чистая, быстрая, неглубокая речка

Марковская. На крутом склоне левого берега ее, с двумя оврагами, росли отдельные ели и сосны да пирамидальный можжевельник. Отсюда открывался величественный вид на зеленые луга, поля, деревни. Правый берег реки был пологий. На нем буйно росла целая роща из сосен и елей, в которой мы всегда собирали грибы.

О РЕКЕ УЗОЛЕ

Мои детские и юношеские годы прошли на берегах Узолы. Река, местами с сильным течением, текла среди лугов. Берега ее, будто зеленым щитом, закрывали заросли тальника высотой до 2 метров. При впадении в Волгу левый берег ее крутой, обрывистый. В нем устраивали гнезда стрижи. Идешь по этому берегу или плывешь в лодке по реке и видишь, как у берега выются тучи стрижей, оглашая воздух пронзительными радостными криками, славя жизнь и благодатную природу. В майские вечера слышны были соловьиные трели. Плывешь по Узолу в лодке ранним утром, и песни соловьев берут твою душу в полон, хочется остановиться и слушать их.

При выходе Узолы к Волге и дно реки, и ее берега из чистого песка. Это лучшее место для купания.

Узола первой открывала весну, то есть начинала «играть». Вода быстро прибывала, течение усиливалось, река бурлила, ломала лед и с каким-то остервенением несла его в Волгу. Наполняясь водой, она тогда как бы подпирала Узолу, которая делалась спокойнее, течение ее замедлялось. А волжская вода становилась все сильнее. И вот наступал момент, когда Узола начинала течь обратно, неся свою и волжскую воду по затопленным лугам в Никольское озеро.

НА ЛОДКЕ В НИЖНИЙ НОВГОРОД

В мае 1922 года отец сообщил: «Нам предстоит преодолеть долгий и трудный путь на лодке до Нижнего, чтобы закупить пробивки для лодки и несколько ступьев».

Известие это мы с братом приняли с радостью: наконец-то мы прокатимся вниз по Волге до большого города. Расстояние в 40 километров нас не пугало.

Отец на корме правил кормовым веслом, а мы с братом сели на весла. Выгребли из Лисьего озера через устье Узолы на простор Волги. Течение быстрое, веслами грести легко. Отправились в путь с вечера, засветло, чтобы рано утром быть в городе.

Стоял теплый ясный вечер. Солнце уже опускалось к горизонту, освещая теплыми лучами поверхность реки и прибрежные кусты тальника. Кругом тишина, ни листочек не шелохнется. Настроение у всех отличное. Все нас интересовало — ведь мы впервые в жизни плыли вниз по Волге. Несет нас Волга-матушка по течению мимо лесов, селений и проходящих судов. Наступила ночь. В огнях проплывают мимо нас пассажирские пароходы, плывут мимо плоты с верховьев Волги. У небольшого костра на плоту дежурит сплавщик в красной рубахе, склонив седую голову на грудь. А вот движется другой плот, у костра сидят двое: молодой парень в ситцевой рубахе наигрывает что-то на балалайке и тихонько напевает, второй поправляет подвешенный над костром чайник, готовясь к ужину. Сразу вспомнили и мы, что еще не ели. Ужин, состоящий из воблы и хлеба, запили волжской водой.

Мелькают зажженные красные и белые бакены, а на берегу пылает костер рыбака. Вот рыбак склонился над котелком, наверное, варит уху. Мы с братом все тише гребем веслами и незаметно для себя начинаем дремать...

Наконец рассвело, поднялось солнце, осветило нас, озябших, и зеркальную поверхность воды теплыми лучами. А вскоре мы прибыли в город. Лодку причалили на нижней набережной. Отец приказал нам дожидаться его в лодке и отправился в город.

Нижний Новгород очаровал нас своей красотой. Очень понравился древний кремль. У пристаней на набережной и стрелке между Окой и Волгой стояло много пароходов и барж. По Волге и Оке сновали небольшие пароходики-финляндчики. Слышались непрерывные свистки, шум воды, разговоры и крики пассажиров, беготня грузчиков с грузами у пристаней. Мы не отводили глаз от красавцев белых пассажирских пароходов, стоявших у пристаней. Одни из них приставали, другие отправлялись в рейс, подавая прощальные свистки, радостные и горестные возгласы людей не затихали. Все это было интересно нам, и мы смотрели на происходящее с большим любопытством.

Наконец вернулся отец, позвал нас, и мы отправились на так

называемый балчуг, на котором было очень много продавцов и покупателей и все можно было купить.

Отец купил шесть венских стульев (дома у нас был только один старый стул), около двух пудов смоляной пакли для пробивки лодки. Все это мы принесли и погрузили в лодку. Отец купил еще воблы и хлеба, мы с жадностью поели и отчалили от набережной. Мы с братом опять сели на весла, отец — править на корму, и так отправились домой вверх по Волге. Теперь нам предстояло на веслах двигаться против течения, а это было очень тяжело. Сначала направились мы к Сибирским пристаням, где стояло под разгрузкой много барж. Отец с уверенностью сказал: «Прицепимся к барже, идущей на буксире вверх по Волге, и легко доберемся до места». Подъехав ближе, мы и в самом деле увидели буксирный пароход, тащивший за собой большую баржу. Отец радостно воскликнул: «Вот теперь, ребятки, можно отдыхать, пароход идет вверх, и мы сейчас же причалим к барже!»

Но как только наша лодка прицепилась к барже, мы услышали голос водолива: «Баржа вверх не пойдет, будет разгружаться здесь, ловите другие баржи!» Однако других барж не было видно, и наше радостное настроение пропало. Теперь нам предстояло плыть на веслах и тащить лодку по берегу бечевой против течения вверх по Волге целых 40 километров.

Тогда мы перевалили на веслах на левую, луговую сторону реки, где течение было несколько медленнее. Сначала шли на веслах, а местами, где берег был ровный, без кустов, мы с братом высаживались на берег и тащили лодку бечевой, шагая босиком по краю берега, по кромке воды, как бурлаки с картины Репина. К полуночи добрались до Шабашкина переката, и вдруг с берега нас окликнул повелительный голос: «Приставайте сейчас же к берегу!»

Отец сразу догадался, что это грабители. «Ребятки, — сказал он, — дружнее работайте веслами, быстрее гребите, чтобы выехать на середину реки, иначе нас ограбят». Мы с братом налегли на весла и быстро отъехали от берега на середину Волги. Погони на лодке за нами не было. Уставшие, не спавшие две ночи, мы наконец въехали в Узолу, а потом в Лисье озеро и пристали к своему берегу около 3 часов утра. Бросив весла, мы с братом тут же убежали домой и, не заходя в избу, повалились спать на сеннице. Отец нас за это не ругал.

ВОЛЖСКИЕ ВОЛНЫ

На правом берегу Волги, на окраине Балахны, стоит небольшой домик, в котором живет и работает бакенщик Лева. Еще продолжается весенний паводок, а он уже с утра до вечера готовит бакены к навигации, красит их в красный и белый цвет, ремонтирует лодки, наводит порядок в домике. Есть у него здесь печь-подтопок с плитой, небольшой стол, два табурета, лавка, деревянная кровать с соломенным матрацем, стареньким заплатанным одеялом, подушкой и необходимая посуда: чайник, кастрюли, ложки, нож, чашки и прочее.

Прибыл Лева откуда-то с верховьев Волги, и никто не знает его фамилии, а просто все зовут его по имени. Лева среднего роста, лет сорока пяти, с добродушным взглядом голубых глаз, с пышными русыми усами. Особую доброту его облику придают тихий, спокойный голос и постоянная улыбка. Носит Лева обычно поношенную короткую тужурку, широкие серые брюки, заправленные в кожаные сапоги, и коричневый картуз с козырьком, который наглухо прикрывает его густые русые волосы.

В своем доме Лева в летнее время не живет, он редко навещает семью и предпочитает находиться круглые сутки в домике на берегу.

В одну из июньских ночей я с поезда пришел к Лева, чтобы попросить о переправе на другой берег Волги.

Подойдя ближе к домику и увидев в окне яркую полосу света от керосиновой лампы, я был уверен, что хозяин дома, пьет чай, сидя у окна на лавочке. Открыв незапертую дверь, я и в самом деле увидел Леву в одной ситцевой рубашке с расстегнутым воротом сидящим у окна с чашкой чая. Стоящий на столе чайник выпускал пар.

— Здравствуй, Лева, — с улыбкой проговорил я, подойдя поближе к столу. — Чай да сахар. Как бы мне перебраться на другой берег? Может, перевезешь? Я заплачу.

Лева повернул ко мне голову с покрасневшимся от чая лицом и, поставив чашку на стол, откинул прядь русских волос со лба.

— А ты, Иваныч, не спеши, отдохни, — посмеиваясь, спокойно ответил он, — покури. Ближе к рассвету и перевезу. Подсаживайся-ка лучше ко мне на лавочку да выпей со мной за компанию цейлонского чайку с сахарком.

Лева поднялся из-за стола, взял чашку и налил в нее густого душистого чая. Я сел на лавочку и не без удовольствия выпил чаю, а затем пересел на табурет поближе к двери. Посмотрев в раскрасневшееся лицо Левы, весело произнес:

— Спасибо, Лева, за хороший, вкусный чай. Что ж ты так и живешь один все время здесь, на Волге, в этом домике, а как же семья? У них бываешь?

Внимательно выслушав меня, Лева, слегка наклонив голову и улыбаясь в пышные белокурые усы, с не свойственным ему жаром ответил:

— Не могу без Волги даже часа, не то что дня! Только здесь чувствую себя счастливым, свободным, ни от кого не зависимым! Даже во время обеда или отдыха сажусь возле окна. Все гляжу на просторы моей красавицы, провожаю взглядом идущие пароходы, а на рассвете, как еду тушить бакены, прямо петь хочется от окружающей красоты, от встречи с первыми солнечными лучами, когда вся поверхность воды светится тысячами огоньков. Иногда взгрустнется, на сердце камень, а согласишься на нее, матушку, и вся тяжесть улетучивается, словно быстрые волны унесут ее.

Несколько минут подумав, закинув волосы на затылок, тихим голосом продолжал:

— А еще я перевожу людей через Волгу рано утром и в ночное время, когда основной перевоз не работает. Только ты не подумай, что из-за денег, из-за наживы. Нет, для меня главное — услужить людям, сделать доброе дело для них. — Лева, повернув голову в мою сторону, по-прежнему держа в руке блюдечко с горячим чаем, спросил лукаво: — Еще что тебе рассказать, Иваныч?

— Когда же ты спишь и отдыхаешь, ведь ты и днем и ночью на ногах? — не удержался я от вопроса.

Подув на блюдечко с чаем и сделав глотка три, Лева искренне ответил:

— А я сплю как бы на ходу, какой уж сон в летнее время — ночи короткие, заря с зарею сходится, кругом красота, разве до сна? Отосплюсь зимой, дома, возле жены!

Я всегда любил душевно побеседовать с Левой, послушать его простые рассказы, связанные с Волгой. Вот и сейчас, придвинувшись к нему поближе, я попросил:

— Расскажи, пожалуйста, о каких-нибудь случаях на Волге.

Лева поднялся из-за стола, посмотрел в окно, задумался на минутку, лицо его стало опечаленным, и он с грустью поведал мне трагическую историю.

— Утром, в один из июньских дней, я, будто почуввав что, вышел из домика в одной рубашке, без картуза и внимательно стал всматриваться в просторы реки. От другого берега в это время отчаливала перевозная лодка. Дул очень сильный восточный ветер, и от середины реки ближе к берегу, на котором я находился, с шумом и ревом накатывались большие волны-беляки. Мной овладело предчувствие надвигающейся опасности, и я с невольным волнением продолжал наблюдать за лодкой. Вот она прошла фарватер реки и стала входить в бушующие волны, которые чем ближе к берегу, тем больше возрастали. Я думал о том, что если лодка будет двигаться по волнам, то сможет благополучно пристать к берегу, только дальше обычного места. Но меня беспокоило другое: как бы перевозчик не повернул лодку против волн — тогда случится беда. Неопытный перевозчик так и поступил. Он быстро повернул лодку налево, против волн — мое беспокойство было не напрасным. Я замахал руками, во весь голос закричал: «Что делаешь, недотепа, поверни лодку по волнам, пока не поздно!» Ведь на моих глазах произойдет гибель людей. Но слов моих перевозчик не слышал из-за шума ветра и волн. Первая волна мощно ударила в борт лодки, и она стала наполняться водой. Вторая волна с большим белым гребнем залила лодку полностью, и она вся сразу погрузилась в воду. Часть людей волны отбросили от лодки, при этом трое из них, не умеющие плавать, утонули. Остальным удавалось крепко держаться за борта лодки. Я, ни минуты не медля, быстро отчалил свою лодку и бросился спасать гибнущих людей. Мне удалось одного за другим вытащить из воды нескольких окоченевших людей, некоторых из них я направил к себе домой. Среди тонувших была и одна пожилая женщина. Волны отбросили ее далеко от лодки. Плавала она хорошо и держаться на воде могла долго, но рядом с ней оказалась молодая женщина, которая не умела плавать, и, спасаясь, как могла, она схватила рукой конец большого платка пожилой женщины. Чтобы не потонуть обеим, хорошо плавающая женщина одной рукой развязала свой платок, и с ним несчастная молодая женщина ушла под воду...

Еще один случай на Волге тоже был связан с большой

опасностью. Как-то в сентябре, часа в четыре, я выехал на лодке на другой берег Волги за пассажирами. Был понедельник, и многие спешили в город на работу. Было тихо и темно, только огни моих бакенов светились. Лодку я взял поменьше, надеясь, что людей будет немного. Но я ошибся. Прибыв к месту и осмотрев всех пассажиров, я, откровенно говоря, растерялся. Так много было ожидающих перевоза. Я объявил, что перевезти всех сразу не смогу, что лодка небольшая и другую группу пассажиров отвезу во второй рейс. Пассажиры стали меня упрашивать — всем надо было успеть вовремя на работу, они говорили, что надеются на меня как на опытного волгаря. Тогда я велел садиться всем в лодку и вести себя спокойно. Большинство пассажиров стояли, уцепившись руками друг за друга. Запас у бортов лодки был мал, и при набегании даже малой волны от идущего парохода или баржи всем грозила гибель. Отчалили лодку, в весла я сел сам. Всех еще раз предупредил, чтобы стояли не шевелясь, как по команде «смирно». Подъехав к большому бакену и убедившись, что проходящих судов нет, благополучно довел лодку до берега... Вот, кажется, все тебе и рассказал. — Лева еще раз задумчиво посмотрел в окно, потом встал из-за стола и начал одеваться, приговаривая: — За Волгой вон уж занялась заря, рассвет надвигается. Поехали, Иваныч, я сначала тебя перевезу, а потом уж буду снимать с бакенов зажженные фонари.

Лева, как обычно, сел в весла, я на корму, и наша лодка двинулась к другому берегу.

Было тихо. Лева приподнялся, радостно посмотрел вокруг и восторженно сказал:

— Как все хорошо, как красиво! Где еще найдешь такую красоту? Нигде.

Он высадил меня на берег и, попрощавшись со мной, направился к своим бакенам. А я стоял на берегу и все смотрел на удаляющуюся лодку и настоящего волгаря, сидящего в ней.

Лева уже снял фонари с бакенов, подъехал к берегу, привязал лодку, взял фонари и скрылся в своем домике. А я все стоял. Заря уже занялась по всему небосклону, и через минуту первые радостные солнечные лучи осветили поверхность реки, искрясь разноцветными огоньками. И это величие любимой реки очаровало меня, вселило бодрость, придало сил и восторга перед красотой наступающего нового дня.

ЦЫГАНЕ

В один из летних дней прибыл цыганский табор из десяти повозок и расположился на ночлег на большой луговой поляне за Узолой, напротив деревни Сельцо. Мы с товарищами пришли на место их стоянки в вечернее время. Солнце почти скрылось за дубовым лесом, наступала ночная прохлада. В таборе радость, веселье, слышатся смех, песни. Только самые пожилые цыгане готовили ужин, но и они в такт веселой музыке временами подергивали плечами и хлопали в ладоши. Все это было похоже на красивое театральное представление. Вот старик цыган мастерски играет на гитаре, а две молодые цыганки в разноцветных ярких одеждах поют самозабвенно веселую цыганскую песню. Молодой цыган с черными усами и кудрявой головой, в блестящих сапожках отплясывает веселый танец, а группа цыган, хлопая в ладоши в такт пляски, подхватывает начатую им песню. Все кругом пело, смеялось, играло, плясало. Лишь невдалеке от табора выпряженные лошади деловито щипали сочную траву.

Наступила ночь. Из-за небольшой тучки выплыла луна, осветив ласкающим светом луговую равнину, а веселье у цыган все продолжалось.

На другой день мы с товарищами снова пошли в табор, но... луговина оказалась пуста. Как-то грустно сделалось у нас на душе, будто что-то хорошее и приятное ушло от нас вместе с табором, от которого остались только отгоревшие костры да мусор.

ОЗЕРНЫЕ ЦВЕТЫ

Лучшими цветами, наверное, являются озерные кубышки и лилии, произрастающие в чистых, светлых водах озер в лугах. Как хороши они в зеркальных водах — желтые, белые, оранжевые!.. Достать их нелегко, к ним надо плыть, так как растут они над глубокими местами. Мне приходилось до них добираться, но рвать было всегда жалко — нарушалась, портилась красота озера.

Помню трагический случай. Молодой военный со своей девушкой приехали на луговые просторы Заволжья. Около одного глубокого озера они остановились. Девушка восхищалась плавающими на озере кубышками и попросила своего кавалера

достать их. Повинуясь ее желанию, он разделся, зашел в воду и потянулся за цветком. Плавать молодой человек не умел и на глубоком месте ушел под воду, оставив пузырьки на поверхности глубокого, светлого, красивого озера с кубышками...

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Давным-давно на склоне против окон дома посадили небольшую березку. Деревце росло, росло и постепенно превратилось в развесистую красивую большую березу, единственную на всей улице села. Она радовала людей, на лавочке около нее любили отдыхать и молодые и пожилые, прислушиваясь к ее тихому шелесту. Весной береза была особенно хороша. На ней распукались первые зеленые листочки, вся она трепетала, молодеда, принаряжалась, как невеста, пела и говорила «березовым веселым языком». Могучая Волга в это время разливалась и, затопляя луга, вплотную подходила к подножию горы, на которой стояла береза. Она как будто приветствовала красоту весеннего разлива, а легкий ветерок набегал с водных просторов Волги и, лаская листочки березы, пел тихую, душевную песню. Когда же сильный порывистый ветер старался сломать, вырвать с корнем ничем не защищенную березу, она начинала глухо шуметь, сопротивляясь напору ветра и низко кланяясь всеми ветками.

Со временем земля около березы осыпалась, корни ее обнажились, но она стояла крепко, как символ жизненной силы и красоты русской природы. Береза выдерживала любой напор ветра, сильную жару. Однако ей, видимо, недоставало влаги. Она стала постепенно сохнуть, листочки ее желтели и тихо падали на землю. От набегавшего южного ветерка береза печально шелестела поникшими листочками. Наконец, ствол березы почти высох и от ветра переломился.

Через некоторое время в память о погибшей березе я посадил на ее месте новую, принесенную из лугов. За березкой-подростком, высаженной на склоне песчаной высокой горы, я старательно ухаживал, ежедневно поливал ее, сделал круговую изгородь высотой полтора метра. Прошло несколько лет. Береза выросла, стала высоким, стройным деревом и радуется людям своей непреходящей красотой.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

В Балахнинской школе учителем черчения и ручного труда был Анатолий Михайлович, хороший, приветливый и внимательный человек. Помню, под его руководством я сделал себе дубовые лыжи. Ко мне он относился очень хорошо, и я его уважал как доброго человека и опытного мастера. Однажды он обратился ко мне: «Вот что, Костя, не сможешь ли мне старую печь в нижнем этаже дома для будущей квартиры разобрать? Я за работу тебе заплачу». Я согласился даже и без оплаты с удовольствием ему помочь. И вот я приступил к работе, начал разбирать печь по кирпичику. Анатолий Михайлович понимал, что я работаю голодный, денег у меня не было, да и есть было нечего. Через несколько часов работы он подошел ко мне и подружески сказал: «Костя, пойдем со мной на второй этаж, поедим и чайку попьем». Я знал, что там жили учителя, которые меня учили, и решительно ответил: «Ни за что не пойду. Вы сами, Анатолий Михайлович, понимаете: ведь там мои учителя. К тому же я в рабочей одежде, да и есть не хочу». Через несколько минут он снова открыл дверь и позвал меня к себе, будто для того, чтобы объяснить что-то по работе. Я вошел в коридор. Ничего не говоря, Анатолий Михайлович быстро захлопнул дверь, запер ее и буквально силой потащил меня с собой наверх. Я вместе с ним вошел в комнату. За столом сидели учителя. На столе я увидел белые булочки, конфеты, пирожки, варенье, кипел самовар. Меня посадили за стол, я сидел смущенный, растерянный. Мне задавали вопросы, я отвечал на них невпопад. Ко второму стакану чая я так и не притронулся, несмотря на просьбы и уговоры хозяев. Наконец я встал, чтобы уйти. Анатолий Михайлович понял мое состояние, махнул мне рукой, и мы вышли. Я опять оказался среди моих кирпичиков и стал быстро работать. Через полчаса Анатолий Михайлович снова зашел ко мне и, улыбаясь, сказал: «Костя, вот тебе деньги, купи мне два фунта белого хлеба и фунт колбасы. Ты знаешь, где базар, сбегай поскорее».

В начале 20-х годов продуктами торговали частники. Бегом пустился я на базар. Обрато тоже побежал было, но дразнящий запах колбасы и хлеба не давал мне покоя, и я пошел шагом. Через 100—150 метров я остановился и с голодной жадностью посмотрел на хлеб и колбасу. Раньше я колбасы никогда не ел.

Мелькнула мысль, не съесть ли довески хлеба и колбасы, ведь Анатолий Михайлович об этом не узнает, а есть так хочется! Но тут же я подумал, что, если мне доверяет хороший, добрый человек, я не должен так поступать, и эти довески положил обратно. Все отдал Анатолию Михайловичу, ожидавшему меня у дома, а он с улыбкой проговорил: «Быстро ты сбегал, молодец, а что купил — забирай себе и ешь на здоровье». Сказал и ушел. После этого я с жадностью стал есть. Кажется, я первый раз в жизни наелся досыта хлеба и колбасы. От сытости мне стало необыкновенно хорошо и приятно. Еще несколько минут посидел на лавочке и после отдыха с новыми силами начал усиленно работать.

За три дня я выполнил всю работу, разобрал печь, каждый кирпичик очистил от глины, сложил все кирпичи в ряд, убрал из помещения весь мусор. Анатолий Михайлович похвалил меня за работу и дал мне 9 рублей. Денег я не хотел брать, да еще так много, но Анатолий Михайлович положил их прямо мне в карман и ушел к себе наверх. Много лет прошло с тех пор, но надолго запомнился мне и этот случай, и учитель Анатолий Михайлович...

О комсомоле Николо-Погоста 20-х годов

В конце 1919 года в селе была создана первая ячейка РКСМ. В нее входило шесть человек. Руководство осуществлялось из Балахны, а с 1922 года — из Городца. В 1924 году я был принят в комсомол. К этому времени нас стало 12 человек. Мы в основном занимались культурно-просветительской работой. По вечерам при свете керосиновой лампы дежурили в читальном зале, наводили порядок, дежурили в народоме во время представлений. Участвовали мы и в художественной самодеятельности, занимались в физкультурном кружке, в агитационном коллективе «Синяя блуза». Вели работу в общественных организациях: проводили беседы в школах, были членами общества «Долой неграмотность», помогали в ликвидации неграмотности среди населения, работали в обществе «Международная помощь борцам революции» (МОПР), собирали денежные средства в помощь обществу Осовиахим, были подшефными Военно-Морского Флота — служить на флот отправлялись в первую очередь

комсомольцы, участвовали в комсомольских собраниях, ежемесячно выпускали стенгазеты.

Мы были по-настоящему увлечены общественной работой, осознавали ее как свой долг перед народом и были убеждены в необходимости и пользе наших дел.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ СЕЛА В 20-Е ГОДЫ

Первым организатором художественной самодеятельности в Николо-Погосте был Евгений Васильевич Золотарев. Постановки под его руководством проходили в бывшей барской конюшне (1918 г.). Через несколько месяцев начались любительские спектакли в бывшем барском доме. Руководил постановками по-прежнему Е. В. Золотарев, в них принимал участие П. М. Селезнев — заведующий Балахнинским отделом народного образования. На сцене выступали и учащиеся двухклассного училища под руководством К. А. Вязовской.

Жители Николо-Погоста и окружающих его деревень с удовольствием смотрели спектакли самодеятельных артистов. Зал всегда был переполнен. Вход на платные спектакли стоил 10 копеек.

В 1922—1923 годах все здание бывшего барского дома было переделано, в нем устроили зрительный зал с большой сценой. Народному дому присвоили имя Павла Ивановича Чиркова.

В народоме выступали местные любители, участники самодеятельности из Балахны, приезжие артисты. Изба-читальня, библиотека, зал заседаний находились в другом здании (бывших барских постройках). С 1927 года это здание соединялось глухим коридором с народомом.

В 1924—1929 годах народомом и избой-читальней заведовала А. Шадрина. В самодеятельности активно участвовали В. Казанцев, И. Н. Левкович, А. Н. Левкович, С. Н. Чернавин, Л. Я. Павлычев, А. Н. Павлычева, М. Казанцева, братья Копыловы, Н. Д. Богданов, А. А. Чернавина-Богданова, В. Бурмистров и другие. Реконструкция народома осуществлена под руководством секретаря партячейки Н. Ф. Лобова.

О ТАНЦАХ

После каждого спектакля проводились танцевальные вечера под гармошку. Танцевали до 3—4 часов утра. Танцы всегда были платными. Они проходили в зрительном зале нардома организовано и культурно. Никакого хулиганства, скандалов, драк, нетактичного поведения не было. Хорошо играли на гармошке А. Буянов, Снопатин и постоянно Л. Я. Павлычев. Под Новый год проводились маскарады и устраивались елки. Во время святок организовывали представления-маскарады, хорошо оформленные и подготовленные, бесплатные. Вся молодежь интересно проводила досуг, веселилась.

«Синяя блуза»

В 1927—1929 годах большим успехом пользовалась «Синяя блуза» — театральный коллектив из десяти человек. Его руководителем был учитель школы Ястребцев. Выступления «Синей блузы» проходили всегда успешно. Программа состояла из агитационного материала, декламации, песен под гармошку. Материал для выступления на злобу дня «артисты» обычно составляли сами, иногда, правда, пользовались для этого журналом «Синяя блуза». На выступления исполнители надевали рубашки и блузки синего цвета, приобретенные на свои средства. Я тоже был участником этого коллектива.

О МУЗЫКЕ

Музыку, песни я полюбил с раннего возраста, а из музыкальных инструментов предпочтение отдавал гармошке и гитаре. О гитаре всегда мечтал, она мне даже снилась. У некоторых жителей села были гитары, и я их игру мог слушать часами. Однако в продаже гитар не было, а если бы они и были, я бы не смог купить. Правда, в Городце у дяди в доме на стене висела гитара с оборванными струнами, но я ее так и не получил.

Но у моего товарища была гитара его брата. Я приходил к нему, и он меня учил играть на ней. Выучил я тогда несколько песен («Поздняя осень», «Светит месяц» и другие).

У трех сестер Шадриных тоже была гитара. Часто под вечер

они, сидя на крылечке, пели под гитару хорошими голосами русские народные песни. А я стоял в сторонке и с наслаждением слушал их игру и песни.

Только в 1928 году, когда я стал работать, моя мечта осуществилась. На заработанные деньги я купил в Нижнем Новгороде очень удачно, всего за 28 рублей, хорошую гитару. Любимая гитара, звонкая, с приятным звучанием, была всегда со мной до 1952 года, когда при переезде на автомашине она полностью сломалась.

Любил я также и игру на гармошке. Дедушка подарил мне старую разбитую тальянку, на которой можно было производить лишь отдельные звуки. А я мечтал о гармошке с хроматическим строем, а больше всего — о баяне. Игру на баяне я, кажется, мог бы слушать сутками. Помню, как однажды в тихую, теплую погоду, поздно вечером я сидел на горе и вдруг услышал издали переливчатые звуки баяна. Я слушал долго, и если бы игра продолжалась до утра, я бы и тогда все слушал ее.

В 20-х годах мама нам, братьям, купила гармошку с русским строем. Потом мы ее продали. Только в 1933 году на рынке в Нижнем Новгороде я наконец купил хорошую хроматическую гармошку, которая со мною до сих пор. Будучи уже взрослыми, в 1930 году, мы на улице села организовали ансамбль: на маленькой гармошке играл П. Богданов, на балалайке — К. Рекин, на гитаре — я. Все получилось очень хорошо, слушали нас с удовольствием.

О КНИГАХ

Я мечтал собрать хотя бы маленькую библиотеку художественной литературы. От дедушки привез старый ободранный шкаф, поставил его в сенях и приспособил под книги. У меня уже были «Отверженные» В. Гюго, стихи А. В. Кольцова, И. С. Никитина, книги М. Горького, Мамина-Сибиряка. Я старался постоянно пополнять свою библиотеку. Так, в 1927 году в Нижнем купил сочинения А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, с которыми никогда не расставался. Потом у меня появились книги Маяковского, Безыменского, Жарова, Шолохова, Фурманова, Чехова и другие. В 1928—1930 годах я выписывал ленинградский журнал «Резец», он мне очень нравился.

НА СЕНОКОСЕ

Июль — пора сенокосная. Травы стоят высокие, сочные, в глазах пестрит от цветов. Солнце с утра до вечера посылает на землю свои теплые лучи, вся природа как бы дремлет в сладком счастливом сне. Сенокосом на два пая руководит Иван Дмитриевич, старик за 70 лет, юркий, сухой, небольшого роста, с небольшой седой бородой. Чем-то он напоминает дедушку А. М. Горького. Почти бегом, быстро отдает приказания. Широкополая коричневая шляпа на голове делает его похожим на большой гриб.

Косцом был нанят некий Семен, прибывший из Ковернинских лесов, неразговорчивый, с огромной рыжей бородой, небольшого роста, обутый в лапти, одетый в широкие шаровары и длинную домотканую рубаху. Привыкший к лесным прохладным местам, он очень тяжело переносил летнюю сенокосную жару.

После рабочего дня все расположились на ночлег в шалаше, сделанном из дубцов и сена.

Утром, только взошло солнышко, мы пробудились от крика Ивана Дмитриевича: «Хватит спать, пора косить, вон соседи давно косят, а вы дрыхнете». Все быстро вскочили. Но Семена в шалаше не оказалось. Начали поиски, обшарили все кусты, овраги, нигде его нет. Кто-то сказал: «Наверное, сбежал домой, в лес, здесь все на жару жаловался». Но его котомка и картуз лежали около шалаша, значит, надо его искать где-то рядом. Внимание привлекла копна из сложенного сена. Она то поднималась, то опускалась. Осмотрев повнимательнее копну, заметили в ней рыжую бороду Семена. Он сладко спал, грудь его высоко поднималась и опускалась, как кузнечные меха, и копна шевелилась. Подбежал Иван Дмитриевич, схватил Семена за ноги и начал его тащить, приговаривая: «Что же ты, олух, делаешь? Разве не хватило тебе места в шалаше? Надо давно косить, а ты прохлаждаешься». Семен, потягиваясь, неохотно ответил: «В вашем шалаше душно, жарко, не привык я к этому, вот на свободу и ушел».

Семен начал косить. Травы под его косой ложились ровными рядами. Вдруг он заметил, что над ним выются две какие-то птички с жалобными протяжными криками. Бросив косить, Семен стал наблюдать за ними, понял, что, наверное, поблизости

должно быть гнездо с птенцами, и начал искать его в траве. Подбежал Иван Дмитриевич с криком: «Что ты, шалопай, не косишь, вчерашний день, что ли, в траве ищешь?» Семен объяснил: «Вот нашел гнездышко с пятью желтенькими птенцами, нельзя их губить, ведь птички пользу и радость приносят человеку». С одобрения Ивана Дмитриевича он перенес гнездышко с птенцами поближе к кустам, и птички, следуя за ним, с веселым криком опустились к своим детенышам.

На противоположном крутом берегу реки тучами летают сотни стрижей. Они выют гнезда в яру берега, глубиной до метра. Иван Дмитриевич вдруг обратил внимание на необычно тревожный крик птиц. «Что-то неладно у стрижей, что-то нехорошо кричат». И верно, вон два подростка шарят руками в земляных гнездах-норах. Старик бегом бросился к реке и во весь голос закричал: «Что вы, неучи, птиц зорите! Не понимаете, что ли, сколько труда они положили, делая гнезда! Сейчас же марш отсюда, разбойники!» Подростки убежали.

В течение всего дня погода стояла чудесная, солнечная, без ветерка, без единой тучки на голубом небе. Было так тихо, что листочки на деревьях не шевелились. Только на берегу реки сотни стрижей с радостным щебетанием носились около своих гнезд.

Скошенные травы были высушены и собраны в копны. Перед метанием стога под него нужно положить остожье из срубленного тальника. Один из работников с топором побежал к реке рубить тальник. По берегу рос густой краснотал, украшая склоны сплошным зеленым ковром. Иван Дмитриевич быстро подбежал к парню, выхватил у него топор и гневно заговорил: «Разве можно рубить тальник по берегу реки, да еще краснотал? Ты понимаешь, что делаешь?! Иди вон в ту низину, там большие заросли — и вреда не принесешь!» Дело в том, что если не станет прибрежного кустарника, в весеннее половодье луга будет заносить песком, а река быстро обмелеет. Поэтому вырубать краснотал, растущий вдоль берега реки, ни в коем случае нельзя.

Парень смутился и пошел к указанному месту.

ДВЕ ПЕСНИ

Солнечный весенний день. На небе ни облачка, только слышно где-то в кустах восторженное пение соловьев. Все луга затоплены водой от разлившейся Волги, и видны лишь отдельные кусты тальника и одинокие деревья. Я сижу на лодке около куста тальника и любуюсь красотой весеннего разлива и хорошим солнечным днем. Недалеко от меня, за густым кустом, что-то зашевелилось, и оттуда вдруг полилась веселая русская песня. Невидимый бас выводил: «Бывали дни веселые...» Через несколько минут из-за тальника показался ботник, и в нем сидел седой как лунь певец, без фуражки, с длинной седой бородой. Старик не замечал меня, двигался дальше, продолжая петь, и настолько был увлечен своим пением, что ничего вокруг не видел. И, наконец, самой веселой, задорной песней «Ах вы сени, мои сени» закончил свой «концерт». Весенняя природа благотворно действует на душу каждого человека — даже седобородые запевают.

...Сильный, порывистый южный ветер гонит разрозненные весенние тучи в северные края. Многоводная Волга разлилась на несколько километров, затопив прибрежные луга. От сильного ветра на реке настоящая буря. Огромные волны-беляки с яростью несутся друг за другом, шумят, ревут, кидаются на берег, грозят все затопить, перевернуть на своем пути. Только чайки с пронзительными криками носятся над ревущими волнами, выражая восторг и радость от разбушевавшейся стихии.

С высокой горы села я смотрю на просторы Волги и вдруг замечаю: среди волн ныряет какая-то черная точка. То появится на гребне волн, то пропадает среди них. Эта точка постепенно приближалась к берегу и, наконец, превратилась в ботник, в котором сидел человек, управляющий одним кормовым веслом. Покачиваясь на волнах, он пел какую-то веселую песню. Слов ее невозможно было разобрать. Но по мере приближения ботника слова песни стали прорезаться: «Волга, Волга, мать родная...» Кажалось, пловцу не было никакого дела до опасности, которая подстерегала его, хотя ботник кидало как щепку по гребням волн, а он следил за правильным направлением своего суденышка и пел удалую песню. Может быть, она и придавала ему уверенность и бодрость духа в плавании. Наконец ботник ткнулся в берег, и из него вышел весь мокрый веселый парень лет двадцати, с добродушной улыбкой на лице...

«ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ КОСЯКИ МЕНЯЕТ...»

Так говорили о жителе Николо-Погоста Василии Павловиче Краеве. Свой дом он буквально каждодневно переделывал и в этом видел большое удовольствие. Работал в основном в летнее время, да так, чтобы его никто не застал днем. Материалов новых Василию Павловичу, как правило, не требовалось. Материал был один и тот же — из старого мастерил новое. Так, сделает вход на второй этаж через лестницу прямо с улицы, или забьет окна с улицы, или какой пристрой добавит. А через некоторое время разломает все это и начнет делать по-другому.

Вспоминается случай: молодой парень, сосед, с которым дружил Василий Павлович, ночевал у него в комнате на верхнем этаже, где было три окна, выходящих на улицу, и вход был по лестнице через первый этаж. Утром проснулся парень, в комнате темнота, и только где-то слышен стук молотка. Парень решил, что рано проснулся, еще не рассвело, но спать больше не хотелось. Посмотрел в маленькую щель и убедился, что солнце стоит высоко, а пока он спал, Василий Павлович забил все окна...

ТОПОЛЬ

В деревне Василий Иванович Чижев проживал постоянно со дня рождения. Работал слесарем высшего разряда на заводе за Волгой. Во время Великой Отечественной войны, как специалист, был оставлен в тылу по брони. В соседях с ним жила старушка, тетка Анна, у которой было два сына. Старшего, Михаила, призвали на войну, но он вскоре погиб. Любил он землю, хозяйство, огород обнес забором, высаживал деревья. Перед войной в конце огорода, на низком месте, посадил тополь, который быстро разросся. Второй сын у Анны до войны жил в Сибири и там всю войну пробыл.

После войны в деревню приехал друг детства Василия Ивановича, Александр Матвеевич Лосев. Друзья тепло встретились и решили половить рыбки на удочку в большом озере около Волги. Подошли к реке и остановились у большого развесистого красивого тополя. Лосев обошел дерево кругом и, подняв голову, проговорил: «Какой красавец вымахал. Давай-ка, Вася, посидим у этого гиганта, покурим да побеседуем».

Василий Иванович на минуту задумался и, посмотрев на тополь, сказал: «Тополь вроде ничего не значащее дерево, но с ним порой связана человеческая судьба. Вот об этом я сейчас и расскажу тебе...

Я все время жил в деревне и работал на производстве слесарем. Во время войны, как высокому специалисту, мне дали бронь, и всю войну я проработал. Да ты, друг, знаешь обо мне все. По соседству со мной жила старушка. У нее было два сына...

Тополь, посаженный старшим сыном, вырос, разросся и стал настоящим красавцем. Мать жалела погибшего сына, часто ходила к тополю в конец огорода, любовалась им, и он напоминал ей сына. Она как бы видела своего родимого и разговаривала с ним. Так мать встречалась с любимым Мишенькой, ведь этот тополь он посадил еще до войны...

Но вот вернулся из Сибири второй ее сын. Ему не нравилось, что мать часто ходит к тополю и долго смотрит на него. Сын спрашивал ее: «Ты что, мать, у тополя так долго посидишь, на что он тебе дался?» Мать отвечала: «А как же, ведь его посадил Мишенька, я как бы встречаюсь с сыночком своим, мне делается легче, тополь меня успокаивает». На что сын однажды резко ответил: «Только о Мишеньке и думаешь, а обо мне — нет». Мать пояснила: «Ведь ты вот живой прибыл, а Мишеньки нет, погиб. Неужели не понимаешь?» — «Нечего к этому тополю ходить тебе, я его срублю — мне столб нужен», — твердо заявил сын.

И он срубил тополь. Мать была в горе, сильно плакала и только повторяла: «И как это ты замахнулся на брата, ведь он погиб за Родину и за нас с тобой, теперь нет тополя, и ничто не напомнит мне о сыне моем...»

Василий Иванович помолчал немного, посмотрел на тополь и сказал: «Тополь тоже хранит память о человеке, — и добавил грустно есенинские слова: «Уж не будут крылатой листвую надо мною звенеть тополя»».

Май 1922 года. Разлив Волги...

Мы с товарищами, вчетвером, решили ехать на лодке от Погоста в Балахну, чтобы отдохнуть там вечером в летнем саду. На закате солнца на лодке с веслами двинулись через затопленную часть луговины в Лисье озеро, потом в Узолу, пересекли Волгу и прибыли в черту города.

Стемнело. На улицах зажглись фонари. Небольшой городской сад был ярко освещен. Гуляющей публики в воскресенье много, шум, гам кругом, играет любительский духовой оркестр. На открытой площадке танцевала молодежь. В летнем помещении показывали кинофильм.

Поучаствовав во многих мероприятиях летнего сада, отдохнув, решили мы возвращаться домой. Наступила ночь, на Волге стемнело, видны только огни бакенов да проходящих мимо пароходов. В лодке, на веслах, мы двинулись через Волгу. Ветер усиливался, по небу неслись черные лохматые тучи, никакого просвета. Но настроение у нас после посещения сада по-прежнему было приподнятое.

В полной темноте пересекли Волгу, достигли Узолы. Мрачные тучи унеслись, небо прояснилось, появились звездочки и, наконец, полная сияющая луна. Стало светло. На воде обозначилась лунная серебряная дорожка. Природа словно воскресла. В прибрежных кустах запели невидимые птицы, и недалеко восторженно полилась песня соловья. Эта неожиданная величественная красота поразила нас, и мы, не сговариваясь, тоже запели. Нас несло течением волжской воды в Узолу — мы не гребли.

И мы так залихватски, от всей души пели, как никогда ранее. Пели про Волгу и ее широкое раздолье, про нашу бесшабашную, радостную юность, нам хотелось петь и петь под этим светом луны. Но вот мы приблизились к берегу, к горе, надо было уже выходить из лодки и идти по домам, но никому не хотелось вставать. Казалось, что это хорошее, прекрасное может уже никогда не повториться. Нехотя мы вышли из лодки, не торопясь поднялись в гору и разошлись по домам.

В тихую ясную погоду, вечерней порой, когда солнце заходит за горизонт и яркая, румяная заря появляется на небосклоне, окрашивая реку в красно-оранжевый цвет, наступает самая лучшая пора катания на лодках, прогулок на воде, особенно если это выходные и праздничные дни. Молодецкие песни под гармошку, под гитару и балалайку разносятся тогда над просторами, затопленными весенним волжским разливом. Это чудесное время не может не запомниться навсегда.

Июнь

Июнь — начало лета, самая красочная, теплая пора, расцвет природы. В свободное время лучшим моим занятием было общение с природой, наблюдение за ее жизнью и развитием, прогулки по берегам Волги, Узолы, по лугам, перелескам. Я как бы соединялся с природой, становился от нее неотделим. Меня все интересовало, все радовало. В эту пору луга покрывались травами, природа создавала все блага людям, все ликовало и... наступала пора купания.

Купались мы на своем озере, на Волге и Узоле. Купались, можно сказать, с утра до вечера. Но после шести вечера мы не решались купаться — были запуганы старшими: русалки могут утащить нас с собой в воду. В сильную жару купались даже в одежде, а потом ее вдвоем выжимали. На озере вода нагревалась иногда до температуры парного молока, и купаться тогда можно было часами, не выходя на берег.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Я знал его и ранее, жил он в соседней деревне. Встретился с ним в вагоне поезда, следующего из областного города в районный. Павел Савельев был студентом педагогического института и так же, как и я, ехал за Волгу, в деревню к родителям. Погода в конце мая была теплая, тихая, солнечная. Я ему сказал: «Паша, пойдем вместе пешком до Волги, может, бакенщик и перевезет нас, время раннее, 3 часа утра». Он кивнул мне в знак согласия. И так мы преодолели 4 километра пути от вокзала до Волги.

Домик бакенщика, однако, оказался заперт, фонари с бакенов сняты, переехать через Волгу не на чем. Мы подошли к самой воде и увидели на берегу небольшую лодку без весел. Я с радостью обратился к товарищу: «Вот на ней мы и переедем, вместо весел возьмем по доске, я буду на корме, а ты на лавочке, посередине лодки». Лодку стащили на воду, я проверил, нет ли в ней течи. Для контроля двинулись на лодке вдоль берега, метров на 50.

В дне обнаружилась течь. Лодку мы вытащили, перевернули, вылили из нее воду, и я объявил: «Поедем! Если будем посильнее грести досками, то успеем перебраться на другой берег,

прежде чем лодка заполнится водой». Товарищ согласился, и мы поплыли. До середины реки усиленно работали досками как веслами, но и вода быстро заполняла нашу лодку. Товарищ боялся оказаться мокрым, раскинул ноги на борта лодки, чтобы не замочить их, перестал разговаривать со мной и помогать мне. Я же старался грести изо всех сил, а вода в лодке все прибывала и прибывала. Мы еле дотянули до берега. Товарищ быстро выбрался из лодки и, не оглянувшись, побежал по берегу домой. Напрасно я просил его помочь мне вылить воду из лодки и вытащить ее на берег. Мне пришлось это делать одному.

В феврале меня снова судьба свела с Павлом Савельевым. Мы встретились на железнодорожном вокзале областного города. Я подошел к нему и, в упор посмотрев на него, проговорил: «Вот и опять мы с тобой, Паша, встретились, как в мае, только на лодке через Волгу не поедem, а пойдем пешком, теперь ты от меня не убежишь, не оставишь одного». Он отвернулся, промямлил что-то, может, совесть на сей раз заговорила в нем.

Подъезжая к нашей остановке, Савельев заволновался и, ничего не сказав, быстро направился в тамбур вагона. Поезд остановился, и мы вышли. Товарищ шел быстро впереди меня, и я еле за ним успевал. Миновав вокзал, мы вышли к дороге, и вдалеке, в темноте, я разглядел силуэт лошади с саночками. Савельев оторвался от меня и быстро побежал. Не успел я подойти к запряженной лошади, как он уже вскочил в саночки, встречающий натянул вожжи, и повозка быстро, со снежной пылью, промчалась мимо меня.

Мне стало не по себе. Значит, он знал, что его встретит отец на лошади. Какая неблагодарность, какая низость, подлость с его стороны, а ведь Савельев уже заканчивал четвертый курс педагогического института!..

Я остался один среди зимней темной ночи. Подул сильный северный ветер, пошел снег, дорогу заметало, а до дома мне идти целых 8 километров. Из них по Волге и лугам около 5. Но в такую снежную ночь с сильным ветром можно сбиться с дороги, проплутать. Я начал преодолевать этот путь. С тех пор в памяти у меня надолго остался мой «товарищ» с подлой душонкой. Савельев, наверное, уже давно был дома, в тепле и, попивая чаек со сладостями, посмеивался надо мной, радовался тому, как он провел, обманул своего товарища.

А я домой пробивался сквозь снежные заносы до рассвета.

НАТАША ЛИДИНА

I

В один из июльских дней собрались гости к знакомому на праздник по случаю дня рождения. После поздравительных речей за столом в адрес хозяина все вышли на свежий воздух и присели на крыльце дома.

Одним из гостей был агроном совхоза Петр Иванович Лидин с семилетней дочерью Наташей. Он поделился с нами, что его дочь хорошо поет. Гости попросили ее что-нибудь спеть. Наташа, улыбнувшись, доверчиво посмотрела на всех и тихим, приятным голосом пропела песню, выученную с пластинки. Пела она как-то по-особому: неторопливо, очень выразительно и убедительно; ее детский голосок невольно проникал в сердце каждого слушателя. После исполнения песни один из гостей встал и, обращаясь к девочке, взволнованно сказал: «Молодец, Наташенька, песня хорошая, нужная, словно адресованная мне. Мало мы уделяем внимания своим детям, и теперь, после этой песни, я буду более внимателен к их запросам. Спасибо за хорошую песню!» Наташа стояла перед гостями, улыбаясь от счастья, и смотрела на всех ласковыми, большими черными глазами.

II

К вечеру на автостанции я вошел в автобус. Свободных мест не оказалось, и я стоял на задней площадке, держась за поручень. Около меня сидела девочка лет десяти и внимательно смотрела на меня. Встала, подошла ко мне и тихо проговорила: «Садитесь, пожалуйста, на мое место, я не устала и постою». Я был тронут ее добротой и сел на ее место. А девочка подошла к сидящему в середине автобуса пассажиру и стала ему что-то объяснять, показывая в мою сторону. В нем я узнал агронома П. И. Лидина. И тут же вспомнил Наташу и ее выступление на дне рождения у знакомого. Она за три года повзрослела, стала симпатичной девочкой. У нее было простое доброе лицо, смуглая кожа, черные большие глаза. Скромно одетая в простую коричневую кофточку и темную юбочку, с двумя косичками, она так и искрилась душевной добротой.

Стоял светлый, тихий солнечный день первой половины сентября. Я шел не торопясь по лугам к переправе через Волгу. До переправы было 2 километра. Настроение у меня было приподнятое, все кругом радовало. Солнце сияло и грело еще полетнему, как будто возвратился кудрявый июньский день, только за рекой золотистые деревья говорили о наступившей осени.

Подходя к переправе, я увидел на берегу Волги вороную лошадь. Всадником ее оказалась молодая, лет семнадцати, девушка в красной кофточке и синих брюках в обтяжку, без головного убора, волосы закреплены шпильками. На лице ее играл румянец, большие черные глаза были устремлены на искрящиеся от солнца воды Волги. Может, ждала она кого или прибыла просто порадоваться красоте солнечного дня на берегу многоводной реки. Этот вид красивой девушки на лошади в сочетании с окружающим простором Волги меня полностью очаровал, и я несколько минут любовался ею и нехотя вступил на пристань. На палубе парохода собрались все отъезжающие, взоры многих были устремлены на всадницу, ее рассматривали, не скрывая восторга. Одна пожилая женщина громко воскликнула: «Как хороша, как мила эта девушка, так бы и смотрела все время на нее!» Я спросил молодую женщину, не знает ли она, откуда и чья эта красавица на лошади. Она повернулась ко мне и с улыбкой ответила: «Как не знать, это дочь нашего агронома Петра Ивановича Лидина, она любит лошадей и занимается верховой ездой». Так через 7 лет состоялась моя третья встреча с Наташей. Я еще хотел рассмотреть всадницу, но ее уже не было на берегу, да и пароход наш все дальше и дальше уходил от берега.

ПОЧТАЛЬОН ВАЛЯ САМОЙЛЬЧЕВА

Немало писали раньше в газетах и журналах о женщинах-трактористках, комбайнерах, полеводах, животноводах, а вот о почтальонах сообщалось недостаточно. А зря — почтальоны ведь многими нитями связаны с народом, с людьми всех возрастов. Почтальон в сельской местности выполняет ответственную и важную для всех работу: надо вовремя доставить корреспонден-

цию в населенные пункты. Работникам связи это удобнее делать с мая по сентябрь, в хорошую погоду на велосипеде. А с октября по апрель, в дождь, снег, метель, бездорожье, без велосипеда, с тяжелой сумкой, почтальону тяжело работать. Но почтальоны понимают, что люди ждут корреспонденцию и, преодолевая все трудности, доставляют ее вовремя.

Валя Самойлычева много лет проработала почтальоном, накопила немалый опыт. Всегда энергичная, подтянутая, с добрым, веселым взглядом, с чутким и радушным отношением к людям, она завоевала их уважение и любовь. На почтальонов возлагаются большие обязанности: доставка газет, журналов, переводов, писем, пенсионных денег — и с этими обязанностями Валя справляется блестяще. Она оформляет также подписку на книги и на полгода подписку на газеты и журналы. В совершенстве изучила она «почтовую корреспонденцию» и в душевной беседе с людьми может удачно рекомендовать ту или иную подписку.

Ежедневно и вовремя Валя доставляет газеты и журналы, которые ждут подписчики, чтобы быть в курсе всех событий в стране и за рубежом. Какое прекрасное настроение возникает у людей при вручении им писем, посылок, пенсионных денег!

Свою работу Валя любит и не представляет себе другой. В один из дождливых осенних дней, когда все небо было покрыто свинцово-темными тучами и солнце не показывалось несколько дней, Валя заболела ангиной. Работала она через силу. Я ей предложил сходить в больницу. В ответ она с грустной улыбкой сказала: «Не могу я этого сделать, заменить сейчас меня некем, а оставить людей без корреспонденции, пенсионеров без денег невозможно, ведь меня везде ждут».

Самое ценное в работе Вали — ее доброжелательность к людям, искренность, вежливость, привлекательная душевность и радушие. С каждым она поговорит, что неясно — объяснит, и всегда на ее лице играет приветливая, теплая улыбка. И люди ей отвечают благодарностью.

Яркий день сентября. Деревья в листьях с золотистым оттенком. Стоит тишина. Мы с соседом, инвалидом Отечественной войны, на улице ждем почту. Через несколько минут подъехала к нам на велосипеде Валя, поздоровалась, ласково улыбнулась, передала нам почту. Сосед-пенсионер сказал: «Валя, вот если бы все, как ты, были вежливы и уважительны

к людям, как было бы хорошо! — И, обращаясь ко мне, продолжил: — Надо как-то отметить Валю за ее хорошую работу и внимательное отношение к нам и написать благодарность в газету». Но Валя, смутившись и ничего не сказав нам, уже покатила на велосипеде дальше.

Через несколько дней в нашей районной газете появилась заметка с сообщением, что Вале за хорошую работу и доброжелательность объявляется благодарность от людей обслуживаемого ею села Николо-Погост.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В начале 30-х годов в наших местах началось строительство железной дороги — узкоколейки. Железнодорожная ветка должна была проходить по ровной насыпи с допустимым небольшим уклоном или подъемом. Берег от Узолы до деревень Сивково и Чередково был гористым, поэтому бугор срыли для строительства дороги от Волжского склада до деревень Сивково, Чередково и далее до Ковровки.

Волжский склад — это выстроенный еще до войны на ровном берегу Волги, напротив Правдинска, поселок из 50—55 домов, куда свозили древесину для Балахнинского бумкомбината: ель — на бумагу, березу и сосну — на дрова и стройматериалы. В поселке, в небольшом доме, была начальная школа. Жительница Чередкова Прасковья Маркеловна Нефедичева помнит о начале строительства ее родителями Кудряшовыми своего дома в Волжском складе, в который перешли жить в начале войны, но дом еще долго не был достроен. Прасковья Маркеловна хорошо представляет поселок того времени. В настоящее время от поселка ничего не сохранилось кроме растущей одной липы.

...Деревянные шпалы рабочие раскладывали на ровный твердый грунт. На них накладывались чугунные рельсы. Все это делалось вручную: лопатой, ломом, кувалдой — этим большим молотком заколачивали «костыли», чтобы прижать рельсы к шпалам. Путьские вагонетки для работающих на линии путейщиков были небольшими, на них доставлялись рельсы, инструменты для прокладки и ремонта железной дороги.

В Волжском складе помимо основной дороги строили и ветки — тупики для разгрузки древесины.

Железная дорога от Волжского склада проходила по гриве до Узолы. Через реку был выстроен мост для функционирования дороги в любое время года. Строили мост так: сваю (сосновое

бревно, на заточенном конце которого был вбит железный треугольник, заготовленный в кузнице) ставили к копру — подставке к свае. 50-килограммовую «бабу» рабочие поднимали на копре до определенной высоты, с крючка ее срывали веревкой. «Баба», падая вниз, забивала сваю в землю. Ширина Узолы составляла примерно 50 метров.

Сваи забивали друг от друга и в ширину и в длину на расстоянии 2 метров. Верхушки каждой сваи выравнивали: высокие — срезали, короткие — наращивали. На всех сваях делали насадки, по ним — прогоны — длинные (6, 12, 15 метров) четырехгранные (высотой до 20 сантиметров) брусья. Прогоны раскладывали вдоль моста, концы их стыковали при помощи «замка». На прогоны накладывались шпалы, а на шпалы — рельсы.

Дорога от Узолы после срытия бугра у деревень Сивково и Чередково была с небольшим подъемом, а далее, до Ковровки и других деревень в результате срытия небольших оврагов шла в основном по полям.

Схема работы железной дороги. Волжский склад — река Узола — д. Сивково и Чередково, полем между д. Восчестниково и Блаженцово — к Ковровке, мимо Караихи, Пульникова, Гомулихи, Антоники, Абрамихи и д. Ильинское — 16-й склад (тут и стрелка и разъезд), через реку Голубиху у д. Луговое (в 2 километрах от Смольков, у моста стояла будка сторожа). Далее составы шли мимо деревень Ложкино, Рыловка, Кипрево, поворот в лес, через 2—3 километра — 2-й склад. У разъезда в доме жила семья стрелочника, через 1 километр — 3-й склад — это был поселок (сейчас д. Лесная) с водокачкой, помещением для проживания семьи, магазином, разъездом. Дальше мост через реку Городисловку (или Сорокинскую). Рядом с поселком находился шпалозавод (на другом берегу Сорокинской), потом 4-й склад, 5-й склад с подсобным хозяйством — остановки поезда не было. Далее поселок Рязанка (водокачка, объездной путь). В поселке жили рабочие. Сейчас Рязанка находится недалеко от Чернолесской пустыни. Следующий — 11-й склад (перед началом войны было училище, которое готовило мастеров-разработчиков с двухгодичным сроком обучения. В двух бараках какое-то время проживали военнопленные немцы). Далее поселок Октябрьский (контора, магазин, жили и работали в лесу переселенцы татары). Сейчас поселок Октябрьский —

центральная усадьба совхоза «Сормовский пролетарий». Дальше на реке Кезе была еще одна водокачка. Железную дорогу продлили до Зубова Линдовского района — это поселок, конечная станция.

Узкоколейка обеспечивала древесиной (3- и 6-метровки) бумкомбинат с 30-х до конца 50-х годов в любое время года. Летом от Волжского склада пароходы «кошелями» доставляли материал в Правдинск. В теплое время года железная дорога работала только до Волжского склада.

В зимнее время на лед Волги раскладывали шпалы, на них клали рельсы, и по этой дороге ходил маленький паровозик «петух» (гудок напоминал петушиное пение) с тремя вагонами. После разгрузки у Правдинска паровозик двигался задом, пустые вагоны загонял в тупик (в тупиковую ветку), а сам переходил на другую линию к груженным вагонам и отправлялся к Правдинску. В каждый вагон вмещалось 12—15 м³ древесины.

Зимой работала и машинная дорога: лес по льду Волги перевозили на грузовых машинах по 5 м³ (в основном после войны). Зимы тогда были суровыми, и крепкий, толстый лед выдерживал груженые машины.

От Волжского склада до Зубова на железной дороге отмечался каждый километр. На некоторых станциях были телефоны: на 16-м километре (стрелка и объездной путь), на 2-м и 3-м километрах (объездные пути) и на Ряжанке.

Случалось, бывали и аварии: и поезд сходил с рельсов, и вагоны опрокидывались, и люди травмировались.

За время существования железной дороги через Узолу было построено два моста. Весной, даже в разлив, поезда ходили ежедневно. Паровоз тянул 10 вагонов. В разлив дежурили от Гривы до Чередкова круглосуточно (стояла будка). Накорпленный лед во время разлива взрывали, разбивали и проталкивали баграми между свай. Высота моста через Узолу была такова, что зимой по льду между сваями проезжали лошади с санями, не касаясь их дугами. Зимой во время заносов ходил снегочист.

На узкоколейке работали Ф. С. Рябова, К. И. Шашина, А. Маленина, Т. С. Реутина, К. Орехова, С. А. Телегина, П. И. Ануфриев (машинист), А. Ф. Таланова, С. А. Нефедичев (машинист), П. М. Нефедичева, А. А. Югина, Е. Е. Ильсецкая и др.

Работали они на ремонте дороги: меняли шпалы, чистили

лопатами от снега пути от Ковровки до Потнева. Зарплату получали деньгами, рабочий день составлял 8 часов. Начальник Копыч жил в бараке под д. Чередково.

Евгения Евстафиевна Ильсецкая-Полозова (1918 г. р.) три года работала на железной дороге. Жила в Сельце, ходила на разнарядку в Чередково, там в бараках у железной дороги проживали рабочие. Собирались все в одном из барakov. По телефону из Ковровки бригадир Зоя Павловна Булыгина принимала от мастера всей дороги Николая Елетина распоряжения — ежедневные задания. В Ковровке были мастерские, паровозное депо, столярная мастерская.

Рабочие бригады З. П. Булыгиной проверяли дорогу от Волжского склада до Ковровки. Путевой Сергей Козлов с рабочими заменяли шпалы и рельсы, лопатами расчищали снег. Снегочист толкался паровозом, после него по краям приходилось снег убирать лопатами, проверяли болты, стыковки. Напротив Восчестникова и Чередкова зимой ставили щиты для снегозадержания. У Чередкова была объездная дорога и водокачка. Работы хватало всем.

Рабочий поезд из пяти вагонов с лавочками, печками, нарами ежедневно утром ходил из Ковровки до Зубова, доставлял людей на работу, а в 16 часов отправлялся в обратный путь до Ковровки. Проводницей на таком поезде работала А. А. Югина (1931 г. р.), приходилось быть ей и рабочей. Отработала она на дороге в возрасте 18—22 лет около 5 лет.

В основном же были лесовозные вагоны-платформы — лес грузили на платформы.

До конца 50-х годов работала железная дорога, местами — уже частично. Но... кончилась древесина, рабочие разъехались. Паровозы сдали в г. Горький, рельсы перевезли в вагонетках на Волжский склад, со склада — в другие места. Поселок Волжский Склад ликвидировали, потом Рязанку, 16-й склад, поселок Октябрьский, 11-й километр и все остальное.

Железная дорога действовала почти четверть века, в конце 50-х годов была ликвидирована.

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ВОДНЫЕ ОБЩЕСТВА В НИКОЛО-ПОГОСТЕ

Добровольное водное общество № 1 в Погосте было создано в 1968 году для круглосуточной подачи из озера воды в период с мая по октябрь жителям Базарной, Набережной, Северной улиц и Набережного переулка.

Насосную станцию установили на двух понтонах. Первый насос Зкб был заменен в 1999 году мотоблоком Зкбм. Подача воды — 45 м³/час, давление — 54 атм. Вода из озера насосом подается на гору, далее — по трубопроводу в бак емкостью 18 м³. Насос включается автоматически. В баке имеется поплавок.

Если бак пустой — реле включает насос. Он автоматически заполняет водой объем бака, после чего отключается. Из бака, поднятого на высоту 3 метров от поверхности земли, вода идет самотеком во все хозяйства. В сухую, жаркую погоду воды потребляется больше — она подается насосом минуя бак во все хозяйства одновременно.

Инициаторами создания ДВО были В. И. Креков, П. А. Чернавин, С. М. Дурашин, В. А. Шадрин. Больше всех забот и хлопот выпало В. И. Крекову — депутату этих улиц. Потребовался и сбор денег. Виталий Иванович (работал на ГОГРЭС) достал насос Зкб, бывшие в употреблении трубы с котлов из Балахны и все привез на машине в Погост. Бак взяли на Гордеевской подстанции в обмен на 5 тонн металлолома. Автокран на установку бака доставил П. И. Дурашин. Большую работу выполнил электрик В. А. Копылов. Бухгалтером избрали М. А. Дурашину. Это было первое правление общества.

Вскоре на улице Северной была построена трансформаторная подстанция для питания электроэнергией улиц, насоса и столовой райпо. Если раньше в ДВО входило 16 хозяйств, теперь в нем стало 40.

Строительство второй водной системы — ДВО № 2 (улицы Кооперативная, Советская, Новая) — началось в 1972 году, пуск ее состоялся в следующем году.

Хлопоты по приобретению двух металлических коробов в ГОГРЭС для изготовления водяного бака на себя взяли И. П. Милютин, В. И. Креков и А. Н. Креков (работали на ГОГРЭС).

Коробы, или два газохода, А. Н. Креков с ГОГРЭС в

Николо-Погост привез на грузовой машине. Из них был сделан бак.

Трубы и насос помог приобрести обществу председатель райпо И. М. Ериков. Сварочные работы выполнял А. Н. Креков и В. Казанцев. Постоянную помощь ДВО № 2 оказывали И. П. Милютин (начальник отдела снабжения) и И. М. Ериков. Первым председателем общества был избран Креков Василий Николаевич, бухгалтером Дурашина Людмила Алексеевна. Актив ДВО № 2: Селезнев Николай Константинович, Бондаренко Михаил Казимирович, Ковровский Виктор Александрович, Селезнев Николай Александрович, Боровиков Юрий Александрович. Принимал активное участие в сварочных работах, в монтаже, ремонте водопроводной системы и в благоустройстве села Креков Алимпей Николаевич.

ЕРИКОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ

Родился он 2 марта 1928 года в деревне Бакунино Николо-Погостинского сельсовета Балахнинского района в крестьянской семье.

В 1935 году начал учебу в Коновалихинской начальной школе, обучение продолжил в Николо-Погостинской школе. В 1944 году поступил работать в транспортное управление Черно-раменского треста токарем — точил снаряды к «катюше». Работать приходилось без выходных, спал у станков. В 1946—1948 годах работал садоводом в колхозе имени М. И. Калинина. В 1948—1951 годах служил в рядах Советской Армии. С 1 января 1952 года Иван Михайлович работает в системе потребительской кооперации. Свою трудовую деятельность начал с водителя-продавца по доставке товаров. В 1958 году на собрании уполномоченных пайщиков был избран председателем правления Николо-Погостинского сельпо, которое в 1963 году переименовали в Балахнинский совхозрабкооп.

В марте 1970 года Ивана Михайловича избирают на собрании уполномоченных председателем Городецкого райпотребсоюза на новый срок. С приходом И. М. Ерикова на должность председателя райпо с 1974 года начался планомерный подъем торговли,

быстрое развитие материально-технической базы, строительство гаражей с теплыми боксами, магазинов, торговых центров, приобретение автомашин. Построили колбасный, убойный, рыбный, пельменный цеха. Выстроили и сдали в эксплуатацию сапоговаляльную фабрику. За последние годы проведен ремонт во всех магазинах и предприятиях. Заменено торгово-технологическое оборудование.

За период работы Ивана Михайловича выстроено и сдано в эксплуатацию более 70 объектов. Райпо обслуживает 430 отдаленных населенных пунктов (22 500 человек).

В результате умелого и грамотного руководства коллектив райпо на протяжении ряда лет по результатам деятельности является одним из лучших потребительских обществ России. Райпо не пользуется кредитами банка. Своевременно производится уплата всех налогов, о чем свидетельствуют награды от налоговой инспекции района и области. Работники своевременно получают заработную плату. И. М. Ериков оказывает помощь пенсионерам, ветеранам, умело организует улучшение обслуживания сельского населения.

Он ведет большую общественную работу. На протяжении многих лет избирается депутатом Земского собрания. Ему присвоено звание «Почетный гражданин г. Городца», он награжден орденами Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «За заслуги перед Отечеством». Является отличником советской потребительской кооперации. Заслуженный работник торговли РСФСР, председатель правления Городецкого райпо Нижегородского облпотребсоюза Иван Михайлович Ериков в системе райпо работает 50 лет.

ПЛОТНИКАМИ НАШ КРАЙ СЛАВИЛСЯ

Нет в жизни человека события более радостного и, можно сказать, поэтического, чем постройка своего дома.

В былые времена на такие стройки собиралась буквально вся деревня. Весело стучала тогда на срубе топорами плотницкая бригада. На земле медно светилась щепка. Всюду сновали неугомонные мальчишки. Подходили соседки с подойниками.

Потомственные мастеровые в совершенстве владели топором, пилой, коловоротом. Это были люди веселые, склонные к шутке-прибаутке, размашистые по характеру, с завидной судьбой.

Плотниками наш край издавна славился. Избы были ладно срублены, все бревнышки ровные, как говорят, без сучка, без задоринки. Бревнышко к бревнышку — и сруб готов. Концы бревен между собой, как пальцы, сплетены. По бокам двускатной кровли прилаживались красивые доски — причелины. И на наличниках тоже рисунки. Мастер творил это деревянное чудо сам. Да еще утварь и посуду делает, изукрашивает, чтобы имела свое лицо и неповторимость: деревянные столы, скамейки, бадейки, коромысла, тарелки, чашки, ложки. Нелегкая это работа. Тут самое главное — терпение.

В Погосте многие рубленные дома насчитывают более сотни лет (улицы Кооперативная, Базарная, Набережная; кстати, на ней дом С. М. Дурашина, построенный в 1858 г.). Отдельные дома сохраняют фрагменты глухой рельефной резьбы, как на улице Набережной. Несколько десятилетий назад резное убранство с лучших образцов жилой сельской архитектуры стало экспонироваться в музеях Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга.

В Погосте находился один из самых замечательных памятников нижегородской резьбы — дом Мохова, резные украшения которого занимают почетное место в экспозиции Русского музея.

Вплотную приросло к селу Николо-Погост маленькое Петрушино из полутора десятков домов. И хотя оно давно уже является продолжением улицы Кооперативной, по-прежнему эту часть села называют по-старому Петрушино.

Есть в Петрушине несколько домов, построенных еще в середине XIX века. Так, на третьем от конца улицы, от оврага, доме Федора Дмитриевича Белякина хорошо просматривается дата — «1862 г.».

Его дед, Степан Иванович (1838—1920), построил этот двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте, с окном на чердаке и пристроен к дому — боковушкой — на кирпичных столбах. Под боковушкой раньше был теплый хлев, а теперь дровяник. Дом строили несколько лет, в работе помогали, как в те поры было заведено, родственники и знакомые.

Степан Иванович был отличным плотником и столяром. Впоследствии он обучил этому ремеслу и своего сына — Дмитрия

Степановича (1875—1942), который тоже стал мастером на все руки.

Степан Иванович сам вырезал наличники на окнах. Кстати, в Петрушине у него они были первыми. Сделал он и мебель из березы — горку, диваны, стулья и пр. Мебель покрыл лаком. Она сохранилась до сих пор и не потеряла своей былой красоты.

Дом этот, что глядит своими окошками на дорогу, заставляет улыбнуться, удивляет творением рук мастеров-плотников.

Следующий, четвертый по счету, дом Александры Николаевны Шалавиной. В прошлом это был дом Трофима Семеновича Бурмистрова — двухэтажный, деревянный, большой, красивый дом, построенный его родителями в 1857 году.

Его младшему брату, Афанасию Семеновичу, был выстроен в 1921 году рядом с ним большой, одноэтажный, деревянный, на каменном фундаменте дом (теперь дом Бурмистровой З. А.).

Стоит в Петрушине обычный, старый, слегка вросший в землю дом, которому почти 170 лет. В нем живет Татьяна Ивановна Калиничева. Она наследовала этот дом от своих родителей, которые купили его у Дмитрия Степановича Белякина в 1923 году. Это самый старый дом в Петрушине, построенный родителями Степана Ивановича Белякина в 1830 году.

Говорят, от творения рук мастеров и на душе становится легче. Если к дому с тяжелым сердцем подойдешь — с легким дальше идешь. Да и деревня становится краше, веселей...

В Николо-Погосте до середины 70-х годов на углу улицы Базарной, у пруда, напротив церкви, стоял старинный двухэтажный, большой деревянный дом. В нем еще во времена крепостного права жил бурмистр, который держал в повиновении и страхе народ.

Сельскому фельдшеру, Василию Гавриловичу, этот дом, может быть, предоставило «общество», а может, он его купил у бурмистра. На втором этаже, в большой комнате Василий Гаврилович принимал больных. Тут же была и аптека с медикаментами, которые он сам выдавал после приема больных. Жил он в отдельной комнате дома.

В 1912 году Василий Гаврилович переехал жить в другой дом, а двухэтажный дом у него купил Золотарев Василий Федорович, выходец из семьи сапожников Ивановской губернии. Второй этаж передней части дома Василий Федорович сдавал под

аптеку, а внизу, на первом этаже, была сапожная мастерская, в которой работали и наемные мастера.

Василий Федорович умер вскоре после революции. У него было пятеро детей: две дочери (учителя истории Надежда (1902 г. р., жила в Балахне) и Анна (1913 г. р., жила в Москве) и три сына — Евгений, Петр (погиб на фронте) и Александр (офицер).

Дом от отца перешел старшему сыну — Евгению Васильевичу (1899 г. р.), который, как и отец, был сапожником. Е. В. Золотарев стал последним хозяином старинного двухэтажного дома. Этот дом был построен в 1830 году из лиственницы, бревна — не в обхват, рублен он на четыре помещения (квартиры). На втором этаже — огромные сени. В заднюю и переднюю комнаты и на второй этаж вели отдельные лестницы.

С улицы лестница на второй этаж была также и со стороны пруда. Дом пережил и Евгения Васильевича, но в середине 70-х годов был разобран. Большой двухэтажный деревянный дом на улице Базарной, у пруда, украшал центр Николо-Погоста.

Дом Чернышова (1820-е г.). На Базарной площади стоял дом в пять окон по фасаду и с тройным окном на фронтоне. Из числа своеобразных жилых домов Николо-Погоста это был наиболее старый и наиболее интересный по своим резным украшениям, где кроме классической порезки были и древние орнаментальные мотивы, волнообразный рисунок фриза не потерял своей первоначальной строгости.

Столяры и плотники

Селезнев Дмитрий Степанович (д. Лосево) — плотничал по деревням.

Богомазов Иван Александрович (д. Щекино) — выполнял отделку и строил баржи в Сормове.

Ризин Федор Александрович (Николо-Погост) — плотник.

П. И. Маликин, М. И. Маликин, И. Д. Неимуцев, А. Д. Неимуцев, М. П. Козин (д. Бурково) — имели свои мастерские.

Маликин Арсентий Иванович (Николо-Погост) — столяр.

Братья Богдановы: Александр Дмитриевич, Петр Дмитриевич, Николай Дмитриевич (Николо-Погост) — имели столярную мастерскую.

Буянов Михаил Васильевич (д. Буйная) — до революции был подрядчиком у купца в Городце, от него получал золотые деньги (носил в мешочке) и расплачивался ими с бригадой плотников, которую сам и набирал. Его сын, *Александр Михайлович*, работал вместе с ним.

Кокурин Иван Петрович — плотник-корабел, работал на строительстве барж, судов, пристаней на Волге и Каме, в Рыбинске.

Цепицины Петр Алексеевич и Григорий Алексеевич (д. Фаладово) — плотники.

В 30-е годы уезжали на зиму в Сибирь («по далям») выполнять разные строительные работы *Александр Иванович Буянов, П. И. Буянов, Андрей Федорович Малков* и др. К Андрею Федоровичу Малкову ездила в Сибирь и его жена, Елизавета Федоровна, посмотреть на земли сибирские, на работу плотницкую, проведать мужа.

БРАТЯ БОГДАНОВЫ — СТОЛЯРЫ-КРАСНОДЕРЕВЩИКИ

В Николо-Погосте сохранились два дома братьев Богдановых — Петра Дмитриевича на улице Базарной и Александра Дмитриевича на улице Кооперативной. Пятистенный дом Николая Дмитриевича был разобран в начале 80-х годов. Дом Ивана Дмитриевича в 1948 году сгорел. На этом месте его жена, Капитолина Александровна, в начале 50-х годов одна, без мужа, выстроила новый дом (Иван Дмитриевич погиб в 1942 г.).

Каждый год летом в родительский дом, что на улице Кооперативной, 10, приезжают Маргарита Александровна Клещина-Богданова со своей семьей из Заволжья и Ангелина Александровна Платонова-Богданова из Санкт-Петербурга. От сестер я узнала интересную историю семьи Богдановых.

Их бабушка, Екатерина Петровна Богданова (1874—1956), урожденная Гурина, родилась в Нижнем Новгороде, в дворянской семье. Бабушкина тетка, Мария Николаевна Пеклер, родом из Нижнего Новгорода, имела в городе свою гостиницу «Москва». Сохранился пригласительный билет (шрифт золотого

тиснения), в котором сообщалось о бракосочетании в церкви ее сына Николая и о банкете в гостинице «Москва».

Марія Николаевна Пеклеръ имѣетъ честь покорнѣйше просить Васъ пожаловать въ день бракосочетанія сына своего Николая Александровича съ гдѣвицею Екатериною Тригорьевною Шиповниковой, въ среду 5 июля 1895 года, въ "... " час. вечера, къ брачному столу въ собственную гостиницу "Москва".

Възвѣщаніе имѣетъ быть во Владимірской церкви, въ Макарьевской части.

Мария Николаевна Пеклер воспитала не только, Екатерину Петровну, но и ее сестер: Софью Петровну (вышла замуж за Дурашина Михаила Дмитриевича, он имел свою пристань в Балахне) и Варвару Петровну (жила в Нижнем Новгороде, рано умерла).

Дедушка, Богданов Дмитрий Николаевич (1861—1913), жил в Николо-Погосте. Его брат, Петр Николаевич, жил тоже в Погосте, на ул. Запрудной. Петр Николаевич имел свою столярную мастерскую. До 2000 года в его доме еще сохранялись рубанки, струбцины и другие инструменты.

Со слов бабушки, Екатерины Петровны, Маргарите Александровне и Ангелине Александровне было известно, что прапрадед ее внучат — дедушка дедушки Дмитрия Николаевича, был куплен николо-погостинским барином на Украине за 11 копеек в возрасте 9—10 лет вместе с собакой. Фамилия прапрадеда — Богданенко — впоследствии была изменена на фамилию Богданов.

Дедушка, Дмитрий Николаевич, до революции жил в Николо-Погосте рядом с домом Калининковых, в конце улицы Базарной. У него была своя столярная мастерская и красильня. Этот дом сгорел (загорелась красильня), и Дмитрий Николаевич вскоре купил в селе дом бывшего священника — второй дом в начале улицы (теперь Кооперативной). В первом доме тогда жил священник Вязовский, за домом Д. Н. Богданова — священник

Виноградов (на этом месте теперь дом Капитолины Александровны Богдановой). Дом Богдановых примыкал к барскому саду. В саду был небольшой пруд, в середине которого красовался островок с беседкой. На островок вел перекидной овальный ажурный мостик. В центре островка росла яблоня, дававшая большие красные плоды. Дом у деда был большой, пятистенный, по фасаду имел пять окон; состоял из задней, сеней и коридора. На обе стороны вели лестницы. Через большой двор — выход в столярную мастерскую, которая имела форму прямоугольника и примыкала к двору. Одна стена — общая с двором. Три стены остеклены под одной крышей с двором. В мастерской стояли: деревообрабатывающие, сверловочные, точильные и токарные станки. Здесь изготавливали мебель: шикарные кресла, диваны, резные комоды; рамы, двери, столы, гробы и пр. Была и красильня. Работал Дмитрий Николаевич в мастерской с сыновьями Петром, Николаем, Александром, Михаилом, Иваном. Все были столярами-краснодеревщиками.

Старший из братьев, Петр Дмитриевич (1897 — 1979), жил с родителями, работал. Женившись на Чернавиной Александре Александровне (1901 — 1983), отделился от родителей и жил в своем доме на улице Базарной. Работал на ГОГРЭС столяром. Сын П. Д. Богданова, Дмитрий Петрович (1924 — 1944), окончил 7 классов в Николо-Погосте, 8 — 10 классы — в Балахне. Студентом политехнического института был призван на фронт. Служил старшим лейтенантом в пехоте, погиб в январе 1944 года.

Галина Петровна (1925 — 1989) по окончании Горьковского медицинского института несколько лет работала в Кировской области, а затем главным врачом в николо-погостинской больнице. Г. П. Ратова была депутатом Горьковского облсовета, заслуженным врачом РСФСР, награждена орденом Ленина и медалью «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Наталья Петровна (1928 г. р.) — инженер-водник, живет в Москве.

Петр Дмитриевич играл на многих музыкальных инструментах, любил музыку, хорошо пел и был замечательным мастером по ремонту музыкальных инструментов. Любой разбитый, старый инструмент — скрипку, мандолину, гитару, балалайку, домру — он мог восстановить, возвращая ему прежний вид и хорошее звучание.

Богданов Николай Дмитриевич (1897—1965) работал в Николо-Погосте столяром. Женится на Чернышовой Анастасии Васильевне, жил в ее пятистенном доме на ул. Базарной. Своих детей не было, воспитал семерых детей погибшего на фронте брата жены Анастасии — Николая (мать детей умерла в начале войны).

Богданов Александр Дмитриевич (1899—1968) работал вместе с братом Петром: Петр Дмитриевич заведовал мастерской, а Александр Дмитриевич был у него в мастерской на ГОГРЭС рядовым столяром. Их обоих на фронт не взяли (была бронь). Для нужд армии они изготавливали деревянные изделия. Александр Дмитриевич женился на Таисье Петровне Казанцевой (1904—1990), жили они в доме отца, Дмитрия Николаевича.

Вот несколько слов об их детях. Ливерий (1928 г. р.) по окончании Горьковского речного училища и водного института (заочно) работал в Московском НИИГипроречтранс проектировщиком линий передач гидростанций, конструктором электросетей, потом начальником отдела кадров.

Ангелина Александровна (1931 г. р.) окончила сельскохозяйственный техникум, вышла замуж в Ленинграде, работала 36 лет инженером на опытно-механическом заводе в отделе труда и зарплаты.

Маргарита Александровна (1933 г. р.) окончила Горьковский медицинский институт, работала по направлению три года врачом в Лукояновском районе, потом главным врачом Первомайской участковой больницы в Балахнинском районе, с 1964 года — участковый врач заволжской больницы.

Михаил Дмитриевич Богданов был участником Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом IV степени, погиб в начале Гражданской войны.

Иван Дмитриевич (1910—1942) погиб в начале Великой Отечественной войны. Его жена, Капитолина Александровна, из семьи Ковровских, одна вырастила четверых детей, все получили образование: Алевтина Ивановна (1934 г. р.) — бухгалтер, Валентина Ивановна (1936 г. р.) — техник-электрик, Сергей Иванович (1938—1975) — инженер-электрик, Вера Ивановна (1941 г. р.) — учитель.

В доме Дмитрия Николаевича жили три семьи: бабушка, Екатерина Петровна; семья Богданова Александра Дмитриевича

с тремя детьми; семья Богдановой Капитолины Александровны с четырьмя детьми. Дом состоял из жилых комнат с выходами в общий холодный коридор.

Братья Богдановы получили образование в церковно-приходской школе, пели в церковном хоре по нотам, играли на разных музыкальных инструментах — гитаре, балалайке, мандолине, скрипке, домре. Были они общительными, примерными семьянинами, вырастили прекрасных детей, были мастерами на все руки. Жители села их хорошо помнят до сих пор.

МАЛИКИНЫ ИЗ БУРКОВА — СТОЛЯРЫ И ПЛОТНИКИ

Маликины жили в деревне Бурково — рядом с Погостом. Их дом на единственной улице из 17 домов (в том числе два дома были на «отскочке») стоял первым к Николо-Погосту. Дом большой, деревянный, красивый, как чудо, как праздник, а под домом — столярная мастерская.

Большая семья проживала в доме. Глава семьи, Иван Гаврилович, его жена, Мария Ивановна, занимались хозяйством, крестьянским трудом. У них было восемь детей: Михаил, Александр, Василий, Арсений, Павел, Таисья, Александра, Елизавета. Дети росли, выросли, выросли и стали отделяться.

Александр Ивановну выдали замуж в Лосево за Горбунова Дмитрия Александровича. Елизавета Ивановна вышла замуж за Малахова Александра Евгеньевича и жила в доме мужа в Буркове. Таисья Ивановна замуж не выходила, жила с родителями. Александр Иванович погиб молодым в годы Гражданской войны. Павел Иванович, как наследник — последний сын у родителей, жил с женой, Прасковьей Михайловной, в родительском доме. Василий Иванович работал продавцом в Нижнем Новгороде, был участником Гражданской войны, после войны работал продавцом в Николо-Погосте и в конторе на Чернораменке. В семье Василия Ивановича и Александры Ильиничны росли дети: Борис (1914 г. р.), Валентина (1916 г. р.) и Анатолий (1923 г. р.). Василий Иванович в возрасте 40 лет утонул на озере

в Погосте. У Михаила Ивановича с Марфой Яковлевной было трое детей. Арсений Иванович женился на Татьяне Алексеевне Копыловой из Николо-Погоста. Они имели семерых детей.

Василию Ивановичу и Михаилу Ивановичу отец, Иван Гаврилович, помогал строить свои дома в деревне. Его три сына жили в Буркове: Василий Иванович, Михаил Иванович — в своих домах и Павел Иванович — в родительском доме. Лишь одному сыну, Арсению Ивановичу, Иван Гаврилович помог купить двухэтажный полукаменный дом в Николо-Погосте на улице Набережной.

Три сына Ивана Гавриловича и Марии Ивановны слыли в округе хорошими столярами — это Михаил, Арсений и Павел.

У братьев Маликиных в столярной мастерской все стены были увешаны инструментами, стамесками, рубанками, пилками. Мастера-столяры братья Маликины делали разную мебель: гардеробы (шифоньеры), горки, комоды, табуретки, двери, рамы, стулья и многое другое.

Все три брата и племянник Борис пели в церковном хоре. Строгим регентом долгое время был Арсений Иванович. После его смерти регентом стал Павел Иванович. Хор считался большим — только мужчин в нем было два полных ряда. До братьев Маликиных церковным хором руководил Петр Дмитриевич Богданов.

Жива в людских сердцах память о братьях Маликиных — хороших столярах-краснодеревщиках и плотниках, о людях чистых и сильных своей духовностью.

БРАТЯ ЦЕПИЦИНЫ — ПЛОТНИКИ ИЗ ФАЛАДОВА

ПРОТОКОЛ

1907 года декабря 23 дня старший полицейский урядник 14 участка 3 стана Балахнинского уезда Панов составил настоящий протокол в следующем: сего числа приказчик вольского купца Николая Степановича Менькова кр. Симбирской губернии Сингилеевского уезда Сингилеевской волости села Бегтяжки Иван Калентьевич Мясников,

проживающий временно в селе Городец по улице Новая Кузнечиха в доме Кондратьева, а постоянно в г. Самаре по Старо-Самарской улице в доме Коршунова, № 5, заявил, что 15 числа сего декабря в Городецком затоне на барже, принадлежащей Менькову, служащий означенной баржи крестьянин Балахнинского уезда Никольско-Погостинской волости деревни Большое Фаладово Алексей Алексеевич Цепицин во время работы на барже получил ушиб живота при следующих обстоятельствах: того же числа в 9 часов утра он подставлял доску длиною в два с половиной аршина, толщиною в 1 вершок и шириною в 5 вершков под поднимаемое дерево рабочими в числе 15 человек. Дерево поднималось на клетку для ремонта баржи, толщиною дерево 4 вершка, длиною 6 сажень. Подъем дерева производился приспособлением — ручными баграми. Поднимая дерево, рабочие силой поддерживали на баграх. Алексей Цепицин, убирая доску из-под бревна, не успел отойти, дерево с багров у рабочих сорвалось, упало на землю. При падении верхний конец лег на землю, а нижний — на клетку, серединой дерево придавило Цепицину живот, он из-под бревна был вынут рабочими. Для подачи медицинской помощи тут же немедленно был отправлен в Городецкую земскую больницу. В больнице находился до 17 числа сего декабря и в 1 час дня по совету врача больницы был отправлен для дальнейшего лечения в г. Н. Новгород в Мартыновскую больницу, куда был доставлен в тот же день в 8 часов вечера его женой Александрой Степановной и братом Дмитрием Алексеевичем Цепициным. В 12 часу ночи на 18 число в больнице умер.

Работа проводилась под наблюдением водолива баржи Александра Степанова Сызранова. Мясников просит провести дознание.

*Приказчик купца Н. С. Менькова
Иван. Калентьевич. Мясников*

Опрошенный водолив баржи купца Менькова кр. Нижегородской губ. Макарьевского уезда Варварской волости и села Александр Степанов Сызранов, проживающий временно в с. Городец по Большой улице в доме Трубина, объяснил, что при подъеме деревьев подпорок находился на барже, но как сорвалось дерево и зашибло живот Алексею Цепицину, не видел — с баржи отлучался. В больницу Цепицин был отправлен в его отсутствие.

Александр Сызранов

Спрошенный подручный водолива баржи Менькова кр. Симбирской губернии Алатырского уезда села Барышовской слободы и волости Степан Андреевич Борматов, проживающий временно в с. Городец, объяснил, что 15 числа сего декабря служащий баржи Алексей Цепицин подставлял доску, не успел отойти, дерево у рабочих с багров сорвалось.

Верхний конец его упал на землю, а нижний — на клетку, серединой дерева придавило Цепицину живот, тут же он из-под дерева был освобожден и отправлен для подачи медицинской помощи в Городецкую земскую больницу. Случай этот Борматов относит к неосторожности, неосмотрительности самого Цепицина. Приспособления и людской силы не требовалось.

Степан Борматов

Спрошенные по одному работающие на барже Менькова кр-не Балахнинского уезда Никольско-Погостинской волости д. Бол. Фаладово Иван Алексеев Шашин и той же волости д. Малое Фаладово Михаил Иванов Новожилов, проживающие оба на родине, объяснили, что 15 числа сего декабря служащий баржи Менькова Алексей Цепицин подставлял доску под поднимаемое им в числе других рабочих на барже дерево. Убирая доску, не успел отойти. Дерево, поднимаемое рабочими, с багров сорвалось. Конец верхний упал на землю, а нижний, упав на клетку, серединой придавил Цепицину живот. Тут же он был из-под дерева освобожден и отправлен в Городецкую земскую больницу. Случай этот они относят к неосторожности самого Цепицина. Какого-либо приспособления или людской силы не требовалось.

*Иван Алексеев Шашин,
Михаил Иванов Новожилов*

Спрошенный брат Алексея Цепицина, кр. Никольско-Погостинской волости д. Бол. Фаладово Дмитрий Цепицин, проживающий на родине, объяснил, что, как произошел случай с братом Алексеем, служащим на барже Менькова, не видал, на барже в то время не был, лишь ходил в больницу после случая. В больнице брат ему говорил, что, убирая доску, не успел отойти. Дерево с багров сорвалось, серединой придавило живот. 17 числа сего декабря в 1 час дня по совету врача больницы он с женой брата, Александрой Степановной, брата отвезли в Н. Новгород в Мартыновскую больницу, приехали в 8 часов вечера, в 12 час. ночи на 18 число брат в больнице умер.

Дмитрий Алексеев Цепицин

Спрошенная жена Алексея Цепицина, Александра Степановна Цепицина, проживающая на родине, объяснила, что мужа, Алексея Алексеева Цепицина, 38 лет, 17 числа в 1 час дня из Городецкой больницы вместе с его братом, Дмитрием, по совету врача возила в Мартыновскую больницу. Приехали в больницу в 8 час. вечера. В 12 часу ночи на 18 число муж в больнице умер. Муж ей в Городецкой больнице рассказал, что он подставил доску под поднимаемое на баграх дерево, убирая доску, не успел отойти. Дерево с багров сорвалось. Серединой дерево придавило

ему живот и зашибло бок. В данном случае он никого не винит, сам не успел отойти. Жена Цепицина никого не обвиняет, злого умысла ни на кого не имеет.

*Александра Цепицина.
За неграмотную по личной просьбе расписался
кр. с. Городца Петр Луковцев*

1907 года декабря 27 дня пристав 3 стана Балахнинского уезда, проверив настоящее дознание, нашел таковое составленным правильно, согласно с обстоятельствами дела, причем расспрашивал поименованных в нем лиц, которые подтвердили показания свои, данные уряднику Панову при дознании, почему и принимая во внимание, что никто из родных Цепицина и спрошенных при дознании лиц не заявил подозрения в умышленном или насильственном лишении жизни и нанесении повреждений ему, утверждая при том, что ушиб был исключительно неосторожностью самого Цепицина, что видно из показаний покойного, данных околоточному надзирателю 2 Кремлевской части 17 декабря.

С подлинным верно.

Пристав 3-го стана (подпись)

Купец Николай Степанович Меньков,
г. Вольск, марта 28 дня 1908 года
Александре Степановой Цепициной, в д. Фаладово
Милостивая Государыня.

При сем прилагаю Вам копию письма страхового общества «Россия», в каковом письме страховое общество изъявляет согласие уплатить Вам за несчастный случай, окончившийся смертью Вашего мужа, А. Цепицина, в полное вознаграждение 500 рублей, полную и всю сумму, в которой он был застрахован, а он был застрахован в тысячекратном его дневном заработке, то есть его дневной заработок определен круглый год по 15 рублей в месяц, или по 50 коп. в день.

Если Вы согласны получить в полное вознаграждение 500 руб., то по получении сего письма сообщите моему приказчику И. К. Мясникову, находящемуся в настоящее время в Городце, которому я могу сделать распоряжение о выдаче вышесказанной суммы с получением от Вас расписки с засвидетельствованной Вашей подписью.

С почтением к Вам

Меньков

1908 года мая 4 дня, мы, нижеподписавшиеся Никольско-Погостинской волости Балахнинского уезда, 4 Головинского сельского общества, быв сего числа в общем собрании на нашем сельском сходе, составляющем из 82 домохозяев, на который явилось таковых 67 человек, более $\frac{2}{3}$, в присутствии сельского старосты нашего общества кр. Е. Полетуева,

имели суждение о выборе из среды себя опекуна над малолетними крестьянскими детьми Петром 9 лет, Любовью 7 лет, Григорием 6 лет, Антониной 4 года и Анной 2 года, оставшихся после смерти кр. д. Бол. Фаладово Алексея Алексеева Цепицина, на предмет возбуждения ходатайства в подлежащем суде против купца 1-й гильдии г. Вольска Саратовской губернии Николая Степанова Менькова о взыскании с него за увечье отца малолетних, Алексея Цепицина, от которого он и получил смерть.

По обсуждении вышеозначенного вопроса нашим приговором постановили: в опекуны на вышепоставленный предмет избрать и избираем мать малолетних Александру Степанову Цепицину, в чем, составляя сей приговор, и подписуемся: Иван Шашин, Михаил Новожилов, Петр Горбунов, Иван Зрюнин, Алексей Тюрин, Вас. Комлев, Павел Шашин, Иван Комлев, Фед. Зрюнин, Ал-др Савин, Ник. Тюрин, Дм. Цепицин, Гр. Чуркин, Ал-дра Макина, Петр Савин, Павел Горбунов, Петр Самойлычев, Иван Малахов, Алексей Чуркин, Афан. Елетин, Мих. Бутрюмов, Гр. Мазин, К. Зеленков, Ст. Полетуев, Дм. Павлычев, Ив. Овечкин, Ал. Соколова, Гр. Иванов, Ник. Полетуев, Анд. Морев, Ник. Рябинкин, Ст. Елетин, Ф. Трунов, А. Колбаков, Ф. Чуркин и др.

Канцелярия Нижегородского окружного суда
по гражданскому отделению,
фев. 19 дня 1909 г. № 15544, Н. Новгород
Крестьянке Александре Степан. Цепициной

Вследствие неисполнения Вами требований, изложенных в объявлении декабря 23 числа 1908 г. за № 15544 по распоряжению председательствующего и на основании 270 ст. Уст. Гражд. Суд., при сем Вам возвращается поданное в Нижегородский окружной суд декабря 17 дня 1908 г. прошение по делу с Меньковым о 3600 руб.

В получении сего объявления Вы должны дать расписку с обозначением времени получения.

Секретарь

Многие жители деревни Фаладово работали плотниками-баржевиками в Городецком затоне в начале XX века. Нелегкой была эта работа. Молодым, в возрасте 38 лет, ушел из жизни Алексей Алексеевич Цепицин. Вместе с ним плотничали на барже купца Менькова в Городецком затоне Иван Алексеевич Шашин, Михаил Иванович Новожилов и брат Дмитрий Алексеевич Цепицин.

Одной пришлось растить пятерых детей Александре Степановне Цепициной. Средний из детей, Григорий, пошел в отца, стал волгарем-плотником в Сормовском строительном цехе, о чем свидетельствуют документы:

1) Увольнительная записка № 171 от 17 февр. 1920 г.

Уволен в отпуск рабочий артели Демашова Цепицин Г. А. от 19 до 24 февр. 1920 г.

На отпуск согласны.

Старшой артели М. Демашов

2) Билет № 304 члена клуба волгарей Цепицина Г. А. от 4 нояб. 1920 г.

3) Удостоверение.

Дано сие Цепицину Г. А. в том, что он работает в Сормовском строительном цехе за № 29644.

Выдано на предмет получки за май 1922 г.

4) Отпуск № 213 от 14 июля 1922 г. Цепицин Г. А., цех. № 29644, отпущен с 15 июля по 1 авг. 1922 г. на две недели.

Расчетная членская книжка № 11 от 31 января 1924 года дает знать о том, что брат Григория Алексеевича, Петр Алексеевич Цепицин, состоял с 30 января 1924 года членом 1-го Нижегородского строительного и судоремонтного промыслово-кооперативного товарищества. Старший в семье Цепициных, Петр Алексеевич, тоже стал плотником.

28 января 1925 года Цепицин Григорий (1901 г. р.) вступил в брак с Гущиной Ольгой (1903 г. р.) из д. Б. Плесянки Зиняковской волости.

В 1926 году Г. А. Цепицин состоял на службе в управлении буксирно-сухогрузным флотом Волжского государственного речного пароходства в должности плотника 6-го разряда. Весной 1926 года он был направлен на работу плотником в Татарскую республику, Мензелинский уезд, в затон Набережные Челны, почтовый ящик № 16.

5 апреля 1926 года супруга Григория Алексеевича, Ольга Алексеевна, писала в письме: «В первых строках моего письма низко кланяюсь своему супругу, Григорию Алексеевичу. Посылаю искреннее почтение и надлежащую любовь. С любовью низко кланяются маменька, Александра Степановна, и бабушка, Александра Яковлевна, низкий поклон от Петра Алексеевича, и сношки Анны Петровны, и от всех остальных. Уведомляю я вас, Гриша, в том, что письмо ваше получила. Гриша, я вам долго не писала, потому что ходила три раза в Городец получать деньги. Только на третий раз получила за 3 месяца 18 руб. Гриша, я вам в прошлый раз писала насчет ситца. У нас ситец от 60 до 40 коп., а штанная материя — 2 руб. Купила я вам, Гриша, на две

рубашки ситца голубого и на одну — черного, а на штаны, Гриша, купите сами. Красивого сатина не было. У нас, Гриша, корма очень дорогие, сено 1 руб. 8 гривен, а соломы совсем нет, купила на 37 руб. и не знаю, хватит ли. Теперь кормим лошадь соломой, она стала поправляться. Гриша, вы писали насчет хлеба, не знаю, что ответить. Петра дома нет, он работает в Муромке, приедет на Благовещение, да привози хлеб, убытка не будет, у нас хлеб 2 руб. 80 коп. Своего хлеба, думаю, не хватит. Как вам, Гриша, сшить рубашки — с раскладным воротом или с простым? На том и до свидания, Гриша. Остаемся живы и здоровы, того, Гриша, и вам желаем. Пишите ответ».

Письмо от брата, Петра Алексеевича:

«12 апр. 1926 г. Во первых строках моего письма шлю сердечный привет братцу, Григорию Алексеевичу, от брата Петра Алексеевича, все, Гриша, кланяются тебе по низкому поклону. Дорогой братец Гриша, вы писали насчет хлеба. Точного ответа дать не могу, вам там виднее. А как думают твои товарищи? Хлеб, конечно, сейчас дорогой, мука 2 руб. 80 коп., в дальнейшем не знаю, какая будет цена. Если будет хлеб дорогой — закупай, здесь продадим с выгодой, а если недорогой — сможем оставить до зимы. Если можно, то купи мне недорогие сапоги. Живем хорошо. Приезжай к Пасхе домой, будем ждать. Погода холодная. Передай привет свояку Ивану Алексеевичу и всем нашим фаладовским соседям. Работаю в Муромке с поста, срубы пока не купил — очень дорогие. До свидания. Остаемся живы и здоровы, того и вам желаем.

С почтением ваш брат Петр Алексеевич Цепицин»

Согласно трудовому договору от 10 января 1927 года Григорий Алексеевич был принят на должность плотника 7-го разряда в пароходство местного сообщения НГКО в затон «Стрелка» на сдельную работу.

Григорий Алексеевич в 1927 году являлся членом Всесоюзного профессионального союза строительных рабочих Нижегородской губернии, был избран сборщиком по взиманию членских взносов среди работающих от трамвайно-механического треста. Получал членские взносы со всех членов союза. Отчитывался рабочему при ярмарке.

Вместе с Григорием Алексеевичем плотником в трамвайно-

механическом тресте работал и Горбунов Акиндин Петрович из д. Фаладово.

Г. А. Цепицин с 31 августа по 17 декабря 1927 года состоял на службе в пароходстве местного сообщения треста механического транспорта при Нижгоркомунотделе в должности плотника по 7-му разряду, получал 36 руб. 40 коп. в месяц.

Брат Григория Алексеевича, Петр Алексеевич Цепицин, житель д. Фаладово Зиняковской волости Городецкого уезда, в 1928 — 1929 годах имел 8,8 десятины земли, 2,05 десятины сенокоса, одну лошадь, две коровы, мелкий скот, а также доход от неземельных заработков (плотничал).

Григорий Алексеевич в январе 1928 года был принят на работу плотником в плотничный цех затона имени К. Маркса, с. Бор Нижегородской губернии. В 1930 году Г. А. Цепицин продолжал работать на водном транспорте — плотником в Борском затоне имени К. Маркса, ставка 65 руб. В августе 1931 года он хотел взять расчет ввиду домашних обстоятельств, написал заявление, но в расчете Григорию Алексеевичу отказали из-за нехватки хороших плотников, особенно баржевых. Так и остался он работать в затоне. Григорий Алексеевич был ударником первых трех пятилеток.

В затоне имени К. Маркса плотником работал и Иван Алексеевич Гушин из д. Фаладово.

Началась Великая Отечественная война. На фронт Григория Алексеевича Цепицина не взяли по брони. Работал он на Горьковском автозаводе.

В армию был взят старший сын Петра Алексеевича, племянник Григория Алексеевича — Александр. Летели в Фаладово письма-треугольники. Александр писал из Саранска своей любимой бабушке Александре Степановне Цепициной и всем родным:

«Пишу письмо 20 марта 1942 г. Здравствуйте, моя любимая баба, тетя, дядя, крестница Нюра и Фаина, сестра Антонина, братья Николай и любимый Миша и дорогие мои мама и папа! Шлю я вам пламенный красноармейский привет и желаю вам всего хорошего. Сообщаю, что жив, но не очень здоров. Наш взвод был в наряде целые сутки на кухне, и сильно зазябли ноги, болит голова, не дают дотронуться бока. Обмундирование еще не выдали, только обещают. Сухари кончаются. Ожидается медкомиссия, может, отпустят домой. Находимся все вместе в

одной роте, но в разных взводах, а спим в одном помещении. Баба, я в деревню пишу двенадцатое письмо, а ответа ни от кого не получил. Всем привет. Пишите.

До свидания. Ваш Александр Цепицин.
Мордовская АССР, г. Саранск п/я 36/23»

И еще одно письмо от Александра из Саранска:

«Пишу письмо 29 марта 1942 г., в воскресенье. Здравствуйте, моя милая баба, дядя, тетя, крестница Нюра, ненаглядная Фаина, родные мои мама, папа, братья Николай и любимый Миша. Шлю вам свой красноармейский привет и желаю вам всего доброго, хорошего.

Я жив и здоров. Кормят нас два раза: в 11—12 час. и 9—10 час. вечера. Сухарей у меня уже нет, хотя и покупал их две шапки на 80 руб. Получил письмо от крестницы Нюры 28 марта, спасибо ей за это.

Обмундирование выдали, кроме чесанок. Свои, из дома, я износил. Ноги сухими не бывают, всегда сырые и холодные. Спим на голых пружинных койках. Утром встанешь, и очень болят бока.

Баба, я каждое утро, утираясь полотенцем, тебя поминаю добрым словом. Баба, передай домой, что Сергей Березин хочет ехать к нам, с ним передайте мне хотя бы 2—3 колобучечки.

Вот все. Пишите. До свидания. Писал внучек Александр Петрович Цепицин, г. Саранск».

Семья Петра Алексеевича состояла из шести человек: жены — Анны Петровны, детей — Антонины, Александра, Николая, Михаила.

Не вернулся с фронта Александр, сын Петра Алексеевича и Анны Петровны, погиб, сгорел в танке на Курской дуге в июле 1943 года. Не дождалась внука его любимая бабушка Александра Степановна...

Петр Алексеевич Цепицин работал плотником на Балахнинском бумкомбинате, на фронт не был взят по брони. Жил в Фаладове. Ушел на пенсию в 1961 году. Умер 7 декабря 1978 года.

Григорий Алексеевич после войны плотничал на Сормовском заводе имени А. А. Жданова. Как и раньше, из дома до Сормова ходил пешком. Все же решил Григорий Алексеевич перейти на

плотницкую работу поближе к дому, в Балахну. Сначала работал в ЖДО, а потом на бумкомбинате. На пенсию ушел в 1963 году. Умер 1 сентября 1979 года. И Петр Алексеевич, и Григорий Алексеевич с плотницким ремеслом не расставались до конца дней своих.

Братья Цепицины из Фаладова оставили о себе добрую память в родных местах.

ФЕВРАЛЬ 1919 ГОДА

Тяжелым был этот месяц в стране. В городах рабочие получали в день 50—100 граммов хлеба, нередко вместо печеного хлеба давали немолотое зерно. Не во что было обуться, одеться. Трудно жилось и в деревне. Не хватало необходимых продуктов: хлеба, спичек, соли, мыла, керосина, сахара, чая; не отапливались дома. В скупых строках документа просматривается социально-экономическая и политическая жизнь села того времени...

ПРОТОКОЛ

соединенного заседания Николо-Погостинского
волостного исполнительного комитета
Совета рабочих и крестьянских депутатов
и членов комитета Николо-Погостинской
компартии большевиков
№ 6 11.02.1919 г.

Председатель исполкома П. И. Чирков, секретарь В. Чернышов, члены исполкома: Брунов, Бурлакин, П. Богданов, Мольков, М. Маликин, Распопов, Горбунов.

Население Николо-Погостинской волости чисто пролетарское, средства существования добывает отхожими промыслами, земледелие у большинства — подсобное к отхожему промыслу, крайне катастрофическое положение населения в хлебе, фураже. Часть населения — на работах в низовых губерниях, лошади едва лишь бродят от бескормицы, но выполнены наряды по распоряжению уездного военного комиссариата и вывозке дров для школ.

П о с т а н о в л е н о: Водяную мукомольную мельницу «Корепиха» из единоличного владения И. Н. Кузнецова изъять и передать в распоряжение Мокеевского промыслового кооперативного товарищества, чтобы

оно отчисляло средства в волостной исполком на содержание членов, 5% с валового дохода принять на счет «ремонта мельницы, внутреннего устройства и заделки плотины».

Население волости находится в катастрофическом положении. Часть питается хлебом с примесью колокольца (мякина, льняное семя). Хлебный продукт из льняных жмыхов выдавать неимущим по 8 фунтов на едока. Вывезти семя из волости — создать безысходное положение.

Просить губернский продкомитет разрешения волостному отделу разработать реквизированное семя маслобойных заводов в волости, чтобы получившийся жмых поступил населению для пропитания семей, ибо реквизированное семя принадлежит самому бедному населению, с большим трудом приобретаемому это семя путем покупки, но были лишены возможности таковым воспользоваться ввиду его реквизиции и обречены на голодовку, о чем сообщить агенту губ. комиссариата т. Шоронову.

П о с т а н о в л е н о: Единогласно избрали члена исполкома председателем волостного отдела народного образования П. Д. Богданова.

Председатель исполкома *Чирков.*

Секретарь исполкома *Чернышов*

СЕЛЬЦО-СПАССКОЕ, 1920-е ГОДЫ

ПРИКАЗ

14 февраля 1920 г., деревня Сельцо-Спасское

Председателю деревенского Совета дер. Сельца-Спасского

На основании распоряжения Балахнинского уездного отдела Управления и уездного исполкома от 14 февраля за № 213 волостной исполком приказывает Вам вменить в обязанность в Балахнинском лесничестве ежедневную вывозку дров с 23-го сего февраля и кончая до санного пути.

Означенные люди с лошадьми: Горохов Александр, Подшивалов Александр, Карпычев Иван, Гусев Алексей Петрович, Щелманов Федор, Гусев Алексей Осипович, Гудков Никанор Михайлович, Обухова Василиса, Обухов Павел Григорьевич, Селезнев Александр, Лопаткина Пелагея.

Все вышеозначенные граждане состоят в одном десятке и отправятся совместно в дер. Харенки к лесничему Левашееву и Демичеву 22-го февраля 1920 г.

Председатель 3-го о-ва *Гудков.*

Секретарь *Подшивалов.*

Председатель деревенского Совета *Андрей Масленников*

Андрей Иванович Масленников был родом из деревни Сидорово Кирюшинского волостного правления Балахнинского уезда Нижегородской губернии. Женат в 1896 году. Жена Масленникова Архелая Васильевна, из деревни Сельца-Спасского.

В нарсуд 4-го участка
Городецкого уезда
от гражданина
дер. Сельцо-Спасское
Зиняковской волости
Масленникова
Андрея Ивановича

Заявление

Я, Масленников, в настоящем заявляю нарсуду 4-го участка 21 ноября сего 1927 г. в присутствии судебного исполнителя тов. Иконникова при понятых того же Сельца-Спасского Лопаткина Д. Т., Пряхина А. А., Гудкова А. В.

Я выдавал при упомянутых лицах имущество того же Сельца-Спасского Е. Н. Гудковой, как, например, банные срубы. Когда пришла Гудкова к срубам, то позорила меня и клеветала в расхищении этих срубов, говорила, что украл отдельные деревья и потолок. Говорила, что срубов было 12 рядов и что видела, как Масленников таскал из них кряжи плотнику Гудкову Алексею Васильевичу для тески косяков и что он, конечно, вор — разворовал срубы.

Понятно, сельский исполнитель запрещал ей такое говорить, но не мог унять.

Когда собрали срубы, то оказалось — сруб в целости, и, понятно, я опасался, как сруб был не под надзором, то могли бы даже растаскать кто угодно.

На основании вышеизложенного прошу нарсуд за то, что Е. Н. Гудкова выводит меня из терпения, привлечь ее в уголовном порядке со строгой изоляцией. Прошу вызвать в свидетели вышеупомянутых понятых.

К сему Масленников

ПОДШИВАЛОВЫ ИЗ СЕЛЬЦА-СПАССКОГО

Подшиваловы — потомственные крестьяне, в последней трети XIX века жили своей семьей в центре Сельца. Но постигло их несчастье — сгорел дом, и пришлось хозяину, Александру Сте-

пановичу, новый дом выстроить на другом месте — в конце улицы. Так и стали семьей жить-поживать в новом, красивом, просторном деревянном доме.

Александр Степанович был сильным, высоким, статным, хозяином в доме, с бородой и добрыми, смеющимися глазами. У него росли три сына и дочь: Степан, Анастасия, Федор и Петр. Рано умерла жена — Александра, мать детей. Дети приучались к работе в хозяйстве: охраняли сад, убирали с поля снопы, вывозили навоз, помогали молотить хлеб молотилкой от конного привода, гоняя лошадь по кругу, веяли зерно, подбрасывая его лопатой вверх, отчего легкая пелера улетала в сторону, а чистое зерно падало вниз.

У Александра Степановича жил в Сельце брат — Иван Степанович, небольшого роста, с бородой. У Ивана Степановича и Марфы Алексеевны были дети: Федор и Татьяна. Дочь Татьяна вышла замуж в Николо-Погост за И. П. Кокурина. У Федора были дети: Евстолия, Зиновия, Николай, Сергей, Ольга.

Братья Иван и Александр Подшиваловы каждое лето рыбачили на Волге (жили на берегу в землянке). Им ежедневно из дома доставляли готовую пищу, домой они приходили только по субботам. Рыбу ловили большими и малыми неводами. За рыбой к ним приезжали на лодке из Канавина и Сормова Клыковы для своего магазина. Так, в лодке, заполненной водой, в город доставлялась свежая рыба. Зимой они рыбу ловили неводами и «мордами». Обычно братья и хлеб цепями молотили вместе, а потом молотить стали самодельной машиной соседа А. И. Чижова, которую брали напрокат.

Александр Степанович жил в выстроенном им доме с сыном Федором и снохой Анной Петровной (Цепициной). Дочь Анастасия вышла замуж и уехала в Кубенцево. Сын Петр был взят в армию, служил в Баку, да так и остался там жить.

Старший сын, Степан Александрович, тоже был рыбаком. Ловил рыбу и в озерах, и на Волге. Весной, в разлив, ловить можно было у деревни, а на сезонную ловлю покупалась определенная территория Волги и озер. Подшиваловы Степан Александрович, Иван Степанович и другие нанимали себе помощников и покупали на сезон ловли рыбы участок Волги и Костичьего озера за Волгой. Границы ловли устанавливал управляющий, проживавший в Николо-Погосте, которому пла-

тили и деньгами от продажи рыбы, и рыбой. (Управляющий требовал: «Чтобы стерлядка к такому-то дню была!»)

Степан Александрович был и хорошим плотником, строил дома по подрядам в деревнях Чередкове, Сивкове, Потневе, Сельце, Маркове и других (рубка, отделка, столярные работы).

Степан Александрович Подшивалов (1881—1944) женился на Марии Васильевне Храмовой (1882—1954), родом из деревни Бакунино. Отделился от отца и, получив землю, стал в 1904 году строить свой дом в Сельце. Все дети у них родились уже в новом доме (в этом доме сейчас живет Подшивалов Владимир Степанович).

Степан Александрович пел в церковном хоре, состоял в церковном приходском совете и в своем деревенском совете. До революции у него было две лошади и полное хозяйство.

Его жена, Мария Васильевна, небольшого роста, с русыми густыми волосами, была доброй, приветливой и заботливой хозяйкой. Она выполняла по хозяйству все работы и занималась воспитанием детей, которых очень любила, а их было пятеро — два сына, три дочери (и трое умерли): Мария (1906—1975), Анастасия (1907—1991), Михаил (1910—1980) Татьяна (1916—1986) и Владимир (1926 г. р.).

Степан Александрович, как хороший плотник, помогал детям строиться. Свой дом он передал младшему сыну — Подшивалову Владимиру Степановичу. Сам выстроил новый дом дочери Марии Степановне в деревне Старцево, куда она была выдана замуж за В. А. Брунова. Сын Михаил Степанович вместе с женой Валентиной Васильевной сами построили себе в Сельцедом.

Дочь Анастасия Степановна была очень похожа на мать, тоже невысокого роста, была хорошей помощницей родителям в домашних и хозяйственных делах. С 15 лет она работала в Сельце у мастеровитого Алексея Ивановича Чижова на мялке (мяли лен). Ночью хозяин сдавал мялку — нанимал работников за плату, а днем работал сам. В 1925—1927 годах работала она на ГОГРЭС уборщицей в турбинном цехе, затем на лесоповале для строительства бумкомбината. Умела шить, прясть, вязать. В 1935 году Анастасия Степановна вышла замуж за Крекова Николая Ивановича из Николо-Погоста. Жили они в доме свекра, Ивана Васильевича, в переулке, в деревянном двухэтажном доме на втором этаже. Степан Александрович помог дочери строить в Николо-Погосте дом. Перед войной Анастасия Степа-

новна и Николай Иванович с двумя детьми перешли жить в свой новый дом.

Дочь Татьяна Степановна работала в Балахне телефонисткой. Вышла замуж за военного летчика. С переводом воинской части в Москву жила с мужем в Домодедове.

Подшиваловы из Сельца, можно сказать, никогда не сидели без дела, были рыбаками, плотниками, работающими, крепкими семьянинами.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ЧЕРНАВИНЫХ

На рубеже XIX—XX веков в старинном именитом селе Николо-Погост проживали кустари, портные, сапожники, жестянщики, плотники, веревочники, каменщики, крестьяне, церковные служители, кузнецы, волгари, баржевики, торговцы.

Чернавины, коренные жители села, были торговцами — имели свою бакалейную лавку.

Старожилы говорят: «Без Чернавиных нет Погоста». Жива еще у сельчан добрая память о них. Чернавиных в Погосте давно нет, а вот дом их в Набережном переулке, что выходит на угол, сохранился. Он стоит рядом с домом В. И. Крекова. Однако узнать его почти невозможно: дом обветшал, осел, покосился и перестроен жильцами. Многим семьям пришлось жить в этом доме за последние 70 лет.

В начале века дом Чернавиных был двухэтажный деревянный. Вверху располагалась одна комната, внизу — бакалейная лавка (справа), сени и «низ» (кухня, она же столовая). Над вторым этажом дома, наверху, был мезонин.

Хозяин лавки, глава семьи — Александр Петрович (1878 г. р.) — был высокого роста, стройный, крепкий, с черными волосами и рыжей бородкой. Бакалейная лавка досталась ему по наследству от отца, Петра Ивановича. Он торговал сахаром, конфетами, крупами, мукой, рыбой, мясом (закупал скот и забивал его на своей бойне), а также керосином. Сохранился бумажный пакет с надписью:

«Мучная, рыбная и бакалейная торговля

П. И. Чернавина

в селе Н.-Погосте».

Женился Александр Петрович на девушке из Балахны. Наталья Федоровна была помоложе мужа (1881 г. р.), среднего роста, стройная, с густыми русыми волосами, по характеру добрая, степенная. Она была хорошей хозяйкой, сама выполняла все дела по дому и хозяйству. Состоятельные родители дали ей хорошее воспитание и привили любовь к труду.

Семья у Александра Петровича Чернавина была большая. Дети: Александра (1901—1983), Петр (1906—70-е), Нина (1912 г. р.), Екатерина (1914—1976), Николай (умер 9 лет), Александр (1921 г. р., погиб 22 мая 1942 г. на Украине), и пятеро детей умерли маленькими.

Отец Александра Петровича, Петр Иванович, в молодости был водоливом на барже. Вместе с ним работал и его брат Николай. (В доме Николая Ивановича теперь живет П. И. Дурашин). Потом Петр Иванович занялся торговлей в своей лавке. Многого повидал он за свою долгую жизнь. Недаром родственники, особенно внучата, с интересом слушали рассказы о приключениях деда.

Петр Иванович был среднего роста, полный, подвижный, покладистый, добрый, очень любил внучат. Он помогал сыну во многих делах: плотничал, пилил дрова, зимой подшивал валенки для семьи, летом делал красивые деревянные лопаточки для варки варенья, непрестанно хлопотал по хозяйству.

Какое-то время Петр Иванович пил. Его жена, Евдокия Дмитриевна, уговорила мужа сходить в Пуреховскую церковь к животворящему кресту. Он согласился. Шли пешком. В дороге в каждом кабаке Евдокия Дмитриевна давала мужу денег на чекушку. Возвратясь из Пуреха, Петр Иванович дал обет не пить и действительно больше не пил. Он неплохо играл на гармошке. Внучата любили своего деда. А умер он на глазах внучки Нины в 1924 году. Когда ему стало совсем плохо, дед попросил внучку позвать жену. Он только сказал ей: «Дуня, у меня что-то оторвалось» — и умер.

Евдокия Дмитриевна (1852 г. р.) — энергичная, подвижная, строгая по характеру женщина, была хорошей хозяйкой, очень хорошо и вкусно готовила. Даже в голодные 1918—1921 годы она умудрялась печь вкусные пироги из ржаной муки с пареной брюквой. А какие пироги были с плетками (щавелем) с лугов!

За столом вся семья хлебала из одного блюда деревянными ложками. По утрам дети выпивали по кружке молока. Завтра-

кали все вместе. Прежде чем сесть за стол, следовало помолиться. Детей за чавканье отец щелкал по лбу ложкой. Пили чай с маленькими кубиками черного хлеба (обмакивали кубики в сладкой воде и подсушивали в печке на противне).

Хозяйство Чернавиных было крепкое, трудились они с утра до темноты. Их огород располагался за домом, «на задах», а сад — у дома.

Раньше всех вставали взрослые. Весной и детей поднимали пораньше на разброску навоза. Старшая дочь, Александра, пахала плугом, а Александр Петрович сам сеял в поле. Полосы Чернавиных выделялись из всех других, так как засевались, как правило, отборными семенами. В их хозяйстве были лошадь, одна-две коровы, овцы, свинья, куры. Дети как-то одну овцу приучили к конфетам, а лошадь — к сахару.

Летом ребята пололи грядки в огороде по заданию бабушки. За это она их отпускала купаться на озеро. Зимой они отгребали, убирали снег, приносили дрова для печки. Приходилось вывозить на санках дрова из леса и подобранное от стогов в лугах сено.

Некрашенный пол на кухне мыли дресвой — колотым, толченым кирпичом. Спали четверо малых детей на полу, и им мать поочередно грела зимой подушки у изразцовой печи. Старшие дети спали на кроватях.

Всем в семье, особенно ребятам, нравились праздники. В Крещение все жители села и окрестных деревень шли на озеро к проруби на молебен, а потом некоторые смельчаки в ней купались; другие, вернувшись с озера, обливались крещенской водой во дворе дома или в огороде.

В Масленицу по селу с утра до вечера катались на санках. Приезжали и из деревень. Лошади были украшены лентами, цветами. Собиралось множество народу, а вечером на другой стороне озера разводили большой костер и выкрикивали новости села.

Детям в семье отмечали не дни рождения, как в наше время, а дни ангелов, дарили им по серебряному рублю.

Строго соблюдались посты. Для детей тоже не было исключений. В Прощеное воскресенье, перед Великим постом, приходили старшая дочь, Александра Александровна, с мужем, Петром Дмитриевичем Богдановым, к родителям, становились на колени перед ними и просили прощения.

Александра Александровна и Петр Дмитриевич пели в церковном хоре. Регентом был А. И. Маликин. Спевки проводили под колокольной, а детям разрешали на печке (помещение отапливалось) слушать хоровое пение. Во время Великого поста, в Страстной четверг, когда читают «Двенадцать Евангелий», Петр Дмитриевич пел своим красивым голосом молитву «Разбойника благоразумного». Нищих тогда было немало, им в милостыне не отказывали, хотя большинство сельчан жили скромно.

Великое торжество проходило в день Пасхи. Вся церковь, ограда, особенно колокольня, были в огнях. На колокольне, в круглых окошках под куполом, прихожане махали факелами, а во всех пролетах горели огни — плошки со смолой и льняным отрешем. Гремели залпы фейерверков. Волга весной в то время разливалась до горы, и по воде праздничный шум разносился на большое расстояние. Естественно, в подготовке к празднику принимали участие и Чернавины. В этот день завтракали очень рано, потом взрослые ложились отдыхать, а дети шли катать на улице яйца. После поста было все, как никогда, вкусно!

В Троицу старшие девочки ходили в луга за незабудками. В церкви часто совершались молебны. Несколько раз из Городца приносили икону Божией Матери. Дети бежали встречать ее в Старцево, а жители Погоста выходили на улицу. Эта процессия, крестный ход, молебен превращались в большой духовный праздник.

Вечерами по шихану (горе, угору) по направлению к деревне Щекино гуляла молодежь — это было любимое место отдыха сельчан. Внизу — заливные луга, разлив Волги, шум воды. Красота!

Чернавины выписывали и читали журналы «Нива» и «Живописное обозрение». В доме было немало книг. Наталья Федоровна в основном читала церковные книги.

Все сельские дети были приучены здороваться со старшими. В семье Чернавиных не были приняты ссоры как между детьми, так и с соседями. Спорные вопросы, как правило, разрешались мирно.

Дети играли самодельными игрушками, обычно их делали из бумаги, а куклы шили из тряпок. В 1917 — 1925 годах в Погост приехало много татар. Одна татарка, тетя Саша, нашла для чернавинских девочек кукол из тряпок и научила их этому

ремеслу. Запомнились похороны тети Саши на горе под сосенками и по направлению к Петрушину. В нишу, подкоп в могиле, положили тело покойной, обернутое в белую ткань, без гроба.

Немалым спросом пользовались в Погосте веревки. За строениями Чернавиных, на задах, дед Михаил Ковровский в сарае плел их. Детей очень интересовала его работа, они часто заходили к нему и помогали.

Александр Петрович Чернавин, крепкий, хваткий хозяин, не любил сидеть сложа руки. Он ездил за товаром, выезжал с ним на базары. Торговал в основном с сыном Петром. Александр Петрович своим покупателям отпускал товар и в долг, записывал все в специальную книжицу. Покупатели с ним потом расплачивались.

В местном озере водилось в те годы много рыбы. Александр Петрович ставил «морды» — плетенные из прутьев продолговатые корзины. В доме готовили щучью икру, ели ее с подсолнечным маслом, а не с льняным, которое было в обиходе. Ловил он в этом озере и раков.

А. П. Чернавин был добрым человеком. В трудные моменты он всегда приходил на помощь людям. Так, священник, отец Петр Листов, помешавшись разумом, избил гирей своих сыновей, Колю и Алешу, и их надо было срочно везти в больницу. Соседи прибежали к Александру Петровичу, попросили его, и он тут же отвез ребят. Отец Петр потом повесился.

Был и такой случай, когда Александр Петрович достал утонувшего в озере мальчика. Для определения места его нахождения сначала опустили в воду горшок с ладаном, а потом Александр Петрович нырнул и вытащил тело утонувшего.

И на учебу в Городец он, бывало, отвозил на лошадях не только своих детей, но и других ребят из села.

У Чернавиных всегда был полон погреб продуктов и овощей, заготовленных впрок: картошки, капусты, соленых огурцов, квашеной капусты, моченых яблок с брусникой, соленых грибов, свеклы, брюквы. На кухне под лавками хранились тыквы.

В 1917—1923 годах Александр Петрович зимой на санках привозил из Балахны, из больших колодцев у лесопилки, соленую воду, а дома в больших железных тазах выпаривал ее, и получалась соль «балахонка», которую меняли на хлеб, зерно, спускаясь на лодке вниз по Волге.

А. П. Чернавин со своим братом каждую весну, во время разлива Волги, ловили бревна на дрова. Иногда он на лодке под парусом вместе со старшими детьми совершал прогулки до Городца. Это было для всех настоящим праздником!

Хозяйка дома, Наталья Федоровна, была скромной, старалась никого не осуждать. Однажды соседка стала рассказывать ей о непристойном поведении одной девушки. Наталья Федоровна ей ответила: «У тебя четыре дочери, у меня — три, какими они будут — трудно сказать...» Муж относился к ней внимательно, привозил ей всегда гостинцы, в том числе и любимые ею городецкие пряники, коврижки.

Наталья Федоровна плела кружева на коклюшках. Этому искусству она научилась от матери в Балахне. Уже в двенадцать лет она плела кружева как взрослая и заработала себе на шубу.

Умело она управлялась в своем хозяйстве. Много было стирки у Натальи Федоровны от большой семьи. Белье сначала простирывала в корыте, потом отбеливала в кадке с золой при помощи кипятка, разогретых камней-булыжников и железных плиток. Сушила на чердаке, летом — в саду, огороде. Гладила белье катками с валиком, а иногда и утюгом на углях.

В 1928 году А. П. Чернавин был признан «лишенцем». Постановлением никола-погостинской сельской избирательной комиссии Чернавин Александр Петрович лишился избирательных прав как бывший торговец.

25 июня 1930 года он направил прошение в Нижегородский окружной исполком: «Я с 1923 по 1927 г. торговал на основании удостоверения общества граждан Н.-Погоста личным трудом, без найма рабочих рук, своей семьей. С мая по 17 августа 1927 г. был заведующим балахнинской скотобойней, с 26 августа 1927 г. по 20 марта 1929 г. — зав. рабочим отделением Балахнинской ЦРК, с 1 мая по 9 декабря 1929 г. — ответственным продавцом мясного отделения Николо-Погостинского потребительского общества, с 1 февраля по 3 апреля 1930 г. работал в Балахнинском лесничестве, с апреля 1930 г. — рабочим на торфоразработках в Чернораменке. Выполнял и общественную работу в пожарной службе. Теперь состою на бирже труда под № 20555.

Работая в государственных и кооперативной организациях в течение трех лет, я добросовестно относился к своим обязанностям, не имел никаких замечаний и жалоб, не говоря уже о проступках. Не судился, под следствием не был, налоги платил

и плачу аккуратно, подрывной деятельностью не занимался. Прошу восстановить меня в избирательных правах.

Проситель Чернавин»

Жалобы и прошения А. П. Чернавин направлял в Балахнинскую спецкомиссию по пересмотру списков и жалоб лишенных избирательных прав.

Из постановления заседания Балахнинской спецкомиссии: «А. П. Чернавин являлся крупным торговцем до 1927 г. Лишен избирательных прав как бывший торговец. Постановление Н.-Погостинского с/совета подтвердить и в просьбе отказать».

Последнее прошение А. П. Чернавин послал в Нижкрайизбирком в ноябре 1930 года. Вот каким был ответ: «Выписка из протокола № 21 заседания Нижкрайизбиркома от 18 ноября 1930 года: Чернавину в предоставлении избирательных прав отказать».

Сын А. П. Чернавина, Петр Александрович, торговавший с отцом, был восстановлен в избирательных правах в июле 1930 года.

Заседание комиссии по рассмотрению жалоб лишенных избирательных прав при президиуме Нижегородского окружного исполкома от 9 июля 1930 года постановило: «Принимая во внимание, что Чернавин П. А. с женой (Клюевой Марией Александровной) проживает в хозяйстве своего отца-лишенца, но в материальной зависимости от него не находится, так как с 15 марта 1926 г. работает по найму, решение районной спецкомиссии от 15.04.30 г. отменить и П. А. Чернавина с женой в избирательных правах восстановить».

В 1931 году А. П. Чернавин был раскулачен как бывший торговец.

Александр Петрович, его жена Наталья Федоровна и их младший сын Александр (1921 г. р.) были высланы на Урал, а двух дочерей, Нину и Екатерину, с родителями не отправили, оставили в Нижнем Новгороде на Ромодановском вокзале. Уполномоченные по отправке эшелона приказали Александру Петровичу вещи дочерей выставить на перрон. Так они вернулись одни домой, в Погост.

Жили ссыльные на Урале в землянке. Наталья Федоровна вскоре заболела и умерла от скоротечной чахотки, там и похоронена. Сыну Александру было разрешено вернуться в

Погост. В первые же дни Великой Отечественной войны он был взят на фронт. 22 мая 1942 года Александр погиб на Украине.

Вернувшись с Урала, Александр Петрович работал в Балахне в Чернораменском торфотресте.

Умер он в 1940 году. Похоронен в Николо-Погосте.

Какова же вина Александра Петровича Чернавина перед советской властью, за что он и его семья так пострадали? Никакого преступления он не совершил, не был вором, грабителем, преступником, на содержание семьи зарабатывал своим умом и трудом.

Прошло с той поры много лет. Александр Петрович Чернавин реабилитирован посмертно в 1989 году.

Торговцами в Николо-Погосте были: Шиковы, Д. Мохов, Чернигин, Червяков, Гурины, Максимычевы, А. П. Шалявин, К. И. Осинин, П. Ф. Матвейчев, А. Я. Мохова, Е. Соколова, Л. Шадрина, И. М. Осинин и др.

ЛИШЕННЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА (Лишенцы)

В 1928—1929 годах в стране началась коллективизация. Крепкие хозяева (кулаки) по своей природе были экономически свободные товаропроизводители, они не вписывались в рамки административного регламентирования экономики.

Руководство нажимало на крепких хозяев, опираясь на широкую бедняцкую массу, подвергая их репрессиям (аресты, судебные процессы). Такое постановление было принято в январе 1928 года. Человека лишали избирательного права (лишенцы) и раскулачивали — конфисковывали имущество, лишали свободы.

С февраля 1930 года законом были запрещены земельная аренда и наемный труд. На местах репрессии осуществляли секретари и активисты парторганизаций, работники исполкомов Советов, энтузиасты-коллективизаторы. «Критерии» признаков кулацких хозяйств: наличие мельницы, крупорушки, маслобойни (с механическим двигателем); систематическая сдача в наем сельхозмашин с механическим двигателем; сдача в наем обору-

дованных помещений под жилье или предприятие; занятие торговлей, ростовщичеством.

Если хозяйство обладало хотя бы одним из перечисленных признаков и имело доход на едока 300 руб. в год, его относили к кулацкому.

В феврале — марте 1930 года началось массовое раскулачивание. Вот неполный перечень лишенцев Николо-Погостинского сельсовета:

Селезнев Григорий Иванович (д. Лосево), 1872 г. р., согласно ст. 22, как ранее служивший в жандармском отделении.

Осинин Иван Михайлович (д. Бакунино), 1892 г. р., как торговец, использовавший наемный труд с целью извлечения прибыли. Осинина Ольга Николаевна, 1877 г. р., как член семьи.

Морозов Дмитрий Дмитриевич (д. Бакунино).

Седов Павел Андреевич (д. Митенское), 1872 г. р., как бывший конный стражник.

Прыгунова Анна (д. Митенское), как бывшая торговка.

Горнов Дмитрий Яковлевич (д. Чистомежное), 1862 г. р., за использование наемного труда с целью извлечения прибыли.

Горнова Ольга Васильевна, 1885 г. р., как член семьи. Горнов Иван Дмитриевич, как член семьи. Горнова Анфиса Дмитриевна, как член семьи.

Привалов Степан Максимович (д. Чистомежное), 1897 г. р., как лицо, прибегавшее к наемному труду с целью извлечения прибыли. Привалова Глафира Ивановна, 1897 г. р., как член семьи. Привалова Дарья Ивановна, 1868 г. р., как член семьи.

Шеплонов Николай Васильевич (д. Чистомежное), как перекупщик скота.

Гудков Дмитрий (д. Чистомежное) за использование наемного труда, и четыре члена семьи тоже лишенцы.

Клюев Николай Николаевич (д. Старцево), 1898 г. р., как лицо, использовавшее наемный труд. Клюева Пелагея Семеновна, 1902 г. р., как член семьи.

Уточкина Любовь Николаевна (д. Старцево), 1902 г. р., как бывшая торговка.

Кокурина Анна (д. Фаладово), как умалишенная.

Клещев Михаил (д. Фаладово), как умалишенный.

Клещева Мария (д. Фаладово), 1904 г. р., как умалишенная.

Новожилова Александра Николаевна (д. Фаладово), как имеющая от отца ветряную мельницу.

Матвейчев Павел Федорович (д. Копенное), 1869 г. р., как бывший мясной торговец. Матвейчева Анна Павловна, 1877 г. р., как член семьи. Матвейчев Андрей Павлович, 1903 г. р., как член семьи, Матвейчев Александр Павлович, 1908 г. р., как член семьи.

Павлычева Мария Васильевна (Сельцо).

Пряхин Николай Алексеевич (Сельцо), 1877 г. р., как служитель религиозного культа (псаломщик). Пряхина Прасковья Алекс., 1883 г. р., как член семьи.

Привалов Федор Макарович (Сельцо), 1893 г. р., как лицо, использовавшее наемный труд с целью извлечения прибыли. Привалова Зинаида Ивановна, 1891 г. р., как член семьи.

Привалов Федор Макарович имел свою валяносапожную мастерскую. В ней работники валяли на заказ сапоги. Федор Макарович шерсть закупал и имел своих овец. В 1930 году его семья была лишена избирательных прав, а на следующий год Федора Макаровича вместе с женой Зинаидой Ивановной и дочерью Александрой выслали на Урал. В большом, красивом двухэтажном доме (низ каменный, верх деревянный) поселилась семья Павлычева: сын Александр Васильевич, дочь Мария Васильевна и старики Павлычевы. Вскоре низ дома был отобран совхозом и заселен рабочими.

После войны Федор Макарович с Зинаидой Ивановной вернулись домой с Урала, а их дочь, Александра Федоровна, вернулась еще до начала войны, вышла вскоре замуж за Василия Локтева, парня из деревни Щекино, и жила в г. Горьком.

Федор Макарович умер в середине 60-х годов.

Осинин Капитон Иванович (Николо-Погост), 1893 г. р., торговец мясом. Осинина Пелагея Ивановна, 1888 г. р., как член семьи. Евдокия Федоровна, теща, 1856 г. р., как член семьи.

Чернавин Александр Петрович (Николо-Погост), 1878 г. р., торговец. Чернавина Наталья Федоровна, 1881 г. р., как член семьи. Чернавин Петр Александрович, 1905 г. р., как член семьи. Чернавина Мария Александровна, как член семьи. Чернавина Евдокия Дмитриевна, 1852 г. р., как член семьи.

Мохова Анна Яковлевна (Погост), как бывшая торговка.

Соколова Евдокия (Погост), как бывшая торговка.

Щадрина Любовь (Погост), как бывшая торговка.

Максимычев Дмитрий (Бакунино), как скупщик мяса, торговец.

Чечерин Иван Семенович (Сельцо), 1869 г. р., как лицо, использовавшее наемный труд с целью извлечения прибыли. Чечерина Анна Петровна, 1873 г. р., как член семьи.

Гудков Александр Васильевич (Сельцо), как лицо, использовавшее наемный труд. Его жена, как член семьи

Чечерин Василий Львович (Сельцо), как торговец. Чечерина — жена, как член семьи.

Селезнев Александр (Сельцо), как торговец. Селезнева — жена, как член семьи.

Шалявин Александр Павлович (д. Бакунино), как торговец мясом.

Из постановления заседания Балахнинской спецкомиссии
по пересмотру списков и жалоб лишенных избирательных прав
3 июля 1930 года

Восстановить в избирательных правах гр. с. Н.-Погост Золотарева Евгения Васильевича, бывшего кустика, валяно-сапожника, использовавшего наемный труд, лишенного избирательного права в 1928 году.

Постановление избиркома Н.-Погостинского с/совета
19 февраля 1930 года

Принимая во внимание, что слепую от рождения девочку оставлять опасно, нужен надзор в виде постороннего лица — няни, которую и нанимали по летам, избирком Н.-Погостинского с/совета Жирякова Александра Ивановича и членов его семьи восстанавливает в избирательных правах.

Председатель *Зверев*
Секретарь *Кокурин*

Заседание Балахнинской спецкомиссии
по пересмотру списков и жалоб лишенных избирательных прав
от 15 апреля 1930 года

С л у ш а л и: Заявление о восстановлении избирательного права гр. Жирякова Александра Ивановича из д. Бакунино. Лишен дополнительно в 1930 году за использование наемной рабочей силы.

П о с т а н о в и л и: С решением Н.-Погостинского сельсовета от 19.02.1930 г. согласиться и в избирательных правах восстановить.

Председатель *Зверев*
Секретарь *Кокурин*

Выписка из протокола № 6 заседания Балахнинской спецкомиссии
по пересмотру списков и жалоб лишенных избирательных прав
от 20 января 1930 года

С л у ш а л и: Заявление о восстановлении в избирательных правах гр. Ерикова Ивана Андреевича д. Елхово (лишен как бывший торговец).

П о с т а н о в и л и: Как неправильно лишенного, из списков исключить.

ДУХОВЕНСТВО НИКОЛО-ПОГОСТА

Соколов Василий Алексеевич, 1891 г. р., служитель культа.

Соколова Вера Ивановна, 1893 г. р., жена служителя культа.

Вознесенский Василий Павлович, 1890 г. р., служитель культа.

Вознесенская Клавдия Григорьевна, 1886 г. р., жена служителя культа.

Вознесенский Павел Васильевич, как член семьи.

Вязовский Александр Андреевич, 1848 г. р., служитель культа.

Вязовская Софья Александровна, 1881 г. р., как член семьи.

Вязовский Владимир Александрович, 1885 г. р., служитель культа.

Вязовская Вера Михайловна, как член семьи.

Покровский Константин Васильевич, 1896 г. р., служитель культа.

Покровская Пелагея Григорьевна, 1892 г. р., как член семьи.

Пряхин Николай Алексеевич, 1877 г. р., служитель культа.

Пряхина Прасковья Алекс., 1883 г. р., как член семьи.

Мартынов Александр Иванович, 1887 г. р., служитель культа.

Мартынова, жена, как член семьи.

Белякин Дмитрий Степанович, 1885 г. р., церковный староста.

Сергиевский Сергей Иванович, служитель культа (священник).

Сергиевская Мария Андреевна, жена служителя культа.

Священник Вознесенский Василий Павлович (1890 г. р.) в

1931 году публично через газету отказался от церкви и порвал с ней всякую связь.

В президиум
Николо-Погостинского с/совета
гражданина с. Н.-Погост
Вознесенского Василия Павловича

Заявление

С 1 января 1931 года я публично через газету № 9 «Новая Балахна» отказался от церкви и порвал всякую связь с ней, а с 1 апреля 1931 года и по настоящее время работаю счетоводом при Н.-Погостинском сельпо и принимаю участие в струнном оркестре в местном клубе.

Будучи нетрудовым элементом по своему социальному положению, с 1910 до 1915 года — псаломщик, с 1915 до 1924 года — диакон, с 1924 по 1930 год — священник. У меня все же было стремление принести хоть некоторую пользу для общества, а потому я работал с 1912 по 1914 год в ревизионной комиссии местного крестьянского товарищества и сельского потребительского кооперативного общества, с 1914 по 1915 год — счетоводом общества потребкооперации при членах правления означенных организаций Чуркина И. С., Калининкова М. Д., Бурмистрова А. С., Брунова А. И., Козина М. П. и других соучастниках и еще ныне живых свидетелях нашей совместной работы.

В 1919 году работал в качестве волостного статистика в Погостинской волости, в 1920 году состоял счетчиком при Балахнинском уездном статистическом бюро, в 1923—1924 годах участвовал по динамической переписи в Кирюшинской волости Городецкого уезда.

Ввиду вышеизложенного прошу президиум сельсовета восстановить меня в избирательных правах. При сем прилагаю документы, подтверждающие изложенное.

Н.-Погост. 27.08.1932 г.

В. Вознесенский

Отзыв В. П. Вознесенскому

Председатель правления Н.-Погостинского сельпо Петр Алексеевич Копылов дает характеристику из наблюдений по совместной работе.

Вознесенский В. П. 1 апреля с. г. был принят на работу в сельпо счетоводом. К порученной работе относился добросовестно, случаев небрежного отношения к делу не было. Дисциплинарной меры взыскания не было. Отказа от порученных дел не замечалось. Активно участвовал в проведении выполнения мобилизации средств оказания помощи в перевыполнении плана за III квартал 1931 г. Со стороны РПС под личную ответственность поручались неоднократно ответственные сложные ра-

боты, что им аккуратно и добросовестно выполнялось.

Председатель правления
Н.-Погостинского сельпо Балахнинской РПС *Копылов*
с. Н.-Погост, 10 октября 1931 г.

Отзыв о работе

В. П. Вознесенский работал в качестве волостного статистика в Н.-Погостинской волости в 1919 г., а в 1920 г. состоял счетчиком при Балахнинском уездном статистическом бюро, что удостоверяю своей подписью.

г. Балахна, 1921 г. июля 3 дня
Зав. Балахнинским уездным статистическим бюро

В. П. Вознесенский участвовал с 1923 по 1924 г. по динамической переписи в Кириюшинской волости Городецкого уезда.

05.08.1924 г.
Зав. Городец. уезд. статистич. бюро (*подпись*)

Выписка из протокола

№ 16 от 22 октября 1932 г.

заседания президиума Н.-Погостинского с/совета

В о п р о с: Разбор заявления о восстановлении избирательных прав.

С л у ш а л и: Заявление гр. Вознесенского В. П.

П о с т а н о в и л и: Вознесенский, бывший священник при Н.-Погостинской церкви, который отказался от служения религиозного культа в 1931 г. 1 января, объявивший об этом через печать в газете. С момента окончания церковной службы работает в сельпо в должности счетовода и проверен в устойчивости в проведении советских мероприятий, на что имеется характеристика от Копылова П. А., и прочие участия в общественных организациях, на что имеются справки. Постановили восстановить в избирательных правах Вознесенского В. П.

22.10.1932 г.
Секретарь (*подпись*)

Выписка из протокола

заседания президиума РИКа

№ 7 от 10.03.33 г.

С л у ш а л и: Ходатайство служителя бывшего религиозного культа с. Н.-Погост Вознесенского о восстановлении в правах гражданства.

П о с т а н о в и л и: Решение Погостинского с/совета от 22.10.32 г. № 16 как противоречащее информации § 38 гл. 5 отменить. Вознесен-

скому в восстановлении в правах гражданства отказать, как не имеющему 5-летнего стажа общественно полезного труда.

Выписка верна: управление РИКа, *Ульянычев*.

Постановление

президиума Горьковского краевого исполкома
№ 17/10 28.06.33 г.

С л у ш а л и: Ходатайство Вознесенского о восстановлении в избирательных правах.

П о с т а н о в и л и: Ввиду того что Вознесенский до 1931 г. был священником, решение РИКа утвердить и в ходатайстве Вознесенскому отказать.

Выписка из протокола

заседания президиума Балахнинского РИКа
№ 18 от 21.06.36 г.

С л у ш а л и: Выписку из протокола № 18 заседания президиума Погостинского с/совета от 14.05.36 г. по вопросу восстановления в избирательных правах Вознесенского, проживающего в Николо-Погосте, работающего счетоводом сельпо, лишенного в 1928 г., как служителя религиозного культа.

П о с т а н о в и л и: Принимая во внимание, что в 1931 г. Вознесенский добровольно отказался от служения религиозному культа, в течение 5 лет занимался общественно полезным трудом, члены семьи тоже заняты общественно полезным трудом, один сын находится в рядах Красной Армии. За последний год работы сельпо в силу хорошей постановки учета растраты по магазинам изжиты, по решениям РПС оказывал серьезную помощь другим сельпо в составлении балансов. За хорошую работу счетного дела Вознесенский правлением премирован, имеет положительные производственные характеристики о работе, поэтому постановление президиума Николо-Погостинского с/совета от 14.05.36 г. подтвердить, ходатайство Вознесенского о восстановлении в избирательных правах удовлетворить.

Просить президиум крайисполкома данное решение утвердить.

Выписка верна.

Зав. общим отделом РИКа *Ульянычев*

Балахнинскому райисполкому

Сектор жалоб Горьковского крайисполкома возвращает вам материал по вопросу восстановления в избирательных правах гр. Вознесенского с. Н.-Погост и разъясняет, что согласно ст. 38 избирательной инструкции

ВЦИК служителя религиозного культа может восстановить в избирательных правах райисполком, поэтому никакого утверждения вашего решения со стороны крайисполкома не требуется.

Заведующий с/жалоб *Федотов*
Ответственный исполнитель *Гильбштейн*
05.07.36 г.

НИКОЛО-ПОГОСТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В 1923—1930 ГОДАХ

В направленном в 1925 году в Нижегородский губернский отдел управления через Городецкий уездный отдел управления заявлении от никола-погостинской религиозной автономной общины православных на основе греко-российского исповедания христиан говорилось:

«Прилагаем при сем устав общества, список членов общества, список членов исполнительного органа, список служителей культа никола-погостинского религиозного общества. Список служителей культа просим отдел управления зарегистрировать его.

Председатель приходского совета А. Вязовский.

Члены: Белякин, Чернавин, Подшивалов, Богомазов, Козин, Дунаев».

Устав никола-погостинского религиозного христианского общества включал разделы: задачи общества, состав общества, средства общества, управление делами общества, порядок изменения устава общества, порядок закрытия общества.

Председатель приходского совета — протоиерей Ал. Вязовский.

Члены: Богомазов, Толчков, Подшивалов, Козин, Чернавин, Белякин, Баринов.

Члены причта: Селезнев, Рукавишников, Седова, Голодухин, Осинин, Чичерин, Максимычев, Цепицин, Неимущева.

Список членов церковного совета с. Николо-Погост Городецкого уезда Нижегородской губернии

Члены причта:

1. Протоиерей Александр Андреевич Вязовский, председатель, священник, земледелец, 79 лет, женат, в семье 7 человек.
2. Священник Петр Феофилович Листов, член, священник и земледелец, 52 года, 6 человек.
3. Диакон Василий Павлович Вознесенский, член, диакон и земледелец, 33 года, 8 человек.
4. Псаломщик Александр Иванович Мартынов, член, псаломщик и земледелец, 36 лет, 2 человека.
5. Псаломщик Николай Алексеевич Пряхин, член, псаломщик и земледелец, 45 лет, 7 человек.

Члены:

6. с. Николо-Погост: Иван Степанович Чуркин, член, земледелец, 58 лет, семейное положение — 2 человека.
7. д. Бурково: Михаил Петрович Козин, помощник церковного старосты, земледелец, 58 лет, 10 человек.
8. д. Савино: Павел Федорович Долинин, церковный староста, земледелец, 35 лет, 9 человек.
9. д. Сысово: Александр Васильевич Рукавишников, член, социальное положение — земледелец, 68 лет, 7 человек.
10. д. Бакунино: Александр Петрович Максимычев, член; 58 лет, земледелец, 11 человек.
11. д. Медведково: Иван Михайлович Толчков, член, земледелец, 57 лет, вдовец, 5 человек.
12. д. Чистомежное: Дмитрий Яковлевич Горнов, член, земледелец, 52 года, 5 человек.
13. д. Щекино: Михаил Александрович Богомазов, член, земледелец, 52 года, 5 человек.
14. д. Суздалево: Михаил Александрович Белякин, член, земледелец, 55 лет, 5 человек.
15. д. Петрушино: Дмитрий Степанович Белякин, член, земледелец, 42 года, 6 человек.
16. д. Савино: Алексей Павлович Дунаев, член, социальное положение — земледелец, 46 лет, 6 человек.
17. д. Долганиха: Иван Алексеевич Грачев, член, земледелец, 41 год, 11 человек.

*Член приходского совета, священник Петр Листов,
диакон В. Вознесенский, псаломщик Н. Пряхин*

**Список членов причта
с. Никольский Погост
Городецкого уезда Нижегородской губернии**

1. Соколов Василий Александрович — священник.
2. Вознесенский Василий Павлович — священник.
3. Вязовский Александр Андреевич — священник.
4. Покровский Константин Васильевич — дьякон.
5. Мартынов Александр Иванович — псаломщик.
6. Пряхин Николай Алексеевич (д. Щекино) — псаломщик, крестьянин.

Все члены причта — лица духовные, особого имущества не имеют.

*Председатель приходского совета:
протоиерей Александр Вязовский
Секретарь: священник Петр Листов*

**Список уполномоченных
николо-погостинской религиозной
автономной общины православных
на основе греко-российского исповедания христиан,
избранных 27 мая 1923 года,
Николо-Погостинской волости Городецкого уезда
Нижегородской губернии**

1. д. Щекино, Богомазов Михаил Алекс.
2. д. Сельцо, Подшивалов Степан Алекс.
3. д. Восчестниково, Павлычев Михаил Дмитр.
4. д. Долганиха, Грачев Иван Алекс.
5. д. Чередково, Нефёдичев Алекс. Степ.
6. д. Николо-Погост, Чернавин Алекс. Петр.
7. д. Бурково, Козин Михаил Петр.
8. д. Савино, Долинин Павел Федор.
9. д. Сысово, Рукавишников Александр Васил.
10. д. Гордеево, Кузьмичев Василий Иван.
11. д. Басурманиха, Кириллов Иван Мих.
12. д. Суздалево, Белякин Михаил Алекс.
13. д. Харламиха, Ревяков Сергей Иван.
14. д. Медведково, Толчков Иван Мих.
15. д. Лисицыно, Рукавишников Петр Алекс.
16. д. Чистомежное, Привалов Степан Макар.

17. д. Ковалево, Баринов
18. д. Бутаково, Ососков Иван Степан.
19. д. Крестьяниха, Бутрюмов Андрей Вас.
20. д. Бакунино, Пылайкин Михаил Алекс.
21. д. Плесянки, Милов Алексей Степан.
22. д. Савино, Дунаев Алекс. Павлов.
23. д. Безводное, Пронин Иван Макс.
24. д. Щекино, Чечерин Петр Семенов.
25. д. Шипилово, Грачев Матвей Никол.
26. д. Петрушино, Белякин Дмитрий Степ.

*Председатель приходского совета:
протоиерей Ал. Вязовский.*

Секретарь: священник Петр Листов.

*Члены причта: священник П. Листов,
диакон В. Вознесенский, псаломщик Мартынов*

**Список учредителей
спасо-преображенской
православно-религиозной общины
с. Никольский Погост Балахнинского района**

1. д. Сысово, Рукавишников А. В.
2. д. Восчестниково, Павлычев М. Д.
3. д. Бакунино, Максимычев А. П.
4. д. Бутаково, Ососков И. С.
5. д. Фаладово, Шептушкин А. П.
6. д. Бурково, Неимущева М. Д.
7. д. Щекино, Богомазов М. А.
8. д. Сивково, Епятин Гр. И.
9. д. Крестьяниха, Бутрюмов А. В.
10. д. Суздалево, Белякин М. А.
11. д. Клепиковка, Хорошавин Н. В.
12. с. Николо-Погост, Калининков М. Д.
13. д. Плесянки, Белов М. К.
14. д. Сельцо, Подшивалов С. А.
15. д. Бараново, Сачков А. Д.
16. д. Гордеево, Кузьмичев В. И.
17. д. Савино, Ожигин А. И.
18. д. Буйное, Буянов В. Я.
19. д. Сельцо, Чечерин И. С.

Анкета на служителей культа
Спасо-Преображенская церковь
николо-погостинской общины

Пряхин Николай Алексеевич, псаломщик с декабря 1918 г.
Получает вознаграждение 415 руб. в год.

9 апреля 1930 г.

Спасо-Преображенское
николо-погостинское религиозное общество

Вознесенский Василий Павлович, диакон до 1924 г., потом священник. Получает в год 830 руб.

Спасо-Преображенская религиозная община
с. Николо-Погост

Вязовский Владимир Александрович, 1885 г. р., священник
Погоста с 1929 г., получает в год 830 руб.

Николо-погостинское религиозное общество

Мартынов Александр Иванович, 1887 г. р., псаломщик,
получает 410 руб.

6 апреля 1930 г.

ЦЕРКОВНЫЙ ХОР

Церковный хор пел по праздникам и воскресным дням, в остальные дни пели певчие левого клироса (псаломщики Пряхин Николай Алексеевич и Мартынов Александр Иванович, Неимушцева Мария Дмитриевна, Петрова Лидия Михайловна, Пряхина Мария Николаевна и др.).

Спевки хора проводились два раза в неделю в подколокольне с ламповым освещением и свечами, а детям разрешали слушать хоровое пение на печке. В хоре было более 40 певчих. На фотографии в конце книги представлен хор:

Маликин Арсентий Иванович — регент (в центре),

Белякин Дмитрий Степанович — церковный староста (в центре),

Козин Михаил Петрович — помощник старосты (в центре),
Мартынов Александр Иванович — псаломщик (в центре).

А также:

Маликин Михаил Иванович

Маликин Василий Иванович

Шадрин Александр

Шадрин Алексей Андреевич

Маликин Павел Иванович

Дурашин Иван Николаевич

Ковровский Александр Иванович

Лизунов

Богданов Николай Дмитриевич

Чернавина Мария Алекс.

Турова Клавдия Ивановна

Турова Антонина Ивановна

Копылова Антонина Алексеевна

Вознесенская Анна Ивановна

Казанцева Таисья Петровна

Дурашина Антонина Михайловна

Мохова Нина

Казанцева Вера Петровна

Мартынова Мария Александровна

Ковровская Капитолина Александровна

Вознесенская Валентина Васильевна

Кокурина Антонина Степановна

Шадрина Мария Алексеевна

Малкин Алексей Михайлович

Дурашин Михаил Иванович

Ковровский Александр Александрович

Дурашин Николай Иванович

Кокурин Николай Иванович

Брунов Лев

Мохова Екатерина Дмитриевна

Мохова Мария Дмитриевна

Мохова Валентина Дмитриевна

Мохова Ольга Дмитриевна

Мохова Александра Дмитриевна

Ковровская Анна Александровна

Беякина Анна Дмитриевна

Богданов Петр Дмитриевич

Богданов Александр Дмитриевич

Казанцева Мария Петровна
Дурашина Софья Ивановна
Шадрина Касиния Александровна
Шадрина Евстолия Александровна
Шадрина Антонина Александровна
Подшивалов Александр Степанович
Мочалов Александр Петрович
Ковровская Вера Михайловна
Чернавина Александра Александровна

О РЕПРЕССИЯХ СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА НИКОЛО-ПОГОСТИНСКОГО ХРАМА В 1937 ГОДУ

При сталинской политической системе человек не был личностью в правовом отношении. Отсутствовали гарантии правовой защиты. Проявлялось пренебрежение к личным чувствам, переживаниям человека, формировалось желание выявить «врага». Система уничтожала все, что входило в понятие «свобода личности»: самостоятельность, независимость суждений, критичность, оригинальность, инициативность, творческое мышление. Система внедрялась во внутренний мир человека, и сопротивляться ей было невозможно. Тех, кто пытался это делать, постигала одна участь — репрессии. Штамп «враг народа» ставился на своих и чужих, знакомых и родственников, неграмотных мужиках и академиков. В одних лагерях проходили массовые расстрелы «врагов народа», в других была создана огромная армия лагерного труда для строительства «светлого будущего» с помощью легальных полукрепостнических и даже рабских форм эксплуатации.

В 1937 году подверглись репрессии и служители культа Николо-Погоста.

В Погосте рядом с домом Капитолины Александровны Богдановой до 20-х годов находился дом священника Вязовского Александра Андреевича (1846 г. р.). У священника и его жены Натальи Александровны были дочери: Александра, Ольга, Касиния, Софья, в Москве жили Евдокия и Мария, а также

сыновья Владимир и Николай. Замужем были только Ольга и Евдокия, а женатым — Владимир.

В 1929 году в Погосте принял сан священника и сын Александра Андреевича — Вязовский Владимир Александрович (1885 г. р.), вернувшийся из четырехлетней ссылки за неугодную местным властям проповедь. У Владимира Александровича и его жены Веры Михайловны было двое детей: сын Вячеслав (учился в Горьковском медицинском институте; от учебы помешался и умер) и дочь Галина (училась в Балахне на бухгалтера и осталась там жить). Отец Владимир служил в Погосте до 1937 года.

Вторым священником в Погостинском храме был Сергиевский Сергей Иванович (1891 г. р.). Приехал он с женой Марией Андреевной (1896 г. р.) в Погост из села Иконникова Балахнинского района в 20-е годы.

Наступил 1937 год — год репрессий. С конца августа начались аресты служителей культа Погостинского храма. Так, 28 августа были арестованы священники Сергиевский Сергей Иванович и Вязовский Владимир Александрович. Был арестован дьякон Пряхин Николай Алексеевич (псаломщик — с декабря 1918 г., дьякон — с 1937 г.). 15 сентября арестовали протодиакона Покровского Константина Васильевича (родился в 1896 г. в д. Солонихе Спасского уезда Нижегородской губернии. Приехал с семьей в Погост в 20-е годы. Жена Пелагея Григорьевна, 1892 г. р., москвичка). 27 сентября был арестован Белякин Дмитрий Степанович, староста храма, председатель церковного совета. Их обвиняли в том, что они состояли в церковной организации, возглавляемой митрополитом Нижегородским Феофаном, и активно участвовали в контрреволюционной террористической организации к ВМН. Всего в сентябре — октябре было арестовано 12 священников Балахнинского района.

Дмитрий Степанович Белякин (1875—1942) родился в д. Петрушино. Хотя и был не силен в грамоте, но хорошо владел плотницким и столярным делом, знал крестьянский труд. Работал в своем хозяйстве, жил с родителями. Женился на сироте Наталье Ивановне Горячевой из д. Блудово.

В 1927 году в Петрушине была организована артель по коневодству и грузовым работам при Зиняковском комитете крестьянской общественной взаимопомощи Городецкого уезда. Ее первым председателем стал сын Дмитрия Степановича — Павел Дмитриевич, а сам Дмитрий Степанович работал в этой

артели. У него был паром — перевоз через Волгу, на котором доставляли винно-водочные изделия в магазины Погоста, а также перевозили людей. Делали это вручную — веслами, баграми.

В 1931 году на базе этой артели в Петрушине организовался колхоз имени М. И. Калинина. Дмитрий Степанович до ареста работал в колхозе, одновременно являясь старостой храма и председателем церковного совета в 1927—1937 годах. Помогал ему Козин Михаил Петрович из д. Бурково.

У Дмитрия Степановича было пятеро детей: Павел (1909), Григорий (1916), Анна (1917), Мария (1923), Федор (1926). Все они работали в колхозе. Дмитрия Степановича прихожане очень уважали. И хотя он не раз отказывался от должности старосты, но приход его избирал, просил еще послужить, и он соглашался. Душевный, интеллигентный, Михаил Петрович Козин оставался помощником старосты. Работала и церковная двадцатка, а из двадцатки — тройка: Максимычев Иван Александрович (Бакунино), Крестиков Василий Иванович (Савино), Долинин Павел Федорович (Савино). За свечами они ездили в Городец. Дмитрий Степанович регулярно отчитывался перед верующими, обычно после обедни.

В 1937 году начали повсеместно закрывать храмы. Здания церквей переоборудовались под клубы, картофелехранилища, зернохранилища, склады. Весной этого года, после закрытия церкви в Погосте, ее служителей посадили в балахнинскую тюрьму. Через две недели их выпустили. При закрытии церкви были изъяты облачения, ризы служителей культа. Часть их и оклады, а также иконостас хранили православные прихожане.

Жители Погоста и окрестных деревень, узнав о намерении чиновников снять церковные колокола, выступили против этого. Память жителей до сих пор хранит события близкой старины. Так, Елизавета Алексеевна Грачева (1901 г. р.), жившая под колокольной церкви, рассказывала, что лили колокола в яме у Буркова, близ Погоста. Всего было пять колоколов — три больших и два маленьких. Самый большой весил 700 пудов, второй — поменьше, третий — еще меньше. А вот по другим данным, в 1868 году колокол для Никольской церкви лили в овраге у Буркова, за Погостом. Жители села и деревень приносили на плавку ложки, самовары, монеты, драгоценности из серебра и золота. Весил этот колокол 560 пудов. Поднимали его всем миром. Звон колокола был чистым, звонким.

Николо-Погост славился колокольным звоном. Весной, во время разлива Волги, его звон был слышен в Нижнем Новгороде, на Откосе. На пасхальной неделе, со слов Нины Александровны Чернавиной (1912 г. р.), звонили без перерыва, сменяя друг друга, и у большого колокола был такой язык, что раскачивали его втроем, а иногда вчетвером.

«Бунтарей», выступивших против снятия колоколов, забрали в Балахну и посадили в тюрьму на два месяца. Среди них были Белякин Дмитрий Степанович (церковный староста), Неимущева Мария Дмитриевна из Буркова (пела на клиросе, ходила регулярно в церковь, читала часы, служила всем всегда бесплатно), Лебедева Анфиса Ивановна из Николо-Погоста (ходила регулярно в церковь, жила в доме рядом с церковью, теперь дом Селезнева Николая Александровича), Дубинина Александра из Погоста, Соколова Елена Александровна тоже из этого села (монахиня-прислужница, жила под колокольной).

Сидела и работала эта пятерка «бунтарей» в Чернораменке. Так, Д. С. Белякин, к примеру, подвозил женщинам на лошади воду. Пришлось протоиерею Константину Васильевичу Покровскому хлопотать за своих людей, и в июле 1937 года их освободили. Вот только Анфиса Ивановна Лебедева умерла там, в Чернораменке, но похоронили ее сельчане на кладбище в Погосте.

В отсутствие осужденных и были сняты церковные колокола. Снимали их без народа, люди стояли за оградой, они были напуганы расправой над пятью сельчанами, выступившими против снятия колоколов и еще отбывавшими неопределенный срок в тюрьме. Все были предупреждены: в случае оказания сопротивления будет применено оружие. Сняли все колокола, оставили только один. Люди за оградой плакали навзрыд. При падении колоколов содрогалась земля. Самый большой колокол ушел глубоко в землю. Его выкопали и увезли, а осколки еще долго собирали сельчане. После снятия колоколов церковь закрыли и службы больше не было (конец июня 1937 г.).

С утратой колоколов мы потеряли нечто очень важное в жизни. Чего достигли, сбросив их с колокольной? Ничего. Онемела наша земля... Вечное остается, если даже его изгоняют, взрывают, разбирают по кирпичику. Оно остается в душе народа. Но в народной душе все-таки отмер какой-то чувствительный нерв.

С возведением Погостинского храма изменился облик села. Красивым стал пригорок, на котором он стоял. С колоколами оживились и просторы. Колокольный звон нужен всем сам по себе, как составная часть нашей национальной культуры. Над селом плыл благовест с храма и скорбные удары в минуты прощания — ведь это потребность живых корней. Красивы были в верхних проемах колокольни качающиеся колокола. Звук плыл над селом, уходил далеко в дуга, на Волгу, в леса, возносился к небу. Церковь пела, колокола тоже. Со всеми говорила Святая Русь — страна колокольная...

В это время председателем исполкома Николо-Погостинского сельского Совета был Федор Макарович Голованов. По его указанию помещение летней церкви превратили в зерносклад, еще в начале 1937 года засыпали его зерном.

Начались допросы и аресты служителей культа. Так, в августе — сентябре вызывали на допросы Константина Васильевича Покровского. В ночь на 15 сентября привела его домой тройка — следователи из Балахны — и всю ночь производили обыск. Семью разбудили, жену отправили в соседнюю комнату, разговаривать не разрешали, допрашивали даже сына. Все в доме перевернули, перетрясли, перешвыряли. Забрали всю светскую и церковную литературу, все фотографии родителей и драгоценности — перстни, золотую цепочку, золотые часы с позолоченной крышечкой, полированную шкатулку, в которой они лежали, золотые браслеты для девочек. Все отобранное у детей и жены священника следователи в описи не указали и впоследствии ничего семье не вернули. В 7-м часу утра Константин Васильевича Покровского забрали и повели в Балахну, членам семьи не разрешили его проводить. Шестеро детей смотрели в боковое окно на уходящего от них навсегда отца. Домой Константин Васильевич больше не вернулся, а был ему только 41-й год. Осталась Пелагея Григорьевна с детьми без денег, без клочка земли, да еще установили на хозяйство большой налог. Условия выплаты налога в те годы были жесткие: не заплатишь налог вовремя — в тюрьму посадят или дом отберут. На недоплаченный налог росли пени, а на пени росли новые пени.

В конце сентября 1937 года митрополит наложил на протодиакона Покровского Константина Васильевича сан священника. А арестованного в это время власти приговорили к расстрелу. Священник Николо-Погостинского храма К. В. Покровский был расстрелян 4 ноября 1937 года в г. Горьком.

Управление Комитета госбезопасности СССР по Горьковской области
г. Горький, ул. Воробьева, 1

На Ваш запрос от 2 сентября 1991 г. сообщаем, что Ваш отец — Покровский Константин Васильевич, 1896 года рождения, уроженец дер. Солониха Спасского района, до ареста — служитель религиозного культа в с. Н.-Погосте, был 28 октября постановлением тройки УНКВ осужден за якобы активное участие в контрреволюционной террористической организации к ВМН. Приговор приведен в исполнение 4 ноября 1937 г. в г. Горьком.

Местом захоронения жертв сталинских репрессий является в г. Горьком Бугровское кладбище.

Свидетельство о смерти получите в загсе г. Балахны 31 октября 1991 г.
Реабилитирован посмертно 20 января 1992 г.

27 сентября в 22 часа арестовали Дмитрия Степановича Белякина у себя дома в Петрушине. Следователи — тройка — произвели обыск, нашли и взяли облигации, сняли с рук кольца, забрали кольцо матери и подарок от знакомого — микроскоп. В доме учинили полнейший беспорядок. Дмитрию Степановичу разрешили одеться и повели его на переправу к Волге, в Балахну, в белый дом (НКВД).

Дети Дмитрия Степановича и родственники ездили в Балахну узнать о его местонахождении. Им ответили, что он находится в г. Горьком в тюрьме, недалеко от Ляхова. Пришлось им выстоять там очередь, но дежурный ответил, что Белякин не поступал, он еще в Балахне. Из этих поездок ничего не удалось выяснить. Дети и родственники подавали многочисленные запросы. В основном обо всех хлопотали Покровские. Работники НКВД в Балахне обещали вернуть вещи Дмитрия Степановича, облигации, но так, конечно, ничего не было возвращено. Не вернулся домой и Д. С. Белякин — его расстреляли 12 сентября 1942 года.

28 августа 1937 года были арестованы священники Вязовский Владимир Александрович, Сергиевский Сергей Иванович и дьякон Пряхин Николай Алексеевич.

Сергиевский Сергей Иванович родился в 1891 году в селе Иконникове. В молодости работал бухгалтером на валяносапожной фабрике (теперь санаторий «Городецкий»), потом окончил курс Нижегородской духовной семинарии, с 20-х годов был священником в Николо-Погосте. Жена, Сергиевская Мария Андреевна, 1896 года рождения, учительствовала в Чернолесской пустыни. Родилась в г. Ревеле в семье офицера. У четы

Сергиевских было двое детей: сын Евгений Сергеевич (1921 г. р.) и дочь Галина Сергеевна (1929 г. р.).

После ареста служителей культа 28 августа 1937 года Мария Андреевна продала дом в Николо-Погосте и, уплатив установленный на хозяйство большой налог, переехала с детьми в Балахну. Жить пришлось в одной комнате с другой семьей. Мария Андреевна не могла устроиться на работу учительницей в школу. Ее не брали, ей отказывали — жена священника не имела права работать с детьми. После долгих хождений в гороно, когда уже не было никакой надежды на работу, Мария Андреевна написала в Москву письмо М. И. Калинин и отправила его с проводницей поезда. Письмо возымело действие. Вскоре работники гороно предложили ей работу в нескольких школах Балахны. Мария Андреевна выбрала школу № 5, в ней и учительствовала до пенсии.

Сын Марии Андреевны, Евгений Сергеевич, окончил Воткинское пехотное училище с отличием в звании лейтенанта. Воевал на Курской дуге, погиб 2 сентября 1943 года. Награжден (посмертно) орденом Отечественной войны I степени. Награду вручили Марии Андреевне в райвоенкомате вскоре после гибели сына.

Выйдя на пенсию, М. А. Сергиевская переехала в 1964 году в г. Заволжье к своей дочери, Галине Сергеевне, и зятю, Александру Андреевичу Уточкину (в Заволжье с 1952 г.), помогала воспитывать внуков — Сергея и Юрия. Умерла Мария Андреевна 10 апреля 1979 года. Похоронена в Заволжье рядом с зятем Александром Андреевичем.

У Галины Сергеевны Уточкиной сын Сергей умер 24 ноября 1998 года. У него два сына — Константин и Евгений. Сын Юрий Александрович работает тренером на стадионе. Жена, Татьяна Ивановна, с дочерью Еленой (учится в институте) работают на моторном заводе.

Все арестованные: Сергиевский Сергей Иванович, Вязовский Владимир Александрович, Пряхин Николай Алексеевич, Белякин Дмитрий Степанович, Покровский Константин Васильевич — на следствии держались достойно. Никто из них не вернулся домой, все пятеро расстреляны. Реабилитированы (посмертно) служители культа Николо-Погостинского храма в 1992 году.

НИКОЛО-ПОГОСТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В 1938 ГОДУ

В 1938 году еще сохранились церковный совет и общее собрание общины, но сопротивляться «системе» становилось трудно. Деятельность церковного совета и общего собрания общины — под жестким контролем РИКа.

В Балахнинский райисполком

Мы, верующие православной церкви, в настоящее время не можем исполнять религиозные обряды в церковном помещении, и у нас нет священника. Просим вас, Балахнинский райисполком, нам разрешить службу в Н.-Погостинской церкви. Разрешите взять нам священника для совершения религиозных обрядов.

1 мая 1938 г.

М. Павлычев, А. Селезнев, А. Д. Никитина

Верующим Н.-Погоста
Павлычеву М. Д., Селезневу А. П., Никитиной А. Д.

На Ваше заявление райисполком сообщает, что помещение у верующих никто не отбирал и оно находится в ведении верующих. Райисполком никогда не имел препятствий по совершению религиозных обрядов верующим, но райисполком не решает вопроса подыскивания священника, а ведет только регистрацию и проверяет правильность соблюдения инструкции в этих случаях.

Зав. общим отделом РИКа *Хлынов*

В президиум Балахнинского райисполкома
Горьковской области религиозной общины
с. Н.-Погост

Заявление

Приходская община с. Н.-Погост настоящим обращается в президиум Балахнинского райисполкома с просьбой зарегистрировать к нашей церкви избранного нами служителя религиозного культа священника Исакова Петра Алексеевича. При сем прилагаем справку патриаршего местоблюстителя за № 614.

10 августа 1938 г.

Члены церковного совета: *Никитина Анна Дмитриевна* (д. Сивково), *Павлычев Михаил Дмитриевич* (д. Восчестниково), *Селезнев Александр Петрович* (д. Лосево)

Справка из Московской патриархии

Дана протоиерею Исакову Петру Алексеевичу (1883 г. р., священник с 1904 г., служил в Починковском районе) в том, что он назначен штатным священником в Никольской церкви с. Н.-Погост, состоит в общении с Московской патриархией и в священнослужении не запрещен.

Патриарший местоблюститель *Сергий*,
митрополит.Московский (печать)

5 августа 1938 г. Москва

Заседание президиума Балахнинского РИК от 28 августа 1938 г. о создании комиссии по ликвидации церкви в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 августа 1938 г.

Создавались комиссии по ликвидации церкви и культимущества из представителей: 1. От райисполкома — член президиума Редькин. 2. От отдела народного образования. 3. От райфо — инспектор госдоходов.

Комиссии в присутствии представителей от общины церкви производили ликвидацию церкви и культимущества в соответствии с инструкцией по вопросам культов, утвержденной Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г.

Заявление

Просим президиум Балахнинского райисполкома разрешить нам провести собрание общины верующих на 4 сентября 9 час. утра в помещении жилой комнаты под колокольней. Повестка: об уплате недоимки и пени по налогу со строений, согласно предупреждению райфо, и вопрос о сдаче в пользу государства Никольской кладбищенской церкви.

29 августа 1938 г.

Павлычев М., Селезнев А., Никитина А.

Церковному совету Никольский церкви

На основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., 1 января 1932 г., пункт 57, Балахнинский райисполком на Ваше заявление дает разрешение на проведение собрания верующих Никольской церкви в церковной ограде 4 сентября 1938 г. с повесткой: 1. Об уплате недоимки и пени по налогу со строений и земельной ренте. 2. О передаче государству здания кладбищенской церкви.

Собрание провести с 2 до 4 час. дня.

Постановка других вопросов на собрании воспрещается.

Председатель РИК
Секретарь *Редькин*.

Разрешение получила *Никитина Анна Дмитриевна*.

Протокол от 4 сентября 1938 г. общего собрания общины верующих Н.-Погостинской церкви

Повестка:

1. Об уплате недоимки и пени со строения церкви.
2. О передаче государству здания кладбищенской церкви.

Решение:

1. Задолженность государству за кладбищенскую церковь в размере 2600 руб. оплатить.
2. Кладбищенскую церковь оставить за собой.
3. Собрание провели с 2 до 3 час. дня.

Председатель собрания *Никитина Анна Дмитриевна* (д. Сивково)
Секретарь *Петрова Лидия Михайловна* (с. Н.-Погост)

СОКОЛОВЫ

(Из воспоминаний В. В. Соколова)

Бабушка моя, Соколова Вера Ивановна (в девичестве Птенцова), 1892 года рождения, была из старинного рода священников. До революции окончила курс Нижегородского епархиального училища, где девушек обучали Закону Божию, богословию, шитью, рукоделению и пр.

На сохранившихся старых фотографиях бабушка хороша собой: стройная фигура, большие серые глаза, вьющиеся густые волосы.

Когда дед мой (1886 г. р.), тогда студент Казанского ветеринарного института, впоследствии протоиерей, академик, кандидат богословских наук — Соколов Василий Александрович, сын священника, сделал ей предложение, родители бабушки поставили условие, чтобы он ушел из института и рукоположился в сан священника. Условие это было исполнено, и дед взял приход отца бабушки в селе Епифанове Вачского района, потому что там был их дом, да и приход не из бедных.

У молодой четы родилось трое детей (погодки) — Виталий (мой отец, 1914 г. р.), Мария и Вероника.

В Николо-Погосте Соколовы появились уже после революции. Дед, помимо курса Нижегородской духовной семинарии, окончил в 20-х годах Московскую духовную академию. Сохранилось фото патриарха Тихона с надписью на обратной стороне:

«Протоиерею В. Соколову от Тихона». Сохранился и нагрудный серебряный знак академика В. А. Соколова с ликом Спаса Нерукотворного. Дед получил звание кандидата богословских наук.

В Николо-Погосте дед стал заметной фигурой. Как человек высокообразованный, он обладал красноречием, владел мастерством слова, умением доходчиво донести до ума и сердца духовные взгляды, учение и проповеди верующим. К нему, человеку весьма привлекательному, умному, приходило много людей из окрестных деревень и даже из Балахны. Служил он вместе с К. В. Покровским.

Все это нервировало работников Балахнинского ГПУ, и после одной из проповедей в 1937 году дед был арестован. Моя тетьа Вероника, у которой я в юности жил в Москве, рассказывала, как в 2 часа ночи послышался сильный стук в окно, в квартире был произведен обыск и деда увели.

В г. Горьком, на Воробьевке, следователь Сиротин известными в то время методами пытался склонить деда к шпионской работе в Персии (Иране) в пользу СССР, так как по каким-то параметрам, вероятно, из-за знания языков, дед их устраивал. Но дед на это не согласился.

Много гоняли деда по тюрьмам, потом сослали на 7 лет в ссылку на Иртыш, где он, как священник, был хорошо принят остояками (крестил, венчал, отпевал и т. п.).

По возвращении из ссылки в Николо-Погост дед работал какое-то время счетоводом на Узольском рейде (на сплаве). По окончании срока запрета священнического служения деду разрешили служить в храмах, но только на периферии. Служил, в частности, в Вязниках, где он меня и крестил в возрасте 5 лет.

У бабушки в Николо-Погосте я жил до 11 лет. А оказался у нее вот как. Моя мама в 1942 году умерла от туберкулеза, когда мне было 8 месяцев. Отец, не долго думая, отнес меня к своей матери (он был актером Горьковского драмтеатра). В начальной школе я учился у Ольги Александровны Дурашиной.

Жили мы за домом Покровских. В нашем старом «поповском» доме был мезонин с печкой, фисгармония, часы с боем, старинная резная мебель, картины и кресло-качалка. При доме были конюшня и двор.

Мой отец, Виталий Васильевич (1914 г. р.), поступил учиться в Московский текстильный институт, ушел из института и поступил в театральную студию Покровского, стал актером

Горьковского драмтеатра, работал в театре г. Павлова на Оке, затем во Львове, получил звание заслуженного артиста УССР в русском драмтеатре Прикарпатского военного округа, работал в Костромском и Ивановском театрах и в г. Чите. Умер в 1975 году.

Тетя, Мария Васильевна, окончила Городецкое педагогическое училище, подверглась гонениям как дочь священника. После окончания Горьковского учительского института работала учителем в г. Горьком. Умерла в 1986 году.

Вероника Васильевна окончила Московский текстильный институт, тоже подверглась гонениям. Умерла в 1984 году, похоронена в Москве.

Николо-Погост в пору моего детства еще носил в большей мере черты своей патриархальности и величия, был многолюден, наполнен детворой. Добрые слова можно сказать о пожилых людях старой закваски — Софье Петровне Дурашиной, Прасковье Петровне Крековой, Иване Николаевиче Дурашине и многих других. Это были люди-глыбы, на которых держалась земля русская.

После ареста деда моя бабушка стала работать учительницей в Чернораменке, потом в Николо-Погостинской начальной школе. После занятий в школе она трудилась дома: кормила коз, поросенка, возделывала огород, хлопотала по хозяйству. И все это делала одна, да еще я, маленький, на ее шее, да старая мать — моя прабабушка.

По рассказам, прабабушка, Птенцова Мария Михайловна, в молодости была очень радушной хозяйкой, ее дом зачастую был полон гостей. В те трудные послереволюционные времена она осталась истинной рабой Божией и сохранила горячую веру до конца жизни. Меня, маленького, в 40-е годы она все время брала с собой на молебны по домам, на поминки. Сельчане приносили к ней холсты на покрова умершим. Прабабушка рисовала на них Христа в рост с ангелочками по углам (у нее были кисточки и черная краска). Я очень любил смотреть на ее работу.

Прабабушка после закрытия храма возглавляла религиозную общину, которая молилась по домам, и продолжала расписывать покрова. Умерла она в 1948 году, похоронена в одной могиле со своим дядей, отцом Троицким, около алтаря кладбищенской церкви.

Когда в Погосте появилось электричество, дед привез радиоприемник, и мы стали слушать передачи. В марте 1953 года умер Сталин. О его кончине мы узнали по радио. Бабушка, как и все,

плакала. А в мае этого года бабушку арестовали. Поводом для ареста послужило следующее. Как-то мы случайно нашли по радио «Голос Америки», услышали ироничные высказывания о Сталине. Диктор иронизировал по поводу культа личности умершего вождя примерно так: «Теперь будут духи — дыхание Сталина» — и выдавал прочие остроты. Бабушка неосторожно поделилась в школе услышанным.

Я, в ту пору 11-летний подросток, хорошо запомнил, как бабушку арестовали за антисоветскую пропаганду. Пришел человек в военной форме — капитан Коровин из Балахнинского НКВД и с ним милиционер. Коровину было лет тридцать, голубоглазый блондин с правильными чертами лица. Он был до приторности вежлив, постоянно говорил, что это, скорее всего, ошибка. Произвели обыск, все перерыли, перевернули в доме. На кухне Коровин взял в руки скалку, взвесил в руке, весело рассказал случай, когда в скалке прятали золотые червонцы. В резной письменный стол под зеленым сукном, под всей съёмной доской которого был неглубокий ящик с семейной перепиской, к моему удивлению, не залез.

Я смотрел с горы, как бабушку через луга вели в Балахну. При допросах в г. Горьком, на Воробьевке, бабушка видела на столе у следователя донос, написанный знакомым мелким бисерным почерком одной учительницы, коммунистки из Погостинской школы. Не называю фамилию этой учительницы. Да простит ее Бог...

Бабушка, Вера Ивановна, провела около трех лет в колонии строгого режима в Арзамасе вместе с женщинами-уголовниками (воровками, убийцами). Это, по-видимому, ее сильно надломило. В конце 1955 года она была освобождена. После ареста бабушки я жил у отца.

В 1956 году дед получил приход, в г. Солнечногорске под Москвой, обзавелся домом. Бабушка жила у тетки, а потом переехала к мужу, Василию Александровичу, настоятелю храма. Дед с бабушкой забрали меня от отца к себе. Я окончил в Москве высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана, работал инженером.

Бабушка отличалась какой-то особенной любовью к своим детям и ко мне и, можно сказать, жила нашей жизнью. Экономя на всем, посылала детям посылки и деньги. А когда заболела, то долго скрывала свою болезнь, чтобы никого не огорчать, не отрывать от дел, пока болезнь не стала смертельной. Прожила она 67 лет.

ПОДКОЛОКОЛЬНЯ

При возведении 45-метровой трехъярусной колокольни со стройным шпилем под ней мастерами было выстроено большое помещение (сохранилось до наших дней), в котором жили монахини, верующие прихода, проводились спевки церковного хора, в большой печи выпекали просфоры, а прихожане, прибывшие с вечера на утренние исповедь и причастие, из дальних деревень, после вечерней службы могли отдохнуть и даже переночевать. С улицы из узкого, но длинного прохода с полукруглым потолком, через небольшую дверь высотой 1,5 и шириной 0,8 метра, вход в подколокольню. Все большое помещение разделено на три комнаты.

На левой стороне, у двери, располагалась большая печь (сейчас ее нет). Между стеной и печью небольшое пространство шириной 80 и длиной 140 сантиметров. В этом пролете стояла широкая лестница, чтобы залезать на печь, а с печи — на полати. Печь имела форму прямоугольника (ширина 1,95, длина 2,5 метра). Шесток и чело находились у южной стены помещения. В этой стене было окно. Расстояние от стены или окна до шестка печи 2 метра. Печь топили дровами, в ней выпекали просфоры, разогревали пищу, естественно, она обогревала и помещение. Эта комната, на левой стороне от входной двери с печью, называлась кухней. Она отделялась от средней комнаты стеной. Между печкой и этой стеной был проход на кухню. Площадь кухни 9 кв. метров. У ее западной кирпичной стены и частично южной, в углу колокольни, был вырыт погреб с кирпичными ступеньками (сейчас в развалинах). Разделяет погреб и кухню более легкая стена (с дверью).

Самая большая — средняя комната, более 25 кв. метров. В западной стене (с видом на Балахну) — окно. Северная стена короткая, далее идет открытый широкий проход в третью комнату. По всем трем стенам — южной, западной и северной, то есть впереди, — стояли широкие прочные лавки, на которых верующие отдыхали, спали. Главной достопримечательностью этой комнаты были полати из широких толстых брусьев и тесового настила. На них и на теплой печке спали православные из дальних деревень прихода, которые приходили или приезжали на лошадях на вечернюю службу с ночевой, чтобы утром

исповедаться и причаститься. На полати залезали по лестнице, приставленной к печи в пролете у двери. Длина полатей от печи до следующей комнаты — 4,2 метра. Ширина могла быть 3—3,5 метра (сейчас полатей нет).

Третья комната занимала 14 кв. метров. В стене, к зимней церкви, было тоже окно. Комната несколько уже средней и короче из-за большого углового кирпичного выступа. В ней по трем сторонам (западной, северной и восточной) стояли лавки. Во всех комнатах на стенах и в углах висели иконы. Больше всех икон было в средней комнате. Освещалось помещение лампами и свечами. К колокольне были пристроены погреб и большой сарай (ставили лошадей). Под горой была сторожка и другие постройки.

В подколокольне всегда жили монахини. Жила здесь долгое время Оринушка, а потом Анна Петровна Савина из Шаталихи (1886 г. р.) — пожилая, скромная женщина. Пришла она незамужней, молодой девицей, прислуживала в церкви, выпекала в печи просфоры.

В 30-е годы пришла в подколокольню к своей тетке, Анне Петровне, Елизавета Алексеевна Грачева (1901 г. р.) из Долганихи (их матери сестры). Жила, прислуживала в церкви, зажигала свечи, чистила иконы, мыла полы.

С ними была монахиня-прислужница, алтарница Еленушка из Восчестникова — Елена Александровна Соколова (1875 г. р.). В 25 лет она отдала свое приданое сестре и пришла жить в подколокольню. Так все трое и жили вместе. Хотя церковь в Погосте и закрыли летом 1937 года, женщины остались жить там. В 1938 году Е. А. Грачева устроилась работать на Волжский склад (за Узолой, на берегу Волги, напротив Правдинска). Ежедневно она из подколокольни ходила на работу, а с работы на плечах приносила бревна на дрова для отопления помещения. Помимо этого, дрова всегда покупали сами. Елена Александровна, чтобы прокормиться, ходила в праздники по деревням, просила милостыню. Они в молитве зарабатывали себе кусок хлеба. Подколокольню несколько раз пытались закрыть, а женщин выселить, но... шли годы.

В начале 50-х годов заболела Анна Петровна. Болела, но не лежала, продолжала нести свои обязанности по дому: наводила порядок, топила печь, готовила пищу на всех и так до конца 1957 года. Но вот беда: Анна Петровна слегла. Пришлось

Елизавете Алексеевне рассчитываться с работы, уйти на пенсию. Стала ухаживать за теткой. Анна Петровна болела, не вставала две недели и умерла 11 января 1958 года.

Остались жить в подколокольне Елена Александровна и Елизавета Алексеевна Грачева. Елена Алексеевна умерла в августе 1961 года в возрасте 86 лет.

Елизавета Алексеевна, накопив денег, выстроила себе небольшой дом в Николо-Погосте, прожила в нем более 30 лет. Умерла Е. А. Грачева 3 сентября 1998 года в доме престарелых в Городце, прожив там 7 месяцев.

Неимущева Мария Дмитриевна из Буркова, незамужняя верующая женщина, до 1937 года ходила всегда в храм, читала часы, пела на клиросе. После закрытия церкви водилась с пятью племянниками своего брата — Александра Дмитриевича. Когда дети подросли и стали ходить в школу, Мария Дмитриевна ушла жить в подколокольню, поставив в известность близких: «Умирать буду в подколокольне». В помещении подколокольни увидела она беспорядок и грязь. Настил, брусья с полатей, лавки, иконы — все было растащено. Мария Дмитриевна навела порядок и чистоту, нашла некоторые иконы и стала жить и ночевать в подколокольне, да еще присматривала за детьми Мартыновой Екатерины Тихоновны. Семья эта жила в доме под горой, рядом с храмом. В свою деревню Бурково Мария Дмитриевна ходила, навещала родственников, соседей, но подколокольню не оставляла. Так и умерла, как ей хотелось, в подколокольне 27 февраля 1967 года, прожив в ней 5 лет.

После закрытия церкви в 1937 году на праздники верующие собирались молиться в подколокольню, но в 1941 году, перед войной, им собираться запретили. Православные собирались несколько раз на Пасху в Северном переулке в доме на задах у Марии Павловны Крытановой, богомольной пожилой женщины — тетки Жихаревой Анны Михайловны. Через некоторое время собравшихся на Пасху верующих разогнали. Несколько раз ходили к Лебедевым (теперь дом Н. А. Селезнева), потом верующие постоянно собирались в доме Чурековой Анны Васильевны на все праздники. Хотя значительная часть верующих ходили в Кубенцевскую церковь, в том числе и А. В. Чурекова, но дом ее для остальных православных (больных, пожилых) был всегда открыт на все праздники (до открытия в Погосте церкви в 1991 г.).

УЛИЦЫ НИКОЛО-ПОГОСТА К 1940 ГОДУ

1. *Базар (теперь ул. Базарная)*: Лебедевы, Бычковы, Моховы, Петровы, Штерн, Чернышповы, Вознесенские, Богдановы, Ковровские, Шадрины, Шадрины, Казанцевы, Кокурины, Сироткины, Пронины, Шадрина М., Калиничевы, Иванешкины, Крековы, Головановы, Ковровские, Дурашины, Чернавины, Червяковы, Перцева М., Моховы, Гурины, Краевы, Шадрины, Чернигины, Мартыновы, Быстровы, Гусевы, Гусевы, Буровина М., Павлычевы.

2. *Кулаково, или Кулаковская слобода (теперь ул. Набережная)*: Ивановы, Ганичевы, Дурашины, Чернавины, Дурашины, Моховы, Кокурины, Маликины, Чернавины, Клоевы, Капрановы, Копыловы, Дубинины, Дубинины, Дубинины, Чуркины, Лычевы, Носовы, Лизуновы, Григорьевы, Кокурины, Кузьмичевы, Ризины, Калининковы, Копыловы, Крытановы, Крытановы.

3. *Ул. Запрудная*: Золотаревы, Крековы, Бруновы, Мочаловы, Галиндеина, Кокурины, Богдановы, Моховы, Кокурины, Фоминские, Щелкуновы, Листовы, Казанцевы.

4. *Пер. Кулаково (теперь пер. Набережный)*: Дурашины, Чернавины, Крековы, Копыловы, Мартыновы, Туровы.

5. *Кошелиха (пер. Северный)*: Мордвиновы, Шишулины, Мордвиновы, Казанцевы, Крековы, Крытановы, Сергиевские, Игошины, Шиковы, Шишулины, Осинины, Хрипкины.

6. *Ул. Новая*: Сбитневые, Ковровские, Калашникова, Золотаревы, Вязовский, Ковровский.

7. *Ул. Кооперативная*: Вязовские, Богдановы, Виноградовы, Покровские, Соколовы, Ковровские, Малковы, Мочаловы, Чернавины, Смирновы, Крековы, Крековы, Лядковы, Богдановы, Чумины, Филатовы, Богдановы.

ХРАНИТЕЛИ ЦЕРКОВНОГО ИМУЩЕСТВА (1938—1991 гг.)

После закрытия в Николо-Погосте храма в 1937 году ключи от зимней церкви хранились у члена церковной двадцатки Андрея Федоровича Малкова (жил на ул. Кооперативной). Эти

ключи он никому не давал, и при нем церковное имущество было в полной сохранности. Помещение летней церкви еще в начале 1937 года по распоряжению председателя исполкома Николо-Погостинского сельсовета Голованова Федора Макаровича было засыпано зерном.

В конце 70-х годов, после смерти А. Ф. Малкова, как-то весной, перед Пасхой, в зимнюю церковь в присутствии нескольких верующих женщин зашли для осмотра помещения директор совхоза «Заречный» М. Е. Крылов, участковый Ю. А. Кузнецов и председатель исполкома Ильинского сельсовета А. А. Сорокина. Церковь тогда им открыла Капитолина Григорьевна Селезнева (Николо-Погост, ул. Базарная).

У членов исполкома М. Е. Крылова, А. А. Сорокиной и Ю. А. Кузнецова верующая из Сельца Мария Николаевна Аксенова-Пряхина попросила дать ей ключи от церкви на какое-то время для проветривания, уборки помещения, заделки разбитого стекла в окне и попросили также разрешения верующие Погоста и близлежащих деревень отслужить Пасху в храме. Ключи М. Н. Пряхина получила, Пасху верующие в храме отслужили, порядок в помещении навели, и Мария Николаевна отнесла ключи от храма в сельский Совет. А. А. Сорокина разрешала несколько раз Марии Николаевне Пряхиной брать ключи от храма.

После закрытия церкви в 1937 году православные решили спасти церковное имущество от грабителей и хранили его у себя дома. А грабители в церковь действительно залезали несколько раз через подпол, окна, крышу. Православные берегли у себя Евангелия, другие книги, старинные иконы.

Так, подобранную с пола храма икону взяла на хранение домой Татьяна Павловна Майорова. Жительница д. Сосновское тоже хранила у себя большую икону. Плащаницу и икону отправила Мария Николаевна Пряхина в другую церковь своим знакомым православным.

Анна Васильевна Чурекова в присутствии Марии Николаевны Пряхиной взяла на хранение шесть больших Евангелий, одно маленькое и две книги. Среди больших Евангелий одно называлось «пудовик» (вес 16 кг). Его в свое время мог в руках держать из священников только Покровский Константин Васильевич. Три больших Евангелия были очень красиво оформлены под серебро (глаз не оторвать!), были в хорошем состоянии, как новые.

Подсвечники православные по своему желанию и усмотрению сами разносили на хранение по домам. Значительная же часть их хранилась в разобранном виде в складском помещении храма и на чердаке (вход на чердак по лестнице в притворе).

Икона Покрова Богородицы находилась у Натальи Петровны Крековой, а после ее смерти у Анны Васильевны Чурековой.

Председатель исполкома Ильинского сельсовета Зоя Николаевна Колосова отправила часть икон на хранение в Городецкий краеведческий музей. Икону Николая Святителя в ризе Мария Дмитриевна Неимуцева (она жила в подколокольне) взяла из музея и отдала на хранение Лидии Михайловне Петровой, а после ее смерти икона хранилась у Анны Васильевны Чурековой.

В 1991 году при открытии церкви Анна Васильевна вместе с Анной Семеновной Моховой (из д. Бутаково) все семь Евангелий, две книги и две иконы — все, что хранила дома, отнесла и сдала в храм.

Икону Николая Святителя воры из церкви похитили.

Большую икону Пантелеймона Целителя (была вложена в иконостас) хранила дома Екатерина Тихоновна Мартынова, вернула ее в церковь в 1991 году. Икону эту из церкви тоже украли.

Подобранная в алтаре во время уборки помещения церкви в 50-х годах икона Рождества Пресвятой Богородицы была возвращена в храм в 1991 году Анной Дмитриевной Шульпиновой (д. Бурково).

До открытия церкви в сундуках храма хранились ризы. После открытия их местные жители находили брошенными ворами на прицерковном кладбище и в других местах.

При открытии церкви в 1991 году Городецкий краеведческий музей передал иконы, хранившиеся в нем, в Погостинский храм.

Православные местные жители хранили десятилетиями ценности, церковное имущество, сохранили все и вернули в 1991 году в храм, а вот от грабителей после открытия старинные иконы спасти, к сожалению, не удалось.

Очевидцы кражи икон вспоминают, как в 70-х годах легковая машина была загружена краденными из храма старинными иконами, выехала на дорогу и быстро скрылась. Велосипедист А. Н. Креков ее догнать не смог.

Несколько икон, подаренных во время осмотра Погостинского храма, и наличники с дома Моховых увезли с собой гости из Санкт-Петербурга в Русский музей.

Приходится сожалеть, что Николо-Погост был источником музейных экспонатов, да и грабители не оставляли и не оставляют его до сих пор своим вниманием.

Хранителям церковного имущества (до 1991 г.), которые в страшные сталинские и последующие годы подвергали себя большой опасности, рисковали своей жизнью (могли лишиться свободы), низкий поклон от всего прихода!

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

В Николо-Погосте подземный ход от зимней теплой Владимирской церкви, построенной в 1761 — 1768 годах, в направлении к кладбищу действительно был (со слов старожилов, в том числе И. М. Ерикова, 1928 г. р.).

В 1940 — 1941 годах несколько отчаянных, смелых учеников 5 класса, 12 — 13-летние ребята, проходили по нему от церкви и примерно до дома Вознесенской Анны Ивановны.

Шли ребята не в полный рост, а наклонясь, в согнутом положении. Ширина подземного хода была такова, что можно было разойтись со встречным человеком. Стены и потолок — из кирпича, потолок полукруглый. В полной темноте ребята осторожно шли с зажженными свечами по гудам осыпавшихся кирпичей до завала — дальше ход был основательно засыпан.

Одни предполагают, что подземный ход вел к оврагу или к кладбищенской церкви и строился вместе с зимней Владимирской церковью; другие считают, что построен он значительно раньше — в XII — XIV веках, или в конце XVI века (при строительстве деревянной церкви Николы), или в начале XVII века (при строительстве двух рубленых храмов).

С какой целью строился этот подземный ход — можно только предполагать.

НИКОЛЬСКОЕ ОЗЕРО (Воспоминания Д. Фильчагина, 10 лет, 1997 г.)

Когда я был маленьким, мама повела меня купаться. Мы спустились с крутой горы, и я увидел красивое озеро. Когда-то давно, говорят, на этом месте протекала Волга, поэтому один берег озера крутой, а другой низкий. Одинокие деревья растут на берегу, их ветки свисают в воду. Иногда можно увидеть удивительные по красоте заросли кустарников.

Озеро питают множество ключей. Вода в нем чистая, прозрачная и холодная. На мелководье греются на солнышке мальки, бросишь камень в воду — расплывутся кто куда. Озеро очень глубокое, дно его обрывистое, со множеством ракушек. Озеро длинное, словно река, и течение в нем сильное.

Летом, особенно в жаркие дни, люди купаются, катаются на лодках и на водных лыжах. Хорошо купаться в чистой воде, собирать ракушки, загорать на крутом берегу! Вода в озере обладает очистительной силой, пожилые люди ее называют «святой».

МАСТЕР ПЛЕТЕНИЯ ИЗ ЛОЗЫ

Плетение из ивового прута — один из старинных русских промыслов. Еще в каменном веке человек в совершенстве овладел плетением корзин, сосудов, циновок, сетей, вершей. Ивушка зеленая встречала человека при рождении (колыбельки, погремушки, игрушки) и оставалась спутницей всей его жизни. Ива — вестник весны, пробуждения природы, первый медонос. Сушеные ветки скармливали козам, овцам, кору употребляли для дубления кож, а кору некоторых видов — в лекарственных целях. Ивы укрепляют пески, берега каналов, откосы плотин; защищают почву от эрозии. Однако великая заслуга их в том, что породили они промысел лозоплетения.

Известно, что этот промысел возник в России давно. В русских деревнях чуть ли не любой мальчишка мог играючи

сплести лукошко, корзину, кошелку для грибов, ягод, а о стариках и говорить нечего.

Вот несколько правил работы с лозой.

1. Для успешной работы корзиноплетения нужно обзавестись набором инструментов хорошего качества: ножами, сменными резцами, шильями, чтобы они были по руке и хорошо наточены.

2. Запас материала — ивовых прутьев нужной длины и диаметра, ровных, гибких, с маленькой сердцевинкой на срезе, с красивой окраской коры, и белых — очищенных от коры и отбеленных на солнце. Заготавливать прутья впрок и на текущие работы — однолетние побеги ивы, очистить их щемилками от коры, просушить и отбелить на солнце.

3. Сроки заготовки прута: а) ранней весной, когда только начинается сокодвижение, а листья еще не распустились, кора хорошо чистится и с прикорневых побегов, и с прошлогодних приростов ветвей; б) в конце июля — начале августа, когда у кустов желтеют нижние листья — сокодвижение скоро закончится и прут почти созрел; в) от осеннего листопада до появления снегового покрова.

4. На первых порах срезать тонкие и длинные прутья, имеющие на срезе маленькую сердцевину, — с ними легче справиться, пока не окрепнут пальцы и не приобретут должную ловкость, силу. В процессе плетения участвуют обе руки и все пальцы.

Создавать художественные изделия из ивы — дело нелегкое, и далеко не каждому дается это ремесло. В. П. Богатов овладел искусством создания таких изделий из обыкновенных ивовых прутьев, какие произрастают по волжским берегам, самоучкой и, по его мнению, не так уж это сложно. А научился плести он в деревне.

Богатов Валерий Павлович родился 19 февраля 1954 года в деревне Меленки Городецкого района. Через год родители, Павел Алексеевич и Валентина Васильевна, переехали жить в Суздалево. В 1 класс Николо-Погостинской школы он пошел 7 лет к учительнице Дурашиной Ольге Александровне. Окончил 8 классов в 1969 году. Поступил учиться в Балахнинское училище № 22. В 1972 — 1974 годах служил в армии. Через год устроился работать электриком в совхоз «Заречный» (пос. Ильинский).

Валерий увлекся плетением простых корзин еще в 5 классе.

Как-то в августе Валентина Васильевна попросила его привезти тальника с берега Волги. Сын ей привез и стал наблюдать за работой — плетением простых одноручных корзин. К тому же их сосед, Белякин Дмитрий Степанович, постоянно занимался плетением зеленых одноручных и двухручных корзин, морд и корчаг для ловли рыбы. Валерий приходил к нему, смотрел на его работу, помогал хорошему, доброму соседу. Так и набрался опыта, навыка и в свободные зимние вечера после работы окончательно увлекся плетением. Стал делать одноручные зеленые, потом одноручные белые корзины не только себе, но и родным и знакомым. Он не раз находил корзины с интересным плетением в деревне Бакунино, нашел оставленное цыганами кресло в Безводном, были и другие находки. А потом заработала фантазия — сам стал придумывать рисунки.

У В. П. Богатова были раньше и другие увлечения: фотография, киносъемки и даже полеты на мотодельтоплане. С фотоаппаратом он не расставался. А вот свой вкус и умение развивал в плетении из лозы. Первые работы удались. Всем они понравились, нравились и самому мастеру.

Через несколько лет он решил на более сложную работу — на плетение кресла. А получилось оно легкое, красивого золотистого оттенка и очень прочное. Решил сплести целый гарнитур. Умели наши предки украшать свой быт. Это и дивной красоты резные наличники, и деревянная утварь, игрушки и расписная посуда, вышивка и кружева. А чего только не создавали умельцы из ивового прута — от грибного лукошка и хозяйственных корзин до сундуков и плетеной мебели. По-настоящему увлекся работой Валерий Павлович — в начатое дело вкладывал душу.

Осенью 1986 года и в ноябре 1988 года на центральной усадьбе совхоза «Заречный» работники Дома культуры А. А. Комиссарова и Е. В. Волгина подготовили и провели два праздника поселка. В зале ДК были выставлены работы жителей поселка и деревень: картины местного художника М. Н. Комиссарова, плетеные крючком салфетки, вязаные вещи, вышивка и кружева, макраме, поделки (например, мебель из железных банок Г. Г. Утенкова), работал дегустационный зал (из приготовленных блюд понравился всем грибной плов В. Е. Левтеева), проводилась беспроигрышная лотерея (В. Д. Фатина выиграла живого гуся), был концерт и пр.

На выставку 1986 года свои плетеные изделия из тальника

представил и Валерий Павлович Богатов — это изящные корзиночки под цветы и фрукты, вазу и плетеное оформление для настенных часов. Панно «Солнышко» удивляло всех своей оригинальностью. Выставку 1988 года кроме названных изделий украшала плетеная мебель Валерия Павловича: два кресла, круглый плетеный столик, бутылка, оплетенная тальником, короб для белья, вазы. Жители поселка увидели замечательные изделия мастера, восхищались, удивлялись и хвалили его.

Плетеная мебель В. П. Богатова ежегодно выставлялась на праздниках древнего города — Городца — на улице мастеров. В сентябре 1990 года он выставил четыре плетеных кресла, плетеный столик, 10-литровую бутылку, оплетенную, словно кружевом, тальником, корзиночки под фрукты и цветы.

Кружевная поверхность стола сплетена из тоненьких прутьев. Чехольчики на ножки — из более толстого стволика тала. На небольшом расстоянии от пола — изящно изогнутый четырехугольник из веточек черемухи для усиления конструкции. И все сделано из тальника, краснотала, ивы козьей, веток черемухи — материала, заготовленного с берега Волги, недалеко от Николо-Погоста. На празднике города такую мебель просили продать и за ценой не стояли.

Четыре кресла вокруг круглого плетеного столика. Тонкая работа. Так и хочется посидеть, отдохнуть в этих креслах! Никто не оставался равнодушным к плетеным из лозы изделиям, которые демонстрировал на улице мастеров Валерий Павлович Богатов. На изящную ажурную мебель поступили сотни заказов.

Его плетеная мебель выставлялась и в Городецком краеведческом музее. В благодарственном письме начальник социально-культурного управления и директор краеведческого музея выражали мастеру благодарность за большую работу по сохранению народных промыслов и возрождению русской культуры. Валерий Павлович за ежегодное участие в районных выставках «Городец мастеровой», посвященных празднику древнего города, награждался Почетными грамотами.

Его изделия пользовались успехом и на выставке в Москве.

В июле 1991 года в Ильинской школе жила две с половиной недели группа преподавателей из США. Они познакомились с самобытными народными промыслами Нижегородской области. Их интересовала хохломская, палехская, городецкая роспись и другие работы народного творчества. Эта группа побывала в

гостях у В. П. Богатова. Знатоки искусства познакомились с изделиями из лозы местного умельца. Они увидели разные по величине четыре кресла тонкой работы, круглый столик, вазы, обрамление для настенных часов, изящные корзиночки под цветы и фрукты, бутыль, оплетенную тальником, короб для белья и пр. Американцы считали, что международная экспертная комиссия кресло оценила бы в 400 долларов. Очень понравился гостям гарнитур. И действительно, кресло мастера настолько прочное, что на нем не только сидеть, но и плясать можно. Вот где прекрасное сочетание легкости, изящности и прочности! Порадовал местный самоучка своим умением, талантом иностранцев.

Валерий Павлович мог бы сплести из лозы и кресло-качалку, и диван, и многое другое, но нужны для этого свободное время, специальное помещение, сырье. Не всякая лоза годится для дела. Плантации специальных пород тала небольшие (его качество теряется от затопления весенними разливами Волги), да и скот на некоторых лугах, отданных под выгон, объедает побеги тала.

Плетеные из ивового прута корзины, вазы, сумки, мебель для дома — это украшение быта, радость творчества, новый взгляд на щедрые дары природы. Каждая вещица В. П. Богатова — настоящее художественное изделие, от которого глаз не оторвать. Все это сплетено из лозы умелыми руками Мастера (с большой буквы!).

Последняя работа Валерия Павловича — детская коляска (ажурное плетение) — подарок для родившейся 28 марта 1999 года внучки Дашеньки.

Завязалась переписка В. П. Богатова с автором книги о плетении из лозы В. М. Дубровским. Так, 19 марта 1992 года В. М. Дубровский писал:

«Здравствуйте, дорогой мой человек, уважаемый Валерий Павлович! Получил Ваше письмо 14 марта и фотографию двух Ваших изделий, которые, не скрою, понравились мне очень и восхитили мою жену, Зинаиду Николаевну, сразу потребовавшую: «Садись и плети мне такую же вазу и кресло!» А она зря не скажет — знает толк в вещах, не зря сдает свои шали, платки и палантины в Художественный фонд на продажу через магазин «Русский сувенир», что на Кутузовском проспекте. Правда, ее изделия там никогда не видели, так как разбирали по рукам члены приемочной комиссии для сбыта иностранцам. Вот так нас

облапошивают. Конечно, мне еще далеко до совершенства в плетении, чтобы высовываться на валютную торговлю с изделиями. А вот Ваш почерк работы меня душевно порадовал. Если бы мне скинуть годочков 10—15, обязательно приехал бы к Вам учиться по мебелильной части и вообще, а то в свои 69 лет стал что-то чувствовать себя неважнецки. Сказывается то, что в 1943 году я вернулся домой в Серпухов инвалидом II группы — инвалидом войны. Из летчика-истребителя пошел на текстильную фабрику смазчиком. Спасибо, что Вы откровенно поведали о себе и сложившейся у Вас обстановке с прутом. Хорошо, что Вы духом не падаете и не теряете надежду осуществить задуманное. Если бы Вы могли негативы снимков своих лучших изделий прислать мне, я бы посоветовался со специалистами, можно ли с них сделать репродукции в моей книге «25 уроков плетения», и молил бы Бога о том, чтобы снимки попали в нее с соответствующим текстом от меня об авторе таких оригинальных изделий. При благополучной экспертизе можно было бы подумать о моем приезде к Вам за Вашими рассказами о плетении. Знаком согласия буду считать получение негативов, а еще лучше с сопроводительным письмом, чтобы до весеннего аврала на севе и посадках нам успеть обменяться посланиями. На снимке из напольной вазы торчит дужка ручки. Такое впечатление, что в вазу вставлена корзиночка с цветами традесканции. Или дужка поставлена специально в раструб вазы как подставка под вьющиеся растения.

С надеждой на свидание остаюсь с уважением к Вам В. М. Дубровский».

**Письмо Павлику, сыну Валерия Павловича,
от В. М. Дубровского**

Начало мая 1992 года

Здравствуй, Павлик, милый друг! Хоть и с опозданием
Принимай из первых рук ты мое послание.

Ты прости — я виноват, затянул с ответом,
Но, поверь, был очень рад всем твоим приветам!

Папа твой в письме прислал фото кресла, вазы,
Меня в гости приглашал, чтоб увидеть сразу:

Волгу, город Городец, много, много тала
И все то, что сплел отец, а он сплел немало.

Я с тобой что разглядел, описал бы в книжке...
Я приехать бы хотел, но дела-делишки

Крепко держат старика на Оке родимой,
Проплывают облака, годы плывут мимо.

Вот поэтому спешу я оставить людям
Книги, что пишу, пишу... пусть же не осудят,

Если малость где приврал, может, в чем «зашился»...
Папу я помочь мне звал, другом быть стремился.

Но он занят — скоро сев, трудная работа.
Папа в своем деле лев! В этом роде что-то.

В руки ты отцу гляди, будешь на все руки!
Взрослых лет своих не жди, постигай науки!

Чтобы лучшим во всем быть, чтобы не лениться —
Труд и промыслы любить и отцом гордиться!

Дома, в школе поспевай, будь во всем ты с веком,
В ногу с жизнью в жизнь шагай смелым человеком.

На прощание скажу: год кончай без троек,
Я за этим прослежу, так что будь героем!

Ну а маме — мой поклон и привет сестрице...
Скоро праздник! Будет звон! Будем веселиться.

Дедушка В. М. Дубровский

Поздравление на открытке к празднику 9 мая — Дню Победы — В. П. Богатову от В. М. Дубровского:

Пусть в доме мир у Вас царит,
И труд весенний спорится.
И Волги радует всех вид,
Село родное строится.

Вот такой он у нас, Валерий Павлович!

МАТЬ ТРОИХ ПОГИБШИХ СЫНОВЕЙ

Прасковья Петровна Крекова (Уточкина) родилась в 1884 году в деревне Старцево Николо-Погостинской волости в крестьянской семье. В семье было восемь детей. Ее, первую, старшую, взяла к себе на воспитание бабушка в деревню Куфтино.

Девочке едва исполнилось 16 лет, как умерла мать. Отец забрал дочь в родной дом, в Старцево, присматривать и водиться с младшими братишками и сестренками.

Шли годы. Паша выросла. Она считала себя бедной невестой. Когда ей исполнилось 20 лет, ее «засватал» 45-летний вдовец из Николо-Погоста Иван Васильевич Креков, у которого уже было пятеро детей, причем его старшему сыну исполнилось в ту пору 19 лет.

Иван Васильевич (1859—1942) родился и жил в Погосте. У него было еще два брата и сестра. Первая его семья была крепкой, состоятельной. Жили с родителями, вели свое хозяйство. Иван Васильевич имел недалеко от села, в лугах, свой капустник (на большом участке земли выращивал капусту) и с работниками расплачивался только золотыми деньгами.

После второй женитьбы сына его мать, Надежда Андреевна, забрала семейные драгоценности и отвезла в Высоково своей дочери, ничего не оставив новой снохе. Кстати, с Прасковьей ей пришлось жить вместе 11 лет.

Иван Васильевич был крепким, среднего роста мужчиной, голосистым, любил правду-матку, умел постоять за себя. Дед его раньше носил фамилию Медведев, которая не нравилась ему (звали «медведь»), вот он и сменил фамилию на Крекова.

Жить теперь стала Прасковья в Погосте, в переулке Набережном, в двухэтажном деревянном доме. С мужем вели свое хозяйство, была корова, имели огород. Прасковья Петровна была мастерицей на все руки: плела кружева, косынки, подзоры, ткала холсты из льна, отбеливала пряжу, шила одежду, полотнца. А летом, пока жила у Крековых свекровь, плавала с Иваном Васильевичем на барже вверх и вниз по Волге. Ведь он был еще и волгарем.

Часто вспоминала Прасковья Петровна один случай из своей жизни, который едва не кончился печальным исходом. Произо-

шло это в затоне. Случайно оступившись, упала она с доски в волжскую холодную воду между баржами. Ее понесло течением. Падение Прасковьи Петровны никто не заметил. На ней был длинный широкий сарафан. Вон он и спас ее, вздувшись зонтом над водой. Матросы услышали барахтанье в воде, увидели юбку Прасковьи Петровны и вытащили ее за эту юбку баграми.

У Ивана Васильевича и Прасковьи Петровны родились дети: Николай, Иван, Александр, Мария (умерла в 4 года), Алексей (умер в возрасте 11 лет от укуса собаки), Виталий и Вера.

Иван Васильевич умер 21 августа 1942 года в возрасте 83 лет от ущемления грыжи.

Николай (1910 г. р.), старший сын Крековых, женился в 1935 году на Анастасии Степановне Подшиваловой (1907 г. р.) из Сельца Спасского. До войны он работал слесарем на Балахнинской станции (НиГРЭС), потом продавцом в магазине в мясном отделе. Во время строительства своего дома в Николо-Погосте на улице Кооперативной они жили с родителями и в Погосте, и в Сельце. В новый дом переехали перед войной. К этому времени в семье Николая Ивановича было два сына: Алимший (1936 г. р.) и Валерий (1939 г. р.).

Иван Иванович Креков (1912 г. р.) женился в 1936 году на Анне Николаевне Харчевниковой (1913 г. р.) из Красных Баков. Несколько лет жили они с родителями в двухэтажном деревянном доме в пер. Набережном. Иван Иванович работал слесарем на Балахнинской станции, потом на Узольском рейде на машине для связки пучков леса. В семье родились два сына — Алексей (1937 г.), Игорь (1939 г.) и дочь Людмила (1941 г.).

Александр Иванович (1919 г. р.) был холост, до службы в армии работал слесарем на Балахнинской станции, жил с родителями. Был взят на службу в Красную Армию осенью 1939 года. Служил на юге Финляндии, близ Выборга. Осенью 1941 года должен был вернуться со службы домой. Но мирную, спокойную, трудовую жизнь с ее мечтами и планами разом оборвала Великая Отечественная война. Почти в каждый дом приходили повестки — и сразу на фронт. Уходили на фронт мужчины, отправляли из колхозов машины, десятки тысяч лошадей. Все заботы теперь приняли на свои плечи женщины, старики и подростки.

Первым из сыновей Прасковьи Петровны был отправлен на фронт Александр Иванович, так как он в это время проходил службу в рядах армии еще с осени 1939 года.

Пришли повестки и его братьями. Их взяли на фронт в самом начале войны. Первым из них ушел Николай. Остались в просторном новом доме жена и двое сыновей. Следом за ним ушел на фронт и Иван. На руках жены трое детей, а маленькой Людмиле минул всего один месяц.

На передовой линии фронта солдаты видели кровь и смерть, попадали под бомбежки, испытывали тяжесть потери друзей, товарищей.

Потекли тяжелые военные трудовые дни. Похоронки буквально засыпали села. Оставались вдовами молодые женщины, теряя от горя сознание. Очнувшись, прижимали к себе детей, слабая от мысли, как поднимать их без отцов.

В 1941 году Прасковья Петровна получила два извещения о смерти сыновей. Первым погиб Александр Иванович под Выборгом. Вторым погиб летом 1941 года под Смоленском Иван Иванович. Его жена, Анна Николаевна, одна вырастила троих детей — Леонида, Игоря и Людмилу.

Старший сын Прасковьи Петровны, Николай Иванович, получил ранение в августе 1941 года. После госпиталя из Кировской области приехал домой, в Погост, на отдых к жене, Анастасии Степановне, детям (Алимпиию, Валерию) и к родителям (матери — Прасковье Петровне и уже серьезно больному отцу — Ивану Васильевичу).

Через месяц Николай Иванович вернулся в свою часть, воевал в комсоставе, был тяжело ранен в бою, а 5 июля 1942 года умер от ран в с. Афанасьеве Липецкой области, так и не узнав, что 10 мая 1942 года у него родился третий сын — Николай. На руках Анастасии Степановны осталось три сына.

Так в 1941 — 1942 годах Прасковья Петровна потеряла троих сыновей. Николай Иванович, Иван Иванович, Александр Иванович прожили короткую, но прекрасную жизнь и отдали ее за самое дорогое — за свободу своей Родины. Хорошие сыновья были у Прасковьи Петровны, хорошими стали и ее внучата — работающими, умелыми, хваткими на любую работу, смекалистыми.

Измалковский районный военный комиссариат Липецкой области на запрос сообщил, что красноармеец Креков Николай Иванович умер от ран 5 июля 1942 года в с. Афанасьеве Измалковского района Липецкой области, госпиталь № 2306, где и похоронен в братской могиле.

Письмо отправил РВК, майор Шербинин 18 февраля 1976 года.

Из письма пионерской дружины Афанасьевской средней школы Измалковского района Липецкой области:

«...Сообщаем, что рядовой Креков Николай Иванович числится в списках погибших на могильной плите в с. Афанасьеве Измалковского района Липецкой области. Могила находится рядом со школой в отличном состоянии, поставлен большой и красивый памятник — обелиск. О погибшем Крекове Н. И. нам пока ничего неизвестно, так как нет таких товарищей в селе, которые были с ним и знали его. Но наши следопыты ведут поисковую работу. Если что-то будет известно о нем, мы вам сообщим. Детей погибшего приглашаем приехать к Дню Победы 9 мая.

Совет дружины, старшая вожатая 17.03.76 г.»

Стоит в Погосте обелиск, как стражник, как воин — хранитель покоя. Далеко стоит от мест сражений той кровавой войны. В скорбном молчании застыл солдат, его взгляд устремлен к матушке-земле, голова склонена в скорби по товарищам, отдавшим жизнь за Родину. Но кто знает, где пролилось больше слез, больше случилось несчастий и горя. Ведь делилось все поровну — фронт и тыл были едины.

У подножия памятника — венки, цветы, их возлагают благодарные жители в самый священный и возвышенный праздник — День Победы. Это праздник со слезами на глазах, с печалью в сердце, с горечью утрат. В этот день с нами все те, кто не дожил до Победы, кто остался на дорогах войны.

В 1975 году, к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне, в Николо-Погосте состоялось торжественное открытие памятника воинам-землякам, погибшим в годы войны. На церемонии открытия право первой возложить цветы к подножию памятника было предоставлено матери троих погибших сыновей — Крековой Прасковье Петровне. В ту пору шел ей 92-й год. Умерла Прасковья Петровна через год, в 1976 году.

Особый свет ложится на лица тех, кто много пережил и выстрадал. Наши российские старики вынесли на плечах такое, что не всем под силу. Они воевали среди огня, они поднимали на ноги и подняли страну. Наши дедушки и бабушки умели ценить жизнь, беречь семейное счастье.

Склоняем головы перед вами, наши мудрые старики, наши герои.

БЕРЕЗИНЫ

В свидетельстве о рождении короткая запись: «Березин Сергей Сергеевич родился 7 сентября 1904 года в дер. Чистомежное. Родители: Березин Сергей Иванович и Березина Ирина Андреевна. Место регистрации: церковь Николо-Погоста Балахнинского уезда».

Нелегкая доля выпала крестьянскому парню Сергею. Когда ему было шесть лет, он вместе с сестрой (прожила 102 года) лишился родителей. Наступило тяжелое сиротское детство.

С детских лет Сергей познал нелегкий крестьянский труд, рано приобщился к нему, был не по-детски старательным, покладистым. Юношеские годы провел в деревне.

Женился Сергей молодым, в 16 лет. Его невесте, Клаве, было девятнадцать. Из свидетельства о рождении: «Ожигина Клавдия Павловна родилась 3 марта 1901 г. в с. Прудово. Родители: Ожигин Павел Александрович и Ожигина Матрена Николаевна. Место регистрации: церковь села Иконникова». У родителей Клавдии Павловны семья была большая, ее, старшую из детей, первой выдали замуж.

Вся жизнь Березиных прошла в Чистомежном. В деревне насчитывалось не более двух десятков домов, но в каждом семье были большие. Деревянный дом Сергея Сергеевича стоял в середине улицы. Он состоял из просторных сеней, летней комнаты и избы с полатами и большой печью. Со временем дом постарел. Заботливый хозяин его отремонтировал, обил рейкой, покрасил, и дом снова стал новеньким, красивым. Все дети выросли в нем.

Деревня Чистомежное расположилась на ровном месте, в чистом поле, где даже и деревьев не было. У каждого дома хозяева сажали деревья, так и озеленили деревню. До ближайшего леса далековато — несколько километров. А вот вода рядом, прямо у деревни два болота, в которых деревенские ребята купались и ловили рыбу. Поблизости деревни Митенское, Харламиха, Меленки, Плесянки, Бутаково, Лосево, Шубино, Волкопялиха.

Клавдия Павловна, жена Сергея Сергеевича, была женщиной красивой, круглолицей с темно-русыми волосами, полной, высокой и к тому же хорошей, заботливой хозяйкой, живой,

ловкой во всякой работе, доброй, приветливой, внимательной к людям. Образования она не имела, не могла даже писать, но мастерицей была на все руки. Как портниха, обшивала, одевала всю свою большую семью. В хозяйстве, кроме огорода, были корова, овцы, куры, утки, гуси. Клавдия Павловна работала рядовой колхозницей в колхозе «Пролетарская мысль». Каждое лето она выпекала хлеб на покос в лугах для колхоза, считалась в хозяйстве лучшим поваром и хлебопеком.

У четы Березиных родилось 12 детей (двое умерли): Александр (1923 г.), Виктор (1924 г.), Анатолий (1926 г.), Евстолия (1928 г.), Зоя (1930 г.), Александр (1935 г.), Юрий (1937 г.), Полина (1939 г.), Нина (1941 г.), Раиса (1944 г.). Президиум Верховного Совета СССР указом от 25 июня 1946 г. присвоил Березиной Клавдии Павловне — матери, родившей и воспитавшей 10 детей, почетное звание «Мать-героиня».

Умерла Клавдия Павловна 29 июня 1957 года в возрасте 56 лет.

Страницы жизни Березина Сергея Сергеевича

1. Удостоверение № 19 от 15 июня 1939 года редакции газеты «Рабочая Балахна»: Предъявитель сего тов. Березин С. С. является инструктором сельскохозяйственного отдела.

2. Делегатский билет № 98 от 11 июля 1948 года Березина С. С. — делегата XXIII Балахнинской районной конференции ВКП(б) от партийной организации колхоза «Пролетарская мысль».

3. Военно-учетные сведения из военного билета: год рождения — 1904, запас второй категории, группа учета — СВ, состав — солдат, воинское звание — рядовой, специальность — бригадир колхоза «Пролетарская мысль», социальное положение — колхозник, образование — четыре класса, призван на действительную службу Балахнинским РВК в 1926 году, признан годным к строевой и зачислен в запас, рост 179, окружность головы 56, размер противогаза 3, размер обуви 42, в Советской Армии не служил, в Великой Отечественной войне не участвовал, снят с учета ВУС Николо-Погостинского сельсовета Балахнинского района Горьковской области 2 февраля 1955 года при достижении предельного возраста.

4. Из трудовой книжки:

1937 — 1940 гг. — инструктор с/х отдела в редакции газеты «Рабочая Балахна».

Декабрь 1940 г. — апрель 1942 г. — председатель Зарубинского сельпо,

Май 1942 г. — март 1945 г. — в Балахне: в отделении добычи старший смены карьерщиков; начальник крана на добыче.

Март 1945 г. — февраль 1949 г. — переведен в распоряжение райкома ВКП(б).

Февраль 1949 г. — октябрь 1958 г. — председатель Николо-Погостинского сельпо.

Апрель 1959 г. — сентябрь 1964 г. — рабочий Ковернинского леспромхоза на Узольском рейде. Уволен в связи с уходом на пенсию.

5. На основании справки ГОРСО от 3 ноября 1987 года получал пенсию в соответствии с п. 2 Постановления Совета Министров СССР от 18 сентября 1986 года «О дополнительных льготах участникам Великой Отечественной войны и семьям погибших военнослужащих», пользовался правом на 50%-ную скидку по оплате жилой площади, коммунальных услуг и топлива. Лекарство и проезд — бесплатно.

6. Имел членский охотничий билет Городецкого охотобщества от 21 августа 1969 года.

Умер Березин С. С. 2 февраля 1998 года в возрасте 93 лет. До конца дней своих на зрение, слух, ноги не жаловался, ежедневно сам ходил за продуктами в магазин.

Сергея Сергеевича знали жители деревень Николо-Погостинского сельского Совета и помнят до сих пор как хорошего человека, как председателя, как бригадира колхоза «Пролетарская мысль», как руководителя сельпо и как сельского корреспондента (селькора). Его заметки о жизни своего колхоза и других хозяйств, о жизни сельчан печатались в районной газете «Рабочая Балахна». Он пользовался всеобщим уважением.

Хороших детей вырастили Березины. Два сына, Александр и Виктор, не вернулись с войны домой, отдали свою жизнь за Родину.

Страший сын, Александр (1923 г. р.), в семье не был белоручкой, рано приобщился к крестьянскому труду и, как старший, считался кормильцем семьи. В январе 1940 года устроился слесарем на ГОГРЭС, ходил ежедневно на работу пешком, а после работы помогал родителям по хозяйству.

Сын Виктор (1924 г. р.) тоже ни от какой работы не отказывался, был хорошим помощником матери. С 12 лет работал

в колхозе «Пролетарская мысль». И бороться на лошадях научился, и сенокосничать, и пахать, и снопы обмолачивать. Работал парень за троих.

Оба сына были темно-русскими, высокими, красивыми, скромными, послушными ребятами, не курили и не употребляли спиртного.

Когда началась война, сразу обезлюдели деревни — в домах остались одни женщины, детишки да старики. В каждом доме суэта, сборы, женский плач, детские слезы. Мобилизуемым разносили повестки, в колхозных конюшнях военные отбирали в Красную Армию лучших лошадей.

В Чистомежное пришли извещения. Александра и его отца, Сергея Сергеевича, призвали в армию в один день — в октябре 1941 года. Старшим из детей в семье стал Виктор.

Долго Клавдия Павловна смотрела вслед скрывшимся вдали сыну и мужу. Стряхнула кончиком платка слезы и все шептала: «Обойди пуля и снаряд моего сыночка и мужа. Спаси, сохрани их от ран и смерти».

Отец семейства, Сергей Сергеевич, вернулся домой, а вскоре опять провожали его на фронт. «Береги, мать, детей, а мы уж как-нибудь сдюжим», — говорил он жене. Вскоре солдат оказался в Нарофоминске. После обморожения и ампутации двух пальцев на руке Сергей Сергеевич вернулся домой и работал в Балахне на торфоразработках.

Александр с первых же боев показал себя спокойным, выдержанным и мужественным солдатом, бесстрашным и выносливым. А в это время он действительно ходил в двух шагах от смерти. И так до конца дней своих.

Виктор до призыва в ряды Красной Армии работал в колхозе. В декабре 1941 года ему только исполнилось 18 лет — сразу взяли на фронт.

Старший сын, Александр, на фронте, а теперь вот и второй в армию уходит. Каково-то матери... Сынок давно уже скрылся из виду, а мать все еще стояла у дороги и всматривалась вдаль: «Может, пощадит война, ведь совсем еще молоденький...» Вспомнила сына босоногим мальчонкой, вспомнила, как бегал с деревенскими мальчишками в школу, каким был помощником, работником...

Нет, не белоручкой пришел в армию Виктор. Его руки одинаково сноровисты были у жнейки и молотилки, овладел он и воинской наукой.

Теперь Родину защищали два сына. Фронтовые треугольники от сыновей с номером полевой почты шли в родные края.

Не вернулся на родину Александр: он погиб под Сталинградом в октябре 1942 года.

Считай, ни один дом в ту тяжелую годину не обошла стороной похоронка. Завыла, запричитала, как исстари на Руси повелось, по сыну-солдату мать...

Изв е щ е н и е

Ваш сын, младший сержант Березин А. С., уроженец д. Чистомежное, находясь на фронте, погиб в октябре 1942 года.

Балахнинский РВК

Второй сын, Виктор, с фронта писал довольно часто. И дома однажды побывать ему довелось. Виктор со своим командиром (родом из Правдинска) прибыли в г. Горький за военной техникой — танками. Командир отпустил Виктора на несколько дней домой. Это был его последний приезд в родные места.

Наступило лето 1944 года. Получив тяжелое ранение в ногу, Виктор в течение шести месяцев находился на лечении в госпитале г. Львова (с августа 1944 г. по февраль 1945 г.). В своем последнем письме оттуда Виктор домой написал: «В госпиталь мне не пишите, ждите письма с другого места». И больше от него весточки не было. Родители получили извещение Балахнинского РВК. «Ваш сын, красноармеец Березин Виктор Сергеевич, уроженец д. Чистомежное Николо-Погостинского сельсовета Балахнинского района, находясь на фронте, погиб в феврале 1945 года».

Тяжело родителям терять одного сына. Еще тяжелее, когда война отнимает сразу двух сыновей.

**ЖИТЕЛИ НИКОЛО-ПОГОСТА —
УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1941 — 1945 ГОДОВ**

Улица Набережная

Крытанов Александр — вернулся
Крытанов Ион — погиб
Копылов Петр Алексеевич — вернулся
Копылов Алексей Алексеевич — вернулся
Копылов Николай Алексеевич — погиб
Морозов Геннадий Васильевич — вернулся
Морозов Виктор Васильевич — погиб
Кузьмичев Иван Васильевич — погиб
Кокурин Александр Иванович — вернулся
Кокурин Николай Иванович — вернулся
Григорьев Николай Павлович — погиб
Лизунов Аркадий Федорович — погиб
Лизунов Виктор Аркадьевич — вернулся
Лизунов Владимир Аркадьевич — погиб
Дубинин Всеволод — бронь
Дубинин Николай — погиб
Дубинин Сергей — вернулся
Копылов Виктор Алексеевич — погиб
Капранов Константин Вячеславович — погиб
Чернавин Петр Александрович — вернулся
Дурашин Борис Иванович — вернулся
Мохов Яков Васильевич — вернулся
Дурашин Николай Александрович — погиб
Дурашин Сергей Михайлович — бронь
Иванов Павел Иванович — вернулся
Бурмистров Ефим Владимирович — погиб

Переулок Набережный

Дурашин Дмитрий Иванович — вернулся
Шетунов Степан Иванович — погиб
Громов Михаил — погиб
Громов Николай — погиб
Якушев Петр — погиб
Чернавин Александр Александрович — погиб
Креков Николай Иванович — погиб
Креков Иван Иванович — погиб
Креков Александр Иванович — погиб
Копылов Алесандр Иванович — погиб
Мартынов Александр Александрович — вернулся
Мартынов Владимир Александрович — вернулся
Туров Михаил Иванович — вернулся
Туров Николай Иванович — вернулся
Туров Сергей Иванович — вернулся
Туров Алексей Иванович — вернулся
Туров Анатолий Иванович — вернулся

Улица Северная

Боровиков Александр Васильевич — погиб
Сергиевский Евгений Сергеевич — погиб
Шиков Александр Иванович — погиб
Кокурин Федор Степанович — погиб
Хрипкин Василий Солуянович — погиб
Креков Михаил Иванович — вернулся

Улица Базарная

Ковровский Александр Александрович — вернулся
Ковровский Виктор Александрович — вернулся
Ковровский Анатолий Александрович — погиб
Креков Петр Васильевич — вернулся
Креков Александр Васильевич — вернулся
Иванешкин Николай Иванович — вернулся
Бузунов Иван Алексеевич — вернулся
Пашкевич Иван Иванович — вернулся
Казанцев Дмитрий Петрович — вернулся
Казанцев Алексей Петрович — вернулся
Казанцев Анатолий Петрович — погиб
Шадрин Геннадий Алексеевич — вернулся

Дурашин Михаил Иванович — вернулся
Ковровский Константин Михайлович — вернулся
Богданов Дмитрий Петрович — погиб
Вознесенский Борис Васильевич — вернулся
Рыбкин Евстафий Григорьевич — вернулся
Бычков Петр Яковлевич — вернулся
Бычков Юрий Яковлевич — погиб
Золотарев Геннадий Евгеньвич — погиб
Золотарев Константин Евгеньвич — вернулся
Золотарев Петр Васильевич — погиб
Чернышов Иван Васильевич — погиб
Чернышов Николай Васильевич — погиб
Креков Павел Васильевич — вернулся
Чернышова Вера Николаевна — вернулась
Шадрин Николай Александрович — погиб

Улица Новая

Кипин Михаил Михайлович — вернулся
Ковровский Николай Михайлович — вернулся
Ковровский Дмитрий Михайлович — погиб
Ковровский Александр Михайлович — вернулся
Сбитнев Степан Иванович — погиб
Левкович Валентин Павлович — вернулся

Улица Советская

Кокурин Александр Степанович — вернулся
Креков Василий Николаевич — вернулся
Буянов Юрий Андреевич — вернулся
Кокурин Константин Степанович — вернулся
Казанцев Александр Петрович — вернулся
Солнцев Иннокентий Алексеевич — вернулся
Воронцов Николай Иванович — погиб
Милютин Петр Яковлевич — погиб

Улица Кооперативная

Богданов Иван Дмитриевич — погиб
Покровский Лев Константинович — вернулся
Покровский Александр Константинович — вернулся
Жегалов Сергей Владимирович — вернулся
Ковровский Владимир Михайлович — бронь

Каширин Николай Алексеевич — вернулся
Дурашин Михаил Александрович — вернулся
Белякин Павел Дмитриевич — вернулся
Белякин Федор Дмитриевич — вернулся
Прыгунов Борис Константинович — вернулся
Чуреков Иван Григорьевич — вернулся
Чуреков Александр Григорьевич — вернулся
Смирнов Николай Васильевич — погиб
Калиничев Александр Иванович — погиб

ШЛИ НА ФРОНТ ПИСЬМА (А. Старцево)

14 марта 1908 года в деревне Блаженцово в крестьянской семье Матрены Андреевны и Константина Александровича Подшиваловых родилась дочь Тоня. Трудное было время. С 8 лет Тоня помогала родителям на своей полосе и в хозяйстве, водилась с младшими сестренками и братьями. Родители были неграмотными, даже свою фамилию не могли написать. В семье было пятеро детей, и все они смогли окончить только по два класса Мошковской школы. Там Тоня научилась писать и читать.

В 1928 году Антонина вышла замуж за Ивана Николаевича Дурашина (1905 г. р.) и стала жить в Старцево, что рядом с Николо-Погостом.

Как только начали создаваться коллективные хозяйства, Тоня Дурашина вступила в колхоз «Пролетарская мысль». Муж, Иван Николаевич, работал в то время электриком на Балахнинском бумкомбинате.

С первых дней работы в колхозе Антонина показала себя добросовестной труженицей. Вот что писал о работе Тони и ее подруг в районной газете селькор С. С. Березин: «Колхоз «Пролетарская мысль» собирает богатый урожай яровых. Полным ходом идет косовица овса. Колхозницы Дурашина и Клюева на косовице овса выполняют норму до 145 процентов... 11 августа вязальщицы Дурашина и Уточкина из колхоза «Пролетарская мысль» Н.-Погостинского сельсовета заработали по 21 трудовому...»

Колхозницы Дурашина А. К. и Лобова М. ежедневно перевыполняют норму на уборке картофеля. 27 сентября колхозница Дурашина нарыла за 9 часов 68 пудов картофеля при норме 30 пудов. Лобова М. нарыла 58 пудов».

Успевала Антонина Константиновна заниматься и общественной работой. Не раз ее избирали депутатом Николо-Погостинского сельского Совета. Все горести и проблемы односельчан воспринимала она как свои.

И вдруг война! Мужчины ушли на фронт защищать независимость своей Родины от фашистской чумы. Пришел черед выполнять свой воинский долг и мужу Антонины Константиновны — Ивану Николаевичу. О его работе на бумкомбинате известно из сохранившейся предвоенной характеристики: «Тов. Дурашин И. Н. работает в паросиловом хозяйстве Балахнинского бумкомбината с 14 ноября 1933 года по настоящее время в качестве дежурного электрика смены. Тов. Дурашин И. Н. является стахановцем. С производственными обязанностями справляется хорошо, быстро и четко исполняет распоряжения администра-тивного персонала, нарушений трудовой дисциплины не имеет».

На фронт ушел Иван Николаевич в самом начале войны — 30 июня. «Ты не беспокойся за меня, Ваня, детей сохранию, выращу, старика свекра не оставлю. Бей сильнее гадов, возвращайся с победой», — говорила Антонина Константиновна мужу.

Матери, жены и дети плакали, провожая сыновей, мужей и отцов. Плакала и Антонина с двумя дочерьми и сыном. Но слезы — плохой помощник в беде. Антонина сказала колхозникам: «Поплакали и ладно. За дело приниматься надо. Теперь нам придется работать и за ушедших на фронт».

И депутат сельского Совета, бригадир колхоза «Пролетарская мысль» Антонина Дурашина возглавила работу на полях и фермах.

Трудились от рассвета до темна. Заготавливали корма, убирали хлеб, картофель, ухаживали за скотом. И почти всю продукцию отправляли на фронт. «Всё для фронта, всё для победы!» — этим лозунгом были проникнуты все помыслы и дела пролетарцев.

Обратимся к переписке Антонины Константиновны и ее подруг-односельчанок с капитаном, командиром танковой роты

Первой танковой гвардейской бригады Г. А. Шалыгиным и его бойцами.

В начале 1943 года, во время снятия блокады Ленинграда, командиру танкового взвода Г. А. Шалыгину был дан приказ овладеть станцией Батецкой, на которой было сосредоточено много техники противника и где он оказывал самое ожесточенное сопротивление. Через несколько часов танковый взвод Шалыгина успешно справился с возложенной на него задачей. Но во время этого боя командир взвода был ранен. После большой потери крови он несколько часов не приходил в сознание. очнулся только в медсанбате. Около него дежурила медсестра.

Она с улыбкой протянула Шалыгину небольшую записку и велела прочитать ее. Туман застилал глаза, он не мог различить слова, и тогда сестра сама передала ему содержание записки. Записка была написана донором-женщиной, чья кровь текла теперь по жилам командира, возвращая ему потерянное здоровье.

Вместе с запиской сестра вручила и небольшую скромную посылочку с припиской. Женщина писала, что она отдает свою кровь и скромные подарки для бойцов, которые, не щадя своей жизни, защищают Родину. Автором этой посылки и записки была колхозница, мать троих детей А. К. Дурашина.

Когда здоровье капитана пошло на поправку, он написал письмо, поблагодарил за заботу Антонину и ее подруг за посылочку.

И так завязалась между ними переписка. В письмах женщины сообщали ему о жизни и труде в тылу. Они читали письма капитана Шалыгина, в которых он писал о радостях и успехах на фронте, о горечи и неудачах. Воины знали, что в тылу работают не покладая рук женщины и старики, но в тех строках писем женщин не было жалоб на тяжелое время, наоборот, они подбадривали воинов.

Май и июнь 1943 года были решающими на Курской дуге. Об этом писал капитан колхозницам. Как правило, все письма Шалыгина и его бойцов зачитывались колхозникам, сельчанам, а письма из тыла Шалыгин зачитывал воинам. Они из писем хорошо представляли себе, каким трудом все это достается тыловикам. Солдаты берегли технику, боеприпасы, не допускали лишнего расхода снарядов.

...В июне 1943 года враг рвался в наступление. Стояла жара, и лишь вечерняя прохлада освежала воздух. Противник вел одну атаку за другой, и наши бойцы успешно отбрасывали его на прежние рубежи.

Из писем Шалыгина и его бойцов Антонины, ее подруги и односельчане узнавали о событиях, происходивших летом 1943 года под Курском. Они в ответ заверяли, что готовы день и ночь работать для победы.

Эти патриотические письма оставляли в сердцах солдат заметный след. Однажды экипаж танка из-за отказа мотора покинул машину на линии огня. Товарищи напомнили экипажу о письмах из тыла: там женщины не бросают производство, с неистовым упорством и лишениями растят хлеб и солдатских детей. А они бросили машину... После короткого разговора экипаж ушел на выручку своей машины, под обстрелом устранил неисправность и в полном боевом порядке вернулся на исходный пункт.

Вот так незаметно для себя Антонины и ее подруги стали хорошими агитаторами и всей бригадой, вместе с воинами беззаветным трудом приближали победу.

Не в одном только Шалыгине текла кровь А. К. Дурашиной. У нее есть еще несколько таких братьев по крови и, конечно, по духу, так как в дни войны мысли и чаяния воинов Красной Армии были едины с помыслами тружеников тыла. И враг был повержен их общими усилиями, героизмом и самоотверженным трудом.

А вечером соберется семья Антонины Константиновны за скудным ужином. Мать обласкает полуголодных детей, перечитывает солдатские письма-треугольники, погрузит... И после короткого отдыха снова спешит на поля и фермы.

Как-то весной заболел председатель колхоза, и все дела артели легли на плечи Антонины. А тут горькая весть с фронта — муж ранен. Утром Антонина пошла в больницу и сдала кровь. Вот так и стала она донором.

Забот в колхозе все прибывало. Выбились из сил лошади. Не на чем стало пахать, перевозить корма, подвозить к фермам дрова, воду. «Что ж, бабы, падать духом не будем, — говорила Антонина колхозницам, — запряжем коров, а дело не должно стоять. Фронт требует хлеба, мяса. Вот послушайте, что пишут нам с фронта...»

И женщины, затаив дыхание, внимали вестям с фронта. После таких писем проходила боль и усталость, работалось легче. Работа в поле, на ферме, заседания в исполкоме Совета, в нарсуде — как только успевала А. К. Дурашина управляться со всеми делами!

Трудились на колхозных полях до самого позднего вечера. Чтобы картофель не прихватило морозом, убирали ночью с фонарями. Женщины заменяли не только мужчин, но и... лошадей. Картошку с поля на себе возили. Поля были чистые, ни одной картошинки не оставили.

А дома ждали Антонину Константиновну дети и старик свекор — Николай Александрович, участник японской войны, плотник-баржевник. До образования колхозов он по зимам плотничал в Молитовском затоне. С организацией колхоза «Пролетарская мысль» в Старцеве Николай Александрович до конца войны работал на лошади. Умер в 1946 году.

Колхозу помогали и дети Антонины Константиновны. Двенадцатилетнему сыну Николаю, ученику 5 класса, весной пришлось бросить школу и работать по-настоящему, как взрослому, на лошади Буяне вместе со своим дедом, у которого была лошадь Ворон. Николай, дед и еще две женщины на четырех лошадях обрабатывали всю землю колхоза, работая от зари до темна, без выходных, получая за это, как тогда говорили, палочки-трудодни.

До всего доходили натруженные женские руки. Антонине Константиновне надо было накормить, напоить и детей, и старика свекра, починить, постирать немудреную одежку, написать на фронт письма, собрать скромную посылку. И надо было ежегодно подписываться на 4000 рублей на заем. Помогала и одиноким престарелым старикам в деревне, приносила им молоко, выпечку, картошку. Всюду старалась оправдать А. К. Дурашина доверие односельчан, за то и выбирали ее депутатом сельсовета. О себе не думалось, лишь бы скорее конец этой войне. Бессонным ночам потерян счет. Но успокаивало то, что в поле не осталось ни одного зернышка, ни одного клубенька картофеля.

Борьба за жизнь, за победу не прекращалась в деревне ни на один день, ни на один час. Антонина Константиновна подавала колхозникам личный пример, вела их за собой, была духовной

наставницей. Не сломила ее волю и страшная весть о героической гибели мужа в апреле 1945 года.

Иван Николаевич был связистом. Домой он писал с передовой линии. Первый раз был ранен под Сталинградом, второй — в боях под Белгородом. 13 апреля он писал из освобожденной Польши: «Близок час разгрома гитлеровцев. Скоро приеду домой, дорогая. Жди. У меня 3 боевых награды». А 15 апреля 1945 года Иван Николаевич погиб. В Старцево пришла похоронка. Не достиг Иван Николаевич Берлина, но сделал все, чтобы народ наш торжествовал Победу.

...А на фронт до конца войны шли письма от А. К. Дурашиной, ее подруг и сельчан Шалыгина и его бойцам-танкистам.

Бывало, соберется вся бригада, и бригадир читала фронтовые письма. Ой, какой ненавистью к фашистам пылали письма Григория! Ведь у него фашисты убили мать и сестру. Фронтovикам зачитывались письма сельчан перед строем, и после каждого письма солдаты давали клятву еще сильнее бить врага, приблизить час победы. Капитан Шалыгин и его бойцы дошли в 1945 году до Берлина! Его боевой путь отмечен пятью орденами.

Давно зарубцевались раны войны. Но не стерлись. И они напоминают о тех грозных днях, когда люди отдавали для победы все силы. Оставшимся в живых память об этом все еще дорога.

И поэтому через 25 лет бывший фронтовик, капитан гвардейской танковой части Г. А. Шалыгин спешит в Старцево повидать сельчан, чтобы не через письма, а лично отблагодарить их за проявленные в годы войны мужество и стойкость. Иначе он не мог, ведь в его жилах текла донорская кровь Антонины Константиновны Дурашиной.

Да, письма Г. А. Шалыгина и его бойцов, письма с фронта, воодушевляли старцевских колхозниц на трудовой подвиг. Спасибо Григорию Арсентьевичу, славному ветерану Великой Отечественной войны, кавалеру пяти орденов из г. Электростали Московской области за теплые слова в адрес сельчан, за память о них, за встречу!

После войны Антонина Константиновна не раз обращалась в печать, на радио и телевидение с просьбой: «Не найдутся ли сослуживцы, друзья мужа, не напишут ли они, как погиб мой

муж, Иван Николаевич Дурашин 15 апреля 1945 года? Я им буду очень благодарна». Но никто не отозвался.

Более 30 лет трудилась в колхозе Антонина Константиновна: и рядовой, и бригадиром, и членом правления колхоза ее избирали, и заместителем председателя колхоза она была, и заведующей фермой, и депутатом сельского Совета, а ведь у нее было трое детей и престарелый свекор. И духом она не падала!

Доброй, отзывчивой, сердечной помнят Антонину Константиновну сельчане. Соседи постоянно ходили к ней делиться своими радостями и горестями, просто поговорить, посоветоваться.

Антонина Константиновна вырастила одна троих детей, и все они получили образование. В 1946 году сын Николай по повестке был мобилизован в Балахнинское РУ, поэтому семилетку окончил в вечерней школе, затем учился в Балахнинском техникуме на вечернем отделении. Дочь Елена после 8 класса пошла на бумкомбинат, потом работала секретарем Мошковского сельсовета, а Вера после 7 класса училась в сормовском медучилище. Война закалила, научила всех троих ребят смолоду преодолевать трудности.

Сейчас дочь Елена живет в Городце, дочь Вера — в Самаре, сын Николай — в Нижнем Новгороде. Летом он приезжает в родительский дом, в Старцево. У Антонины Константиновны пять внуков и восемь правнуков.

Работала Антонина Константиновна и во вновь созданном совхозе «Балахнинский» (ныне «Заречный»). В 1963 году она ушла на пенсию. Но когда совхозу требовалась помощь, она всегда отзывалась. За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны Антонина Константиновна 20 мая 1948 года награждена медалью. В 1975 году ей была вручена медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

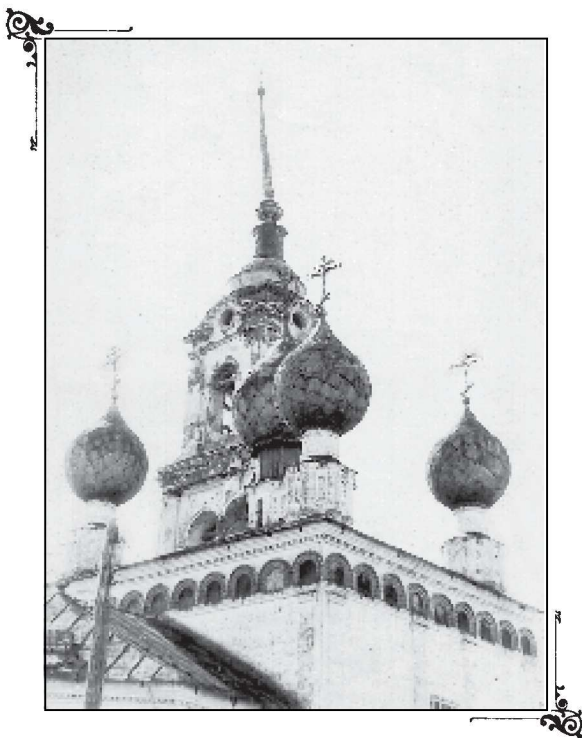
За героический, самоотверженный труд на колхозных полях и фермах Антонина Константиновна ничего себе не заработала и, будучи на пенсии, была лишена внимания, помощи, заботы, поощрения, была забыта руководством района и совхоза, о ней забыли — руководители часто менялись. Трудно было в ту пору пенсионерке заготовить на зиму дрова. Но никто о ней не вспомнил. А вот налоги, обязательства-поставки государству

Антонина Константиновна продолжала исправно платить. Так, в 1953 – 1956 годах были установлены следующие обязательства государству: платежи по обязательному окладному страхованию, подписка на заем, самообложение, неналоговые платежи, госзакупка картофеля, сельхозналог, поставки государству: мяса (40 кг), яиц (50 штук), кожевенного сырья (кожи овец, коз, телят), зерна, продовольственного картофеля, шерсти, молока (250 л)...

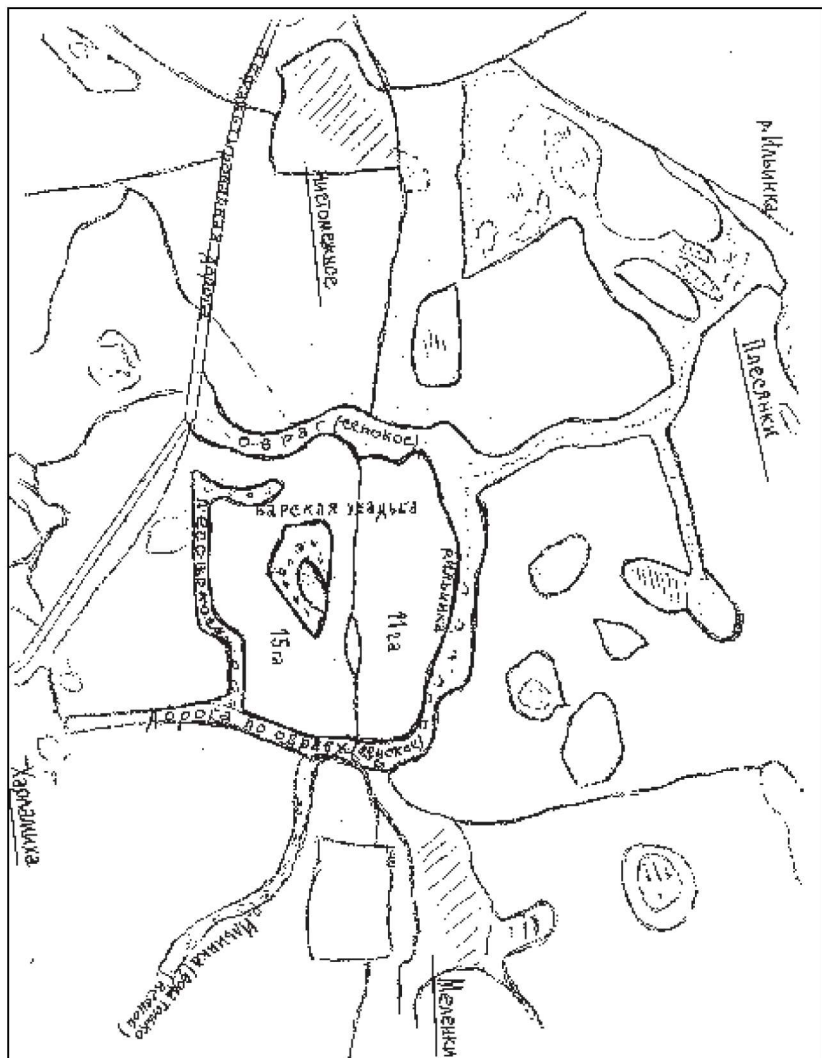
Умерла Антонина Константиновна в 1991 году, на восемьдесят третьем году жизни, у дочери Веры Ивановны. Похоронена в Самаре.

Ушла из жизни Антонина Константиновна, но память у сельчан о ней жива.

НИКОЛО-ПОГОСТ, КАКИМ ОН БЫЛ И ЕСТЬ

Николо-Погост.
Спасо-Преображенская церковь
(Снимок 1956 г)

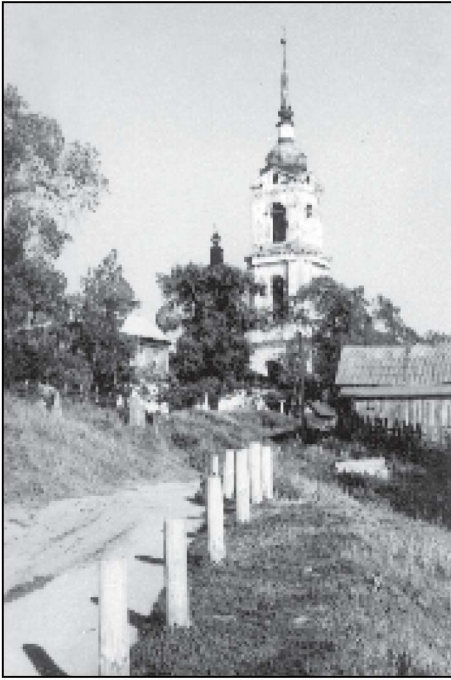
Барская усадьба. Карта-схема

Николо-Погост.
Вид на шихан со стороны начала озера (1986 г.)

Вид на Погост со стороны озера (1958 г.)

Николо-Погост.
Конец 50-х годов

Вид на Погост. Конец 50-х годов

Образец нижегородской резьбы
мастера Копалкина

Резьба,
выполненная мастером
В. Ф. Копалкиным

Проводы в армию Владимира Амелькина из д. Щекино
(1959 г.)

Жители Николо-Погоста. В первом ряду Дурашины.
Проводы в армию Дмитрия Дурашина (1953 г.)

Семья Дурашиных:
Михаил Иванович,
Петр Иванович,
Борис Иванович,
Анна Ивановна
(1975 г.)

Врач Г. П. Ратова с обслуживающим медперсоналом
Н.-Погостинской больницы (1980 г.)

Главный врач
Н.-Погостинской больницы
Г. П. Ратова,
заслуженный врач РСФСР,
кавалер ордена Ленина

Богдановы Александр, Николай, Иван, Сергей, Петр
с родителями Екатериной Петровной
и Дмитрием Николаевичем

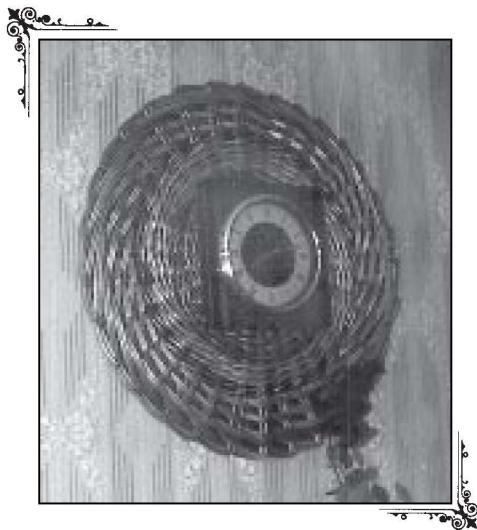
Церковный хор (1928 г.)

Николо-Погост.
На переднем плане дома Г. М. Ратова и И. М. Ерикова
(1967 г.)

В своем хозяйстве землю можно пахать
не только трактором или лошадкой, а и вот таким способом
(1989 г.)

Часы.
Работа мастера плетения из лозы
В. П. Богатова

Кресла, плетенные из лозы. Работа В. П. Богатова

СОДЕРЖАНИЕ

Николо-Погост — древнейшее село Нижегородского Поволжья	3
Земля древняя, святая	7
Владения отца и брата Кузьмы Минина в Заузолье	8
О жизни крепостных крестьян перед отменой крепостного права	10
Николо-Погост в XIX — XX веках	13
Барский дом	17
Масленица (1917 г.)	19
Погостинский базар	20
Под сосенками	21
Крестьяне деревень всегда трудились	22
Мастер нижегородской резьбы Василий Федорович Копалкин	22
Николо-Погостинский сельсовет с 15 декабря 1918 года по 1929 год	28
О деревне Щекино	29
Волгари Дурашины из Николо-Погоста (Из воспоминаний О. А. Дурашиной)	31
Волгари Николо-Погоста	42
Частушки «Проводы в армию» (Воспоминания старожилов Николо-Погоста)	45
Гармонисты на земле погостинской	47
Баржевой мастер Семен Александрович Чечерин (д. Щекино Балахнинского уезда)	48
Путешествие в прошлое (Из воспоминаний К. И. Кокурина)	52
Железная дорога	116
Добровольные водные общества в Николо-Погосте	120
Ериков Иван Михайлович	121
Плотниками наш край славился	122
Братья Богдановы — столяры-краснодеревщики	126
Маликины из Буркова — столяры и плотники	130
Братья Цепицины — плотники из Фаладова	131
Февраль 1919 года	140
Сельцо-Спасское, 1920-е годы	141
Подшиваловы из Сельца-Спасского	142
История семьи Чернавиных	145
Лишенные избирательного права (Лишенцы)	152
Духовенство Николо-Погоста	156
Николо-Погостинская церковь в 1923 — 1930 годах	160
Церковный хор	164

О репрессиях служителей культа Николо-Погостинского храма в 1937 году	166
Николо-Погостинская церковь в 1938 году	173
Соколовы (Из воспоминаний В. В. Соколова)	175
Подколокольня	179
Улицы Николо-Погоста к 1940 году	182
Хранители церковного имущества (1938 – 1991 гг.)	182
Подземный ход	185
Никольское озеро (Воспоминания Д. Фильчагина, 10 лет, 1997 г.)	186
Мастер плетения из лозы	193
Мать троих погибших сыновей	197
Березины	
Жители Николо-Погоста – участники Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов	202
Шли на фронт письма (д. Старцево)	205
Николо-Погост, каким он был и есть	213

НИКОЛО-ПОГОСТ
ИСТОРИЯ ИМЕНИТОГО СЕЛА
НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Книга первая

Редактор *Т. И. Пелевина*
Корректор *И. А. Кокорина*
Компьютерная верстка *О. В. Кондрашиной*

ИД № 00023 от 14 августа 1999 г.

Оригинал-макет подписан в печать 22.04.03 г. Формат 60 × 80^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Peterburg». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13,02. Тираж 100 экз. Заказ 1077.

Нижегородский гуманитарный центр,
603122, Н. Новгород, ул. Ванеева, 203.

Отпечатано в типографии Нижегородского гуманитарного центра.